

Костромской архитектурно - этнографический
и ландшафтный музей-заповедник

“Костромская слобода”

СОХРАНЯЯ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Научный сборник,
посвященный 55-летию
Костромского музея деревянного зодчества

КОСТРОМА
2015

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»

СОХРАНЯЯ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Научный сборник,

посвященный 55-летию

Костромского музея деревянного зодчества

Кострома
2015

УДК 947.088(471.317)
ББК 63.3(2 Р34) +63.5
К 72

Редакционный совет
А.И. Митин, Л.В. Москалёва, С.А. Пиляк,
Т.Г. Гончарова, С.А.Уткин

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор О.В. Смурова

Научный сборник Костромского архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода», посвящённый 55-летию Костромского музея деревянного зодчества. / Отв. ред. Т.Г. Гончарова. – Кострома: ГП «Областная типография им. М. Горького», 2015. – 184 с.

В юбилейный научный сборник вошли работы научных сотрудников музеев, вузов и образовательных центров, посвященные проблемам сохранения культурного наследия, изучению отечественной этнографии.

Издание представляет интерес как для исследователей-краеведов, искусствоведов, музейных работников, так и для массового читателя.

ББК 63.3(2 Р34) +63.5
К 72

© ОГБУК «Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

А.И. МИТИН,

*директор Костромского архитектурно-этнографического
и ландшафтного музея-заповедника*

«Костромская слобода»

ПРЕДСТАВЛЯЯ ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

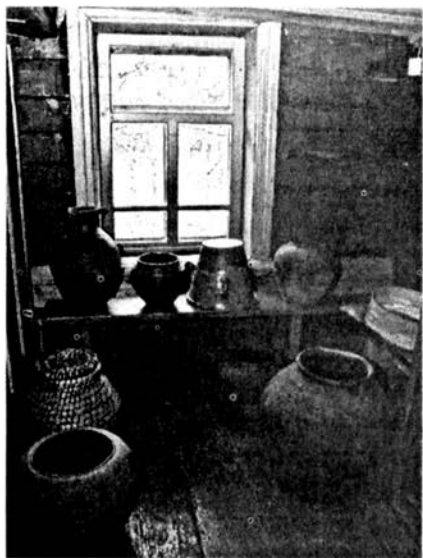
В 2015 году наш музей отмечал 55-летие с момента образования Костромского музея деревянного зодчества. Пятьдесят пять лет назад, в мае 1960 года, было принято официальное решение Костромского областного Совета народных депутатов (от 3 мая 1960 г.) о создании в черте города Костромы на стрелке рек Волги и Костромы Музея народного деревянного зодчества под открытым небом.

2015 год – это и год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. А ведь именно тогда, семьдесят лет назад, в 1945-м, когда страна только-только закончила страшную войну, было принято историческое решение об образовании научной экспедиции под эгидой Академии архитектуры СССР по изучению памятников народного зодчества в недавно (1944 год) созданной Костромской области. И уже в 1946 году названная экспедиция под руководством Святослава Леонидовича Агафонова приступила к работе. Именно экспедиция Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР под руководством С.Л. Агафонова выполнила натурное обследование и фотофиксацию многих памятников деревянного зодчества Костромской области. В дальнейшем силами костромичей некоторые из них были перевезены в черту города Костромы и составили основу нашего музея.

Центральные научные экспедиции и их выводы, подтверждаемые специалистами высочайшего уровня (С. Л. Агафонов, И. Э. Грабарь и др.), позволили создать в Костроме один из первых в России музеев деревянного зодчества под открытым небом такого уровня и масштаба.

Музей создавался в связи с необходимостью спасения уникальных памятников деревянного зодчества на территориях Костромской области, попадавших в зону затопления при ор-

*На экспозиции в Доме Лоховой
музея-заповедника.*

ганизации Горьковского водохранилища (часть Костромской низины, на которой располагались памятники, подтапливала плотина Горьковской ГЭС).

Первые памятники начали перевозить с затопляемых территорий в 1954-1955 гг., а уже к 1960 году (и в последующие годы) в черте города Костромы вокруг Ипатьевского монастыря на месте слияния рек Волги и Костромы начал складываться целый комплекс памятников деревянного зодчества. Затем архитектурный ансамбль музея стал пополняться строениями из разных районов Костромской области.

Жемчужиной музея по праву является ярусная церковь Собора Богородицы из села Холм, срубленная в 1552 году, – одна из древнейших сохранившихся до сегодняшнего дня построек культового деревянного зодчества Руси. В целом в собрание музея-заповедника входит около трех десятков памятников народной архитектуры жилого, культового и хозяйственного назначения, располагающихся на десятках гектаров пойменных земельных угодий по берегам Волги.

На сегодняшний день Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода» – это не только комплекс памятников деревянного зодчества, собранных в уникальном по красоте месте, но и центр проведения массовых народных праздников и гуляний, фестивалей народного искусства, мастер-классов и выставок костромских ремесел, других мероприятий. Тысячи костромичей и гостей нашего города приходят именно сюда, на стрелку Волги и Костромы, чтобы отпраздновать наступление Масленицы, посмотреть спектакли под открытым небом Исторического и ландшафтного театра «РЯД», принять участие в

интерактивных программах, организованных сотрудниками музея-заповедника. «Костромская слобода» – настоящая визитная карточка Костромы и Костромской области в целом.

На экспозиции в Доме Липатова музея-заповедника.

В этом научном сборнике, посвящённом 55-летию Костромского музея деревянного зодчества, мы знакомим читателей с исследовательской работой учёных, краеведов и музейных сотрудников, так или иначе связанной с изучением культурного наследия и народных традиций. Представленный научный сборник входит в издательский проект музея-заповедника «Костромская слобода», начатый в 2012 году.

Концептуально сборник продолжает предыдущее издание, увидевшее свет в 2010 году и посвященное 50-летию юбилею Костромского музея деревянного зодчества.

Кроме сотрудников Музея-заповедника «Костромская слобода», в подготовке научного сборника принимали участие наши коллеги из Костромы, Вологды, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Козьмодемьянска, представившие свои материалы для публикации.

Доктор исторических наук, профессор Андрей Павлов (г. Санкт-Петербург) совместно со старшим научным сотрудником научного отдела Музея-заповедника «Костромская слобода» Сергеем Уткиным подготовили обзорный материал по истории владельцев села Холм Галичского района. Село, известное в первую очередь деревянным храмом Собора Бо-

Дом Липатова, памятник народной архитектуры музея-заповедника.

городицы – жемчужиной архитектурного собрания Музея-заповедника «Костромская слобода», предстает в статье вотчиной известных российских служилых родов.

Доктор исторических наук, профессор Ольга Смурова посвятила свой материал известному памятнику костромской деревянной архитектуры – дому Мартьяна Сазонова. Сведения о жизни этого костромского подрядчика скрупулезно восстанавливают ход событий, большое внимание уделяется судьбе архитектора Ивана Ропета.

Архитектор Сергей Пилляк, исследующий регио-

нальные особенности костромского деревянного зодчества, в своем материале дает обзор деревянных храмов Варнавинского уезда Костромской губернии, выделяя характерные черты существовавшей в XVIII веке местной храмостроительной школы.

Сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Анна Семенова рассматривает в статье коллекцию фотографий деревянной культовой скульптуры, находящуюся в собрании музея. Исследователь выявляет ряд особенностей, характерных для костромской культовой скульптуры.

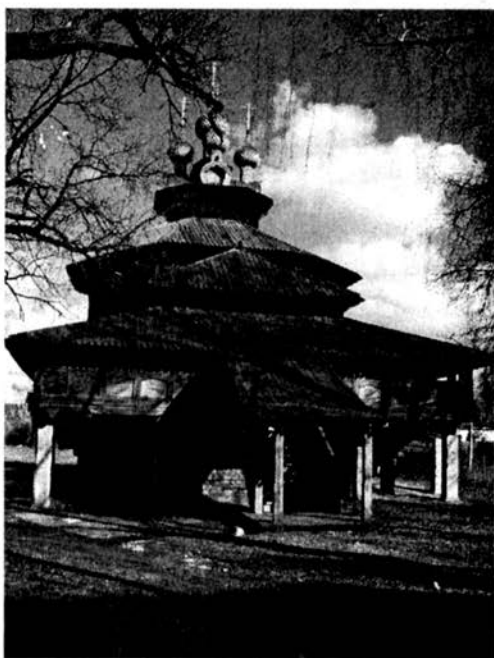
Зав. сектором сохранения, изучения и демонстрации традиционных ремёсел музея-заповедника «Кижы» Марина Гусева рассказывает о большой экспедиционной работе музейщиков, позволившей фиксировать традиционную народную культуру в её естественной исторической среде и создать музейную

программу изучения, сохранения и демонстрации традиционных ремесленных технологий и трудовых процессов под названием «Ожившая экспозиция».

Кандидат исторических наук Сергей Рябинцев в своем материале основное внимание уделяет обрядам, связанным с содержанием скота в крестьянском хозяйстве, на материале верхневолжских губерний.

Главный хранитель фондов Музея-заповедника «Костромская слобода» Людмила Москалёва в исследовательском очерке, написанном по материалам коллекции Костромского истори-

*Церковь Собора Богородицы
в музее-заповеднике.*

ко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Государственного Российского этнографического музея, обобщает особенности народной вышивки Солигаличского и Чухломского уездов Костромской губернии в XIX – I-й трети XX вв. Старший научный сотрудник научного отдела Сталина Масалева в обзорном материале, посвященном женской рубашке Нерехтского уезда, анализирует традиции кроя народной одежды, а также изменения крестьянского костюма, связанные с изменениями уклада деревенской жизни.

Исследователь М.Л. Погорелова совместно с Е.А. Дворецкой, отмечая в своей статье, что понятие Кострома как льняная столица России утратило свою актуальность, рассматривают возможности восстановления некогда процветающей отрасли, составившей славу Костромского края.

Доктор исторических наук, профессор Марина Черкасова (г. Вологда) посвятила свой материал культуре семьи и брака.

Тема подробно рассматривается в разнообразных документах и литературных источниках. Исследователь обращается к большому количеству фактов, имеющих отношение к Костромскому краю.

Директор Козьмодемьянского музейного комплекса Л.А. Батюкова и зав. отделом по национальной культуре М.В. Редькина

в историческом экскурсе о строительстве в Республике Марий Эл музея деревянного зодчества и его богатейших этнографических коллекциях обращают внимание на необходимость привлечения инновационного туристского ресурса для развития музеев под открытым небом.

Сотрудник Музея-заповедника «Костромская слобода» Марина Крылова рассказывает в своем материале о значимом сегменте музейной работы, заключающемся в проведении праздников народного календаря. Многолетний опыт музея-заповедника позволяет выделить наиболее перспективные формы работы, интересные для костромичей и гостей города.

Заведующая научным отделом С.М. Гусева делает обзор экспедиционных материалов в Солигаличский район Костромской области.

Представленные в сборнике материалы объединены темой сохранения и популяризации богатейшего культурного наследия различных регионов России. Разнообразие статей настоящего научного сборника делает данное издание интересным не только для музейных работников, но и для широкого круга читателей.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

А.П. ПАВЛОВ,

*доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского
института российской истории РАН*

С.А. УТКИН,

*старший научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода»*

СЕЛО ХОЛМ ГАЛИЧСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

В старинной части Ипатьевской (до начала XX в. «подмонастырской Богословской») слободы среди плотной застройки невеликих деревянных домиков слобожан над тишиной истории возвышается уникальный памятник церковного деревянного зодчества – храм Собора Пресвятой Богородицы. До 1960 г. эта церковь, стоявшая в селе Холм Галичского района Костромской области, находилась в удручающем состоянии и была спасена от неминуемого разрушения великим подвижником отечественной культуры архитектором-реставратором А.В. Ополовниковым. Под его руководством храм был перевезен в

Кострому, и уже более 50 лет галичская Богородицкая церковь является гордостью и украшением Костромского музея деревянного зодчества¹.

Ее загадочная история и необычное архитектурное решение в построении основного храмового объема свыше полутора веков привлекают к себе внимание исследователей различных специализаций: церковных историков, архитекторов-реставраторов, искусствоведов, музейных работников и др.² Преимущественным направлением в изучении памятника стала его архитектура. Вопросы же, связанные с изучением внутреннего убранства церкви и ее основных достопримечательностей, исследователями затрагивались крайне редко и в основном поверхностно³, а история церковно-приходской общины села Холм, центром духовной жизни которого некогда и являлся храм Собора Пр. Богородицы, и вовсе выпала из поля зрения ученых.

Весьма скупо в литературе отражена информация и о владельцах галичской холмской вотчины. До начала 2000-х гг. исследователями, как правило, называлось имя лишь одного владельца с. Холм – князя Федора Федоровича Волконского который действительно владел этим селом с прилегающими деревнями в 30-60-е гг. XVII в.⁴ Частое упоминание имени этого князя в публикациях, посвященных Холмской Богородицкой церкви, и отсутствие в них имен других владельцев галичской холмской вотчины до Волконского и после него невольно формируют у читателя мнение, что единственными владельцами вотчины с. Холм являлись представители рода князей Волконских.

Лишь с появлением работ Д.Ф. Белорукова (2000 г.) и Л.В.Москалевой (2010 г.) широкой читательской аудитории открылись имена и других собственников рассматриваемой нами галичской вотчины: членов боярско-княжеских родов – Куракиных (I треть XVII в.) и Щербатовых (II половина XVII в. – до XIX в. включительно)⁵. Правда, и эти данные не совсем новы, ибо впервые информация о князьях Куракиных и Щербатовых как владельцах с.Холм была опубликована в конце XIX в. в од-

ном редком малотиражном краеведческом издании⁶. Кроме того, сведения вышеуказанных авторов недостаточно полны, преимущественно ограничиваются перечислением имен владельцев вотчины и имеют некоторые неточности⁷.

А между тем до наших дней сохранились документальные свидетельства, существенно расширяющие прежние знания о галичской вотчине с. Холм, и особенно о ее владельцах, не только за период XVII - XIX вв., но и за предшествующее ему XVI столетие, которым, как хорошо известно по литературе, многие исследователи, вплоть до недавнего времени⁸, определяли дату возведения холмского храма Собора Пр. Богородицы, ныне составляющего жемчужину коллекции недвижимых культовых памятников Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».

Наиболее ранние сведения о владельцах села Холм Галичского уезда мы встречаем в изустной памяти жены Петра Федоровича Басманова Дарьи Ивановны, завещание было составлено около 1602/03 г.⁹: «...А что государыня, моя мать княгиня Домна Ивановна, меня благословила своею вотчиною в Галицком уезде селом Холмом з деревнями и яз Дарья ту свою вотчину государыни своей матушки благословенье отказываю государю своему мужу Петру Федоровичю и государю моему Петру Федоровичю тою моею вотчиною владети по свой живот, а Божия воля станеться Петра Федоровича Бог по душу сошлет и Петру Федоровичю после своего живота... вотчину отдати к Троице ж по матери по моей и по мне и по себе... А та моя вотчина ко мне благословенье государыни моей матушки княгини Домны Ивановны, а не родовая, не купля государя моего отца князя Ивана Самсоновича та вотчина матушки моей родителей, а до тое моей вотчины дела нет сестре моей княгине Олене и брату моему князю Василью ни дяде моему князю Михайлу Самсоновичю, ни роду моему, ни племяни никому дела нет. А сестре моей княгине Олене до той моей вотчины дела нет, потому что государь наш отец князь Иван Самсонович нас пожаловал по благословиению матери нашей княгини Домны

Ивановны вотчинами и приданым розделил. А хто в ту мою вотчину станет вступатся и у Петра похочет до ево живота взять и меня с тем судит Бог в будущем веце. А будет мимо сю мою изустную хто похочет у Петра взять вотчину и ему Петру дати за вотчину пятьсот рублев. А Петру Федоровичю за ту вотчину взять деньги пятьсот рублев да отдати деньги в монастырь по матери моей и по мне и по себе...».

Из изустной памяти Дарьи Ивановны Басмановой явствует, что принадлежавшая ей (данная ей в приданое родителями при выходе замуж за П.Ф. Басманова) галичская вотчина село Холм не была родовой или купленной вотчиной ее отца князя Ивана Самсоновича Туренина¹⁰, а являлась приданой вотчиной ее матери, Домны Ивановны. Известно, что жена кн. Ивана Самсоновича Туренина, княгиня Домна Ивановна, была дочерью Ивана Борисовича Зачесломского и его жены Анны Федоровны¹¹.

Таким образом, первоначально село Холм принадлежало Зачесломским. Зачесломские являлись старинными вотчинниками Галичского уезда; их фамилия происходит от реки Челсмы в Галицком у.¹² Возможно, село Холм Галичского у. являлось одной из старейших вотчин этого рода. В Тысячной книге 1550 г. и в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. представители рода Зачесломских значатся по Галичу (хотя некоторые из них были переведены затем на службу в дворянские организации других уездов); в частности, по Галичу записан здесь Иван Борисович Зачесломский¹³, дед Дарьи Петровой, жены Басманова, и отец ее матери княгини Домны Ивановны Турениной. Итак, согласно свидетельствам вышеуказанных документов в середине XVI в. И.Б.Зачесломскому принадлежала галичская вотчина село Холм. И.Б. Зачесломский умер в 7072 (1563/64) г.¹⁴ После И.Б. Зачесломского село Холм перешло, как мы видели, в качестве приданого его дочери Домне Ивановне, вышедшей замуж за князя Ивана Самсоновича Туренина; затем село перешло к дочери кн. И.С.Туренина и Домны Ивановны (ур. Зачесломской) Дарье Ивановне, вышедшей замуж за П.Ф. Басманова.

Петр Федорович Басманов был внуком знаменитого опричника Ивана Грозного – боярина Алексея Даниловича Басманова. Отец Петра – боярин Федор Алексеевич Басманов также являлся одним из видных опричников и фаворитов царя. При Б.Годунове, незадолго до его смерти, Петр Басманов возглавлял царское войско, сражавшееся с Лжедмитрием I. Именно его переход на сторону самозванца фактически положил конец земской династии Годуновых. Позднее он стал главным доверенным лицом Лжедмитрия I и погиб во время Московского восстания в мае 1606 г.¹⁵.

При царе Василии Шуйском бывшая вотчина П.Ф. Басманова – село Холм Галичского у. переходит к боярину князю Ивану Семеновичу Куракину. Информация об этом содержится в земляном списке 1613 г.: «Князь Иван Семенович Куракин. Вотчин за ним старых и с тем, что дано при царе Василье Петровская вотчина Басманова, 3586 четьи»¹⁶.

Боярин кн. И.С. Куракин действительно владел этой вотчиной в первой трети XVII в. В писцовой книге Галичского у. 1629 - 1632 и 1635 гг. под рубрикой «Стан Чюдца и Шеславль. Вотчинные земли» читаем: «За окольниковым князем Федором Федоровичем Волконским вотчина, что была преж сего за князем Иваном Семеновичем Куракиным в вотчине ж село Холм на реке Тебзе...» (в составе вотчины значилось село, 2 погоста, 21 деревня; в них 2 двора людских, 77 дворов крестьянских, 32 двора бобыльских (в общей сложности всего в крестьянских и бобыльских дворах проживало 121 человек душ мужского пола) и 31 двор пустой; всего 614 четвертей земли («средней земли»)¹⁷. Таким образом, этой довольно крупной вотчиной сначала владел кн. И.С. Куракин, а затем окольниковый кн. Ф.Ф. Волконский.

Бывшая вотчина П.Ф. Басманова – село Холм, была дана кн. И.С. Куракину (при Василии Шуйском) не случайно. Жена И.С. Куракина, княгиня Елена Ивановна, была дочерью князя Ивана Самсоновича Туренина и Домны Ивановны, дочери Ивана Борисовича Зачесломского¹⁸, и являлась родной сестрой жены П.Ф. Басманова Дарьи Ивановны (упоминается в ее изустной

памяти, как мы видели выше). Каким образом Холмская вотчина перешла к кн. И.С. Куракину, которая, согласно изустной Дарьи Ивановны Басмановой, должна была после смерти ее мужа перейти в Троице-Сергиев монастырь («а сестре моей княгине Олене до той моей вотчины дела нет потому что государь наш отец князь Иван Самсонович нас пожаловал по благословению матери нашей княгини Домны Ивановны вотчинами и приданным розделил»), точно сказать трудно. Возможно, эта вотчина «изменника» (приверженца Лжедмитрия) после его гибели отошла в дворцовые земли, а затем по челобитной была пожалована кн. И.С. Куракину; возможно также, что И.С. Куракин получил от царя Василия разрешение на выкуп этой вотчины из монастыря. Известно, что кн. И.С. Куракин был одним из приверженцев царя Василия Шуйского¹⁹.

В 1607-1608 гг. князь Куракин нанес ряд чувствительных поражений войскам Лжедмитрия II. В частности, летом 1608 г. в районе Коломны на Москве-реке у Медвежьего брода ему удалось наголо разбить одного из самых дерзких и удачливых полководцев нового самозванца – полковника Александра Лисовского. В результате тот потерял всю добычу, награбленную в Рязанской земле, и вынужден был бежать с немногими людьми в тушинскую ставку лжецаря²⁰.

Впоследствии И.С. Куракин был одним из видных деятелей боярского правительства в Кремле (так называемой «Семибоярщины») и убежденным сторонником короля Сигизмунда²¹. Несмотря на это, кн. И.С. Куракин пользовался определенным доверием при дворе в первые годы царствования Михаила Федоровича, свидетельством чему может служить его участие в марте 1615 г. (как боярина и наместника Черниговского) в переговорах с английским послом Дж. Мериком²². С 1615 по 1620 гг. он находился на воеводстве в Тобольске, однако сам факт его пребывания на этом посту вряд ли можно рассматривать как свидетельство опалы и ссылки этого боярина. Опале он подвергся уже во время пребывания в Тобольске весной 1620 г.²³. 1620 г. был последним годом упоминания имени кн. И.С. Куракина на службе – после этого он уже не упоминается

ни в разрядах, ни в боярских списках, хотя известно, что князь умер в 1632 г.²⁴ В боярских списках 1625-1631 (7133-7139) гг. над именами некоторых дворян московских стоят пометы об их нахождении «в приставех» у князя Ивана Куракина в Галиче – Курдюка Агеева Кафтырева (7133 г.), Бориса Никитича Волошенинова (7134-7135 гг.), кн. Григория Федоровича Шаховского (7135 г.), Константина Селиверстова с. Сытина (7136), Ивана Иванова с. Баклановского (7136-7137 гг.), Никиты Тимофеевича Кудрина (7138-7139 гг.), Петра Васильевича Зайцева (в 7139 г.)²⁵. Сведения о причинах опалы на кн. И.С.Куракина сообщаются в челобитной подьячего Ивана Хапугина на дьяка Ивана Булыгина, служившего вместе с Куракиным в Тобольске (был дьяком там в 1614-1619 гг.). По словам челобитной, за кн. И.С.Куракиным и дьяком И. Булыгиным были многие «вины» «про королевичев приход и про иные дела в измене, да они же корыстовались государевой казней...»; в 1626 г. у дьяка И. Булыгина «за вину» были отписаны поместья под Москвой и в Вологодском у.²⁶ Указание данного источника об «измене» И.С. Куракина во время похода на Москву королевича Владислава находит косвенное подтверждение в позднейшем местническом деле кн. А.Н.Трубецкого с племянником И.С. Куракина – Ф.С. Куракиным, в котором сообщается о том, что во время похода королевича Владислава И.С. Куракин «радовался и ожидал на московское государство всякого дурна»²⁷. Известия об «изменных» словах и делах кн. И.С.Куракина во время движения на Москву Владислава в 1618 г. представляются вполне правдоподобными, если учесть то, что Куракин проявил себя во время Смуты последовательным и убежденным сторонником польского короля Сигизмунда.

Итак, в 1620 г. кн. И.С.Куракин попал в опалу и находился в ссылке в своем галичском имении (селе Холм). В писцовой книге Ростовского у. 1629 – 1631 гг. за кн. И.С.Куракиным числились вотчины в Лахоцком и Богородском станах (всего 1880 четвертей земли); на вопрос писцов по поводу государевых грамот и иных вотчинных крепостей старожильцы сказали, что об этом «не ведают, потому что по государеву указу боярин де

их в Галиче, а их слуг и крестьян к нему не пускают и письмом де с ним никаким ссылатця не велено»²⁸. И.С. Куракин владел не только вотчиной в Галичском у., но и двором в самом Галиче. Упоминается данная кн. И.С. Куракина Троице-Сергиеву монастырю на «вотчинное дворовое место в Галиче на посаде в Цареконстантиновском приходе вотчины своей Галицкого уезду села Холму, что к тое вотчине владели изстари прежние вотчинники. Данную писал боярина князя Ивана Семеновича Куракина села Воронья²⁹ земский дьячек Иван Захарьин 7134-го году сентября в 26 день»³⁰.

После смерти в 1632 г. бездетного кн. И.С. Куракина (его жена кнг. Елена-Гликерия Ивановна (ур. кнж. Туренина) умерла раньше мужа, в январе 1625 г.³¹) галичская вотчина село Холм, очевидно, отошла «Во дворец», а затем была пожалована окольному кн. Федору Федоровичу Волконскому «за бельское осадное сидение» 1634 г.³² По росписи земельных владений 1647-1648 гг. за окольным кн. Ф.Ф. Волконским значились вотчины и поместья в разных уездах (всего 455 дворов); в том числе здесь упоминается его галичская вотчина село Холм с деревнями в Чудце и Шеславле стану, в которой, согласно переписным книгам 1646/47 г., числилось 166 крестьянских и бобыльских дворов³³.

По данным О.А. Шватченко, в рассматриваемое время в Холмской вотчине у кн. Ф.Ф. Волконского находилось 164 крестьянских двора, в которых проживало 410 крестьян (душ мужского пола). Помимо этого в том же Галичском уезде, в Тушебинской волости, князю принадлежала еще одна вотчина – деревня Коровино, состоящая из 35 дворов с проживающими в них 88 крестьянами (д.м.п.). Всего в 2 галичских владениях кн. Ф.Ф. Волконского находилось 199 дворов и 498 крестьян (д.м.п.). Почти столько же крестьянских дворов и мужских душ имелось у кн. Ф.Ф. Волконского в остальных его вотчинах, расположенных в Алексинском, Вологодском, Московском и Романовском уездах (193 двора и 497 крестьян д.м.п.)³⁴. Из всех известных историкам вотчинных владений князя село Холм являлось самой большой его недвижимой собственностью.

Ф.Ф. Волконский, несмотря на не слишком знатное происхождение, принимал активное участие в политических и военных событиях конца 10-х – середины 60-х гг. XVII в. В 1618 г. он в чине стряпчего участвовал в обороне Москвы от войска польского королевича Владислава. В 1621 г. пожалован в стольники. В те же 1620-е гг. служит воеводой на южных рубежах страны. В 1634 г. выдержал осаду превосходящих польских войск в г. Белая, за что получил чин окольничего. В 1650 г. был пожалован царем Алексеем Михайловичем саном боярина. Работал в комиссии по составлению Соборного уложения 1649 года. В 1654 - 1656 гг. кн. Ф.Ф. Волконский участвовал в военных действиях против польско-литовских войск на стороне Б. Хмельницкого и являлся одним из киевских воевод. Его войско овладело городами Туров, Столин и Пинск³⁵.

После боярина кн. Ф.Ф. Волконского (умер в 1665 г.³⁶) его галичская вотчина село Холм перешла к его дочери княжне Прасковье Федоровне, вышедшей замуж за князя Дмитрия Федоровича Щербатова. В 1668 г. после ее смерти (умерла в 1667 г.; а еще ранее, в 1664/65 г., умер ее муж кн. Д.Ф. Щербатов) ее вотчины, в том числе село галичской вотчины Холм, были даны ее сыну, князю Андрею Дмитриевичу Щербатову³⁷. За стольником князем Андреем Дмитриевичем Щербатовым галичская вотчина село Холм в Чудце и Шасловле стане значилась в 1678 г. и в начале XVIII века³⁸.

По данным переписной книги 1678/79 г., в Холмской вотчине кн. А.Д. Щербатова находилось 168 дворов с проживающими в них 528 крестьянами (д.м.п.). И это было самое большое владение князя, превосходившее по численности крестьянских дворов и мужских душ любую из его вотчин, располагавшихся в Алексинском, Московском и Романовском уездах³⁹. По сведениям Д.Ф. Белорукова, за князьями Щербатовыми большая часть Холмской вотчины сохранялась вплоть до 1860 года⁴⁰.

Таким образом, старинное село Холм Галичского уезда в течение более чем трёх столетий было вотчинным владением представителей известных российских служилых родов, игравших видную роль в событиях отечественной истории, –

Зачесломских, князей Турениных, Басмановых, князей Куракиных, князей Волконских и князей Щербатовых. Причем данное поселение являлось одним из самых крупных и значимых владений в землевладении этих родов.

Примечания:

¹Мазерина А.Н. Достояние музея деревянного зодчества // 50 лет. Материалы и исследования / Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода». - Кострома, 2010. - С.75; Москалева Л.В. Наследие костромских зодчих // Страницы времен. Историко-краеведческий журнал. - Кострома, 2010. №4 (7). - С.83; В Ипатьевской слободе церковь Собора Пр. Богородицы установлена на первоначальной территории музея деревянного зодчества, которую в 1960 – 70-е гг. предполагалось расширить за счет сноса домов слобожан. Ныне основная музейная территория располагается к югу от Ипатьевского монастыря на стрелке рр. Волги и Костромы, при небольшой речке Игуменке.

²Беляев И., протоиерей. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющих по духовному ведомству... - СПб., 1863. - С.73; [Покровский П. (свящ.), Херсонский И.К.], Галичского уезда село Холм // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией. Выпуск 1. - Кострома, 1890. - С.27-30; Горностаев Ф.Ф., Грабарь И.Э. Деревянное зодчество русского Севера // Грабарь И.Э. История русского искусства. том I. Допетровская эпоха. - М., 1909. - С.433; Дунаев Б.И. Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии. - М. 1915. - С.14; Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество. Пг., 1916. - С.296-298; Кудряшов Е.В. Музей деревянного зодчества в Костроме. - Ярославль, 1971.- С.20-27; Агафонов С.Л. Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек // Архитектурное наследство. Выпуск 2. - М., 1952. - С.173-186; Забелло С.Я. Костромская экспедиция // Архитектурное наследство. Выпуск 5. - М., 1955. - С.19-23; Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. - М., 1986. - С.235-241; Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. - г. Кострома. Часть 3. - Кострома, 1998. - С.79-81; и др. издания.

³Покровский П. (свящ.), Херсонский И.К. Указ. соч. с.27-30; Известия императорской археологической комиссии. Выпуск 31.- СПб., 1909. - С. 160-161; Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Издание редакции Костромских епархиальных ведомостей. Кострома, 1911. - С.87; Агафонов С.Л. Указ.соч. - С.174, 178; Забелло С.Я. Указ.соч. - С.22; Кудряшов Е.В. Указ.соч. - С.27; Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. - М., 1982. - С.78-79.

⁴Покровский П. (свящ.), Херсонский И.К. Указ. соч. - С.29; Материалы для истории Костромской епархии. Выпуск 1. Галичская десятина с приго-

роды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церковей 1628-1710 и 1722-1746 гг. - Кострома, 1895. - С.333; Известия Императорской археологической комиссии... - С.161; Агафонов С.Л. Указ.соч. - С.173, 185. Примеч.5; Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии...С.87; Кудряшов Е.В. Церковь Собора Богородицы, 1552 г. Охранный паспорт. 1977 г. // Архив научно-производственных реставрационных мастерских Костромской области (Копия в архиве Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»).

⁵Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. - Кострома, 2000. - С.86; Москалева Л.В. Указ.соч. - С.81.

⁶Материалы для истории Костромской епархии. Вып.1. Галичская десятина... - С.47-48, 333-334.

⁷В работе Д.Ф. Белорукова ошибочно сказано, что после кончины кн. И.С. Куракина с. Холм наследует кн. стольник Д.Ф. Щербатов, а от него владение якобы переходит к кн.Ф.Ф. Волконскому, «женившемуся на дочери Щербатова Анне Дмитриевне». (См. Белоруков Д.Ф. Указ.соч. - С.86). На самом деле князья Щербатовы получили в собственность Холмскую вотчину после смерти дочери кн. боярина Ф.Ф. Волконского – княжны Прасковьи Федоровны (ск. в 1667 г.), которая была замужем за кн. Д.Ф.Щербатовым, но последний скончался еще раньше, в 1664/65 г. Княгиня Прасковья Федоровна Щербатова (урожденная Волконская) передала свою галичскую вотчину сыну стольнику кн. Андрею Дмитриевичу Щербатову. (О кн. Щербатовых см. далее в основной части настоящего исследования). У Л.В.Москалевой нарушен хронологический перечень имен владельцев Холмской вотчины. (См. Москалева Л.В. Указ. соч. - С.81). В действительности князья Щербатовы владели с. Холм после кн. Ф.Ф.Волконского и его дочери.

⁸В настоящее время общераспространенная датировка времени возведения здания церкви Собора Пр. Богородицы (XVI в.) пересматривается (см. Уткин С.А. Церковь Собора Богородицы из села Холм Галичского района // Костромская слобода. Художественно-этнографический альманах. - Кострома, 2015. №1. - С.7-10.)

⁹Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. Ф. 303. № 532. Л. 1038-1040 об. – Изустная память не датирована. По-видимому, она была составлена незадолго перед смертью Дарьи Ивановны Басмановой, которая последовала в 7111 (1602/03) г. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. - М., 1987. - С. 99).

¹⁰Кн. И.С.Туренин около 1592 г. получил чин окольного. Последнее упоминание о нем относится к маю 1595 г. (Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). - СПб., 1992.- С. 36, 52, 53, 61, 72 и др.).

¹¹Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 3. - С. 22.

¹²См.: Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. - М., 1963. - С. 386-387

¹³Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. - М.-Л., 1950. - С. 69, 151.

¹⁴Список надгробий Троице-Сергиевой лавры //НИОР РГБ. Ф. 304. № 820. Л. 21.

¹⁵Зимин А.А. Опричнина. - М., 2001. - С.79, 90, 133-134, 212, 222, 227, 318. Примеч.1; Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. - С.74, 79-81, 114, 118-119, 140, 145-146, 154, 179, 199-200.

¹⁶Чтения ОИДР. 1895. Кн. I. Отд. I. С. 2.

¹⁷РГАДА. Ф. 1209. Кн. 93. Л. 260 и след.

¹⁸Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 3. - С. 22.

¹⁹Тюменцев И.О.Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) //Археографический ежегодник за 1992 год. - М., 1994. - С. 318.

²⁰Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). - М., 1937. - С.273, 275, 347; Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. - М., 2008. - С.184-185, 213, 217, 235, 246-248.

²¹Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. - М., 1995. - С. 295-297.

²²Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. 171, 172.

²³11 марта 1620 г. грамота из Москвы в Тобольск адресуется уже новому воеводе М.М.Годунову; в этой грамоте упоминается отписка в Москву из Тобольска от боярина и воеводы кн.И.С.Куракина от 26 февраля 1620 г. (РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 111).

²⁴Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь. - СПб., 1907. Т. II. - С. 129.

²⁵РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 64. Л. 60; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 22, столпик 1. Л. 57; № 1131, столпик 1. Л. 79; № 26, столпик 1. Л. 78; № 24, столпик 1. Л. 38; № 33. Л. 66, 81; № 32, столпик 2. Л. 69; № 25, столпик 2. Л. 79; № 51, столпик 3. Л. 118; № 55, столпик 3. Л. 86, 95. – См. также: Русская историческая библиотека. - СПб., 1884. Т. IX. - С. 459.

²⁶Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. - СПб., 1906. Вып. 1. - С. 52, 55; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. - М., 1975. - С. 72.

²⁷Маркевич А.И. О местничестве. - Киев, 1879. Ч. I. - С. 473 - 474.

²⁸РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10752. Л. 680 об.

²⁹Село Воронье с 30 деревнями, 20 починок, займищем и пустошами в Шачебальском ст. Костромского у. значилось за кн. И.С.Куракиным в плетнице Луговой половины Костромского у. 1595-1597 гг. (РНБ. ОР. Собр. Эрмитажное. № 520. Л. 426 об.)

³⁰НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 532. Л. 995; РГАДА. Ф. 281. № 3489.

³¹Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. I. Ч. I. С. 207; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. - СПб., 1906. Т. I. Ч. 2. - С. 412; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5975. Л. 597-598 об.

³²Упоминается за кн. Ф.Ф.Волконским, как мы видели, в галичской писцовой книге 1629-1632 и 1635 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 93. Л. 260). – В разрядах содержится указание, что Ф.Ф.Волконский 8 июля 1634 г. «за бельскую службу» получил чин окольничего, а также пожалован шубой, кубком, придачей к прежнему окладу и вотчиной 700 четв. (Дворцовые разряды. - СПб., 1851. Т. II. Стлб. 382, 383. – В одном из разрядных списков сказано, что он получил 550 четв. вотчины и 200 четв. поместья). В жалованной грамоте на эту его выслуженную вотчину от 26 апреля 1638 г. указан ее размер в 814 четв. (РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Кн. 797. Л. 236).

³³Рожественский С.В. Роспись земельных владений московского боярства 1647/48 г. //Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества. - М., 1913. Т. III. - С. 224-225.

³⁴Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). - М.1996.- С.86.

³⁵Долгоруков П. Российская родословная книга. Часть 1. СПб., 1854. С.257, 269; Андреев И.Л. Волконский Федор Федорович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Том 1. А-Д. - М., 1994. - С.441.

³⁶Власьев Г.А. Потомство Рюрика. - СПб., 1907. Т. I. Ч. III. - С. 345.

³⁷Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. III. - С. 233, 361; В работе другого российского генеалога П.Долгорукова, правда, без ссылки на источники, дочь кн.Ф.Ф.Волконского именуется как княжна Анна Федоровна (См. Долгоруков П. Российская родословная книга. Часть I. - СПб., 1854. - С.111.).

³⁸Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. - М., 1996. - С. 108; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. - М., 2002. С. 182; Материалы для истории Костромской епархии. Выпуск 1. Галичская десятина....С.334.

³⁹Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в... - С.108.

⁴⁰Белоруков Д.Ф. Указ.соч. - С.86.

О.В. СМУРОВА,

доктор исторических наук,

профессор Костромского

государственного технологического университета

КОНТЕКСТ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕСТЬЯНИНА ЧУХЛОМСКОГО УЕЗДА МАРТЬЯНА САЗОНОВА

Наброски к биографии уникального дома в д. Асташево

В музее деревянного зодчества Костромской области собраны уникальные и типовые строения. Однако они не дают полного представления о жилой застройке деревень Костромской губернии пореформенного периода. Дополняет эти представления издание «Памятники архитектуры Костромской области». Вместе с тем случайно обнаруживаемые сведения позволяют утверждать, что на момент составления свода памятников некоторые из них уже были утрачены. Такова, к примеру, судьба дома в д. Андронове Галичского района.

Костромской Музей деревянного зодчества создавался по типу Скансена, первого в мире музея под открытым небом (Швеция), т.е. постройки перевозились на музейную территорию. В настоящее время в Костромской области идёт работа по реконструкции дома в д. Асташево Чухломского района, принадлежавшего по устным свидетельствам и фотодокументам Мартьяну Сазонову. Концепция музея находится в стадии разработки. И это говорит о том, что появится музей другого типа, в котором музеефикация будет осуществляться на месте.

Сведения об этом доме в литературе скудны и противоречивы. В «Памятниках архитектуры Костромской области» говорится: «Усадьба местного уроженца Мартьяна Сазоновича Сазонова, составившего состояние на строительных подрядах в Петербурге, была построена для его второй жены Екате-

*Дом М.С. Сазонова в д. Асташево.
Нач. XX века.*

рины Алексеевны Добровольской в к. XIX – н. XX вв. Сохранившийся ныне дом был сооружён, очевидно, по проекту дипломированного столичного архитектора» [1, 186–187]. Этот дом вошёл и в Красную книгу памятников архитектуры России

[2, 144 – 145]. Там сообщается, что «заказчик дома фабрикант Марков несомненно пользовался услугами хорошего архитектора и квалифицированных строителей». Наконец, очень важна публикация в местной газете известного чухломского журналиста Т. Байковой [3]. Автор данной статьи опиралась на устные свидетельства.

Попробуем систематизировать сведения о доме, Мартьяне Сазонове и его семье по документальным свидетельствам. Марковым был отец Мартьяна. Звали его Созонт Марков (в смысле – сын Марка). Родился предположительно в 1820 или 1825. Дата смерти известна точно – 4 апреля 1885 г. [4, 16 об.]. Принадлежал к государственным крестьянам д. Асташева (как писался топоним тогда). Женат был дважды. Первая жена, Екатерина Авдиева, предположительно, 1821 года рождения, умерла в возрасте 47 лет 16 июня 1868 г. от чахотки [5, 195 об.]. Метрические книги Ризположенской церкви с. Озерки Чухломского уезда свидетельствуют, что в первом браке Созонт имел 3 детей: Мартьяна, Акилину и Андрея. 16 февраля 1869 г. состоялось бракосочетание 49-летнего Созонта Маркова с 20-летней Дарьей Дмитриевой из д. Костино Чухломского уезда [6, 217 об.-218]. Несмотря на молодость невесты, она уже была вдова, и для неё это тоже был второй брак. Во вто-

ром браке родились: 1870 г. – Василий (умер в младенчестве); 1872 – Александр (умер в младенчестве); 1873 – Николай; 1875 – Александр; 1879 – Параскева; 1883 – Михаил [7].

Мартьян (Мартиан, Маркиан, Мартиниан) был старшим из детей Созонта. Фамилия образовалась от имени отца. Вначале писался Мартьяном Созоновым (Созонтовым), позже появилась фамилия Сазонов (в 1882 г. впервые записан как Маркиан Сазонов Сазонов). Предположительно, родился в 1843 г. Как и отец, женат был дважды. Попутно стоит заметить, что вторичные браки не были редкостью, но всегда связаны со смертью одного из супругов. Первым браком сочетался 14 января 1862 г. Его избранница была 18-летняя Анна Андреева из близрасположенной д. Фалелеева [8, 45 об.-46]. В первом браке Мартьян имел 6 детей (три сына: Иоанн – 1864 г., Михаил – 1869 г., Сергей – 1871 г.; три дочери: Анастасия – 1862 г., Екатерина – 1867 г., Любовь – 1874 г.) [9], и все дети дожили до взрослого состояния, что тогда было большой редкостью. Обращает на себя внимание тот факт, что рождение каждого из детей приходилось на осень (сентябрь-ноябрь). Как нам кажется, это может служить косвенным свидетельством того, что Мартьян в весенне-летний период отсутствовал дома, приезжая на побывку в осенне-зимние месяцы.

Единственным на сегодня абсолютно достоверным документальным свидетельством пребывания Мартьяна в Санкт-Петербурге, впрочем, как и семьи его старшей дочери Анастасии, является выписка из метрической книги Воскресенской Малоколоменской церкви Санкт-Петербурга. В ней говорилось о рождении 22 ноября 1882 г. внука Мартьяна, Александра. Восприемником у младенца был «той же губернии и уезда Алешковской волости д. Асташева крестьянин Маркиан Сазонов Сазонов» [10, 82].

Анализ метрических книг даёт основания утверждать, что, по крайней мере, до 1875 г., Мартьян со своей большой семьёй (8 человек) жил в доме отца. Об этом свидетельствуют пояснения в метрических книгах. Так, в 1870 г. Мартьян был восприемником у Василия, сына Созонта от второго брака. В метрической книге была сделана запись «того же дому и

имения Мартиниан Созонов» [11, 227 об. – 228]. В 1873 г. брат Мартьяна, Андрей, также был восприемником у сводного брата Николая. Запись аналогична – «Андрей Созонов того же дому» [12, 52 об.– 53]. В 1875 г. при крещении сводного брата Александра восприемницей была старшая дочь Мартьяна «девица того же дому Анастасия Мартианова» [13, 88 об. – 89]. Вторая жена Созонта, Дарья Дмитриева, в свою очередь, также становилась восприемницей при крещении детей Мартьяна, в частности, у Михаила (1869 г.) [14, 207 об.–208]. После 1875 года подобных пояснений не имеется, возможно, к тому времени Мартьян стал жить отдельно от отца.

А до 1875 г. в доме жило 13–14 человек. Созонт, напомним, был уже женат вторично, и на тот момент у него было двое детей (двое умерли в младенчестве). Кроме того, в доме жил младший неженатый сын от первого брака Андрей и, возможно, незамужняя сестра Созонта Анна Маркова. Самой многочисленной была семья Мартьяна – 8 человек. В 1886 г. Мартьян и сын Иван (ему на тот момент было 22 года) указаны в списке домохозяев д. Осташево [15, 2 об.]. Как самостоятельный домохозяин записан и Андрей Сазонов [16]. Созонт к тому времени уже умер.

В период с 1891 по 1893 гг. никто из членов семьи Мартьяна не упоминаются ни в восприемниках, ни в поручителях, хотя до этого их имена встречались часто. Можно предположить, что семья жила где-то в другом месте.

И есть все основания предполагать, что, по крайней мере, с 1892 г. у Мартьяна Сазонова был дом в Санкт-Петербурге по адресу: Измайловский полк 12 рота, д. № 6 [17, 1, 52]. До этого, в 60-70 гг. XIX в. дом значился за Эвальдом. Фамилия достаточно редкая. Может, это был редактор журнала «Зодчий», носивший точно такую же фамилию [18, 357]?

С 1894 г. начал издаваться «Весь Петербург», справочное издание, которое могло бы предоставить сведения о месте работы и проживании Мартьяна Сазонова. «Очевидный факт – в Санкт-Петербурге Мартьян получил профессию столяра-краснодеревщика, а затем самостоятельно стал брать строительные подряды», писала чухломский журналист Т. Байкова [19].

Однако поиск сведений о его деятельности в петербургский период пока успехом не увенчался, хотя в конце XIX в. существовало много различных справочных изданий о ремесленно-промышленной деятельности жителей Санкт-Петербурга, о пришлых лицах, выбирающих промысловые свидетельства, и проч. Зато, как мы убеждены, нам удалось выявить данные о доме Сазонова в Санкт-Петербурге, начиная с 1892 года. На тот момент Мартьяну было уже около 50 лет, да и в 1894 г. пришлось жениться, поскольку овдовел, поэтому он мог отойти от дел и жить на заработанное прежде.

3 февраля 1894 г. умерла первая жена Мартьяна, Анна Андреева, в возрасте 52 лет от сыпного тифа [20, 18 об.]. По прошествии 9 месяцев, 13 ноября 1894 г., 52-летний Мартьян женился вторично. Невеста – дочь диакона Ильинской церкви с. Великой Пустыни девица Елизавета Алексеева Добровольская 21 года. Примечательно, и кто был поручителями на свадьбе. По жениху: чухломский купеческий сын Михаил Феодоров Смирнов и крестьянин д. Харлова Димитрий Петров Асиев; по невесте – учитель Озерковского училища Василий Соколов и запасной рядовой д. Малаго Коровья Иван Павлов Ефимов [21, 16 об.–17].

Где жили новобрачные? С 1892 по 1907 г. Мартьян значился домовладельцем уже вышеназванного дома № 6 в 12-й Измайловской роте [22]. По устным свидетельствам, молодой жене будто бы не понравилась жизнь в северной столице, поэтому супруги возвратились домой. Данные всё той же справочной книги «Весь Петербург» в принципе подтверждают эту версию. Уже в 1896 г. Мартьян Сазонов

*М. С. Сазонов с женой
Екатериной Алексеевной.*

по приговору сельского схода Фалелеевского общества был избран полицейским десятским на 1897 г. (27 человек присутствовало, избрали единогласно) [23, 11об.-12]. Подобная деятельность требовала его круглогодичного присутствия в Чухломском уезде.

Именно с этого, 1897 г. в питерском доме появился управляющий (домовладелец по-прежнему «Сазонов Маркиан Сазон., крестьянин»). Им стал некто «Асеев Пет. Осиев, крестьянин; столярная мастерская». Кроме него, в доме проживали: «Оводов Ос. Лук., ломовой извоз, Афанасьев Игн. Лук., кр-н, ломовой извоз» [24, 1544]. В справочных книгах не указывалась губерния выхода, но названа сословная принадлежность Сазонова – крестьянин. Сочетание Сазонов (Созонов) Маркиан (Мартьян) Сазонов (Созон.) достаточно редкое. В окружении Мартьяна обнаруживается и человек с фамилией Асиев (Осиев), именем ?Петр и отчеством Осиев.

Как уже прежде говорилось, у Мартьяна была сестра Акилина. Т. Байкова в указанной статье рассказывает местную легенду о том, как у Мартьяна появились средства на строительство дома. «Рассказывают, что сестра Мартьяна Созонтовича вместе с ним уехала в Питер и устроилась горничной у какого-то богатого фабриканта. Тот умер у неё на руках, а до этого приметливая девица увидела, что хозяин кладёт в комод какие-то разноцветные бумажки. Сгребла их в фартук да и принесла брату. Скорее всего, это были различные закладные векселя на предьявителя. С той поры, как утверждает молва, Мартьян и пошёл в гору [25]. Так вот, сестра Акилина была замужем за Константином Каллистратовым. У Константина был брат Осий, а у него – сын Пётр. У Осия было 6 детей, в отличие от братьев и сестры, о Петре в метрических книгах сведений менее всего, что косвенно говорит о том, что он жил не дома, а, вероятно, в Санкт-Петербурге, занимаясь столярным делом [26]. Сын Петра, Димитрий, в 1894 г. значится в поручителях при бракосочетании Мартьяна Сазонова с молодой женой [27, 16 об.-17].

Вместе с тем пребывание Мартьяна в деревне обнаруживается по материалам суда. 12 апреля 1899 г. в волостном суде

слушалось дело. Истцом выступал крестьянин д. Асташева Мартьян Сазонов. Ответчики – крестьяне д. Санцылова (Дмитрий Струдчиков, Михаил Степанов, Павел Яковлев, Логин Назаров, Авдей Аникин, Виктор Завьялов, Матвей Чумаков, Матвей Сергеев, Харитон Сергеев, Дмитрий Александров, Андрей Михайлов). О взыскании с них 15 рублей. Истец и ответчики в суд не явились [28, 30 об.-31]. По-видимому, дело разрешилось по соглашению сторон.

Стоит обратить внимание на то, что Мартьян довольно-таки часто становился поручителем на свадьбе или восприемником на крестинах младенцев (всего 15 раз: 1864 г. – 1 раз; 1867 – 1; 1883 – 1; 1884 – 1; 1885 – 1; 1886 – 2; 1888 – 1; 1889 – 1; 1891 –; 1893 – 1; 1894 – 1; 1895 г.)

Что собой представляло селение Асташево Введенской (Алешковской) волости, даёт представление сельскохозяйственная перепись 1916 г. Всего хозяйств – 16. Население

М. С. Сазонов с односельчанами.

(прип. и пост.): всего обоего пола – 50 человек; всего мужчин – 13, в том числе работников – 4; женщин всего – 37, в том числе работниц – 18. Общее количество скота: лошадей (4-х лет и старше) – 12; коров – 15; подтел.и бычки от 1 г. до 1,5 лет – 2; телят до 1 года – 14; овец взрослых – 14; ягнят – 22. Посевы: озимая рожь – 11, 5, ячмень – 2,2, яровая пшеница – 2,3, овёс – 9,9; картофель – 1,7, лён – 0,6. Всего – 28,2 десятин [29, 12-13].

В «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» к. XIX в. Алешковская волость характеризовалась следующим образом: «отхожими промыслами занимается почти всё взрослое население до 1000 душ: 250 маляров, 110 плотников, 40 бондарей, 75 мясников, 50 печников, 50 краснорядцев, 25 кузнецов, 25 слесарей и 100 чернорабочих. Уходят они в Москву и С.-Петербург в феврале, марте, апреле и мае месяцах, а возвращаются большею частью в сентябре, октябре и ноябре». Зарботки: маляр и кузнец по 150 руб., столяр, плотник и краснорядец по 180 руб., печник и чернорабочие по 100 руб., слесарь 240 руб., мясник 200 руб. [30, 177].

Какова была судьба дома в Санкт-Петербурге? Сазонов значился домовладельцем до 1907 г. В последние два года управляющим домом был Никитин Сергей Акимович [31, 1906, IV, 350; 1907, IV, 354]. В 1907 г. дом, по-видимому, был перестроен под доходный дом, значительных размеров, многоэтажный (есть в «Прогулках по Петербургу»). Строил техник Скачков Григорий Павлович [32]. Судя по количеству проживавших в 1897 г., предыдущее строение было маленькое.

Во всей этой истории смущает то, что родственники (в частности, Анна Чернова) запомнили другие улицы: Воронежская и Гончарная. Хотя, может быть, он когда-то и там жил. На Воронежской ул., кстати, в 70-е гг. XIX в. было несколько домов Канаевых (в частности, д. № 54; имени, отчества нет). Если это чухломские Канаевы, то, прибыв в 20-летнем возрасте в Питер на зарботки, Мартьян мог жить здесь (предыдущие исследования показывают, что отходники селились вблизи односельчан) [33].

Когда, кем, при каких обстоятельствах был построен дом в Асташево? Документальных свидетельств пока не обнаружено, да и вряд ли будут найдены. Некоторые документы, которые могли бы внести ясность в этот вопрос, не сохранились, да и порядок строительства домов в сельской местности в то время не предполагал утверждение проекта.

Сходство дома в Асташево с проектами Ивана Павловича Ропета, опубликованными в 70-х гг. XIX в. в журнале «Мотивы русской архитектуры» [34], позволяет высказать предположение, не был ли связан Мартьян Сазонов своей профессиональной деятельностью с этим известным архитектором? В центральной российской и местной прессе к. XIX– н. XX вв. периодически появлялись сообщения об отъезде костромских отходников за границу: «через столицу проехала «довольно значительная партія костромскихъ плотниковъ, направляющихся въ Парижъ для производства плотничныхъ работъ на всемірной выставке на несколько месяцевъ, съ платою каждому 150 франковъ въ месяцъ» [35].

Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к биографии И.П. Ропета. Так сложилась судьба И.П. Ропета, что, с одной стороны, он рано проявил свой талант, причём, на европейском уровне, а с другой стороны, из-за рано постигшей тяжёлой болезни жил как бы в тени. Поэтому некролог, опубликованный в журнале «Зодчий» за 1909 г, начинался так: «Мало, кто помнил о нём. Многие думали, что его нет в живых. Много лет он хворал и мало где показывался»[36].

Иван Павлович Ропет родился в 1845 г. в Петергофе. Отец его, Николай Петров, был «из солдатских детей», служил на Петергофской бумажной фабрике старшим мастером, рано ушёл из жизни. Мать – Михеева Любовь. В семье было шестеро детей: Григорий, Дмитрий, Екатерина, Аграфена, Иван и Фёдор [37]. Предпоследнему Ивану на момент смерти отца было всего два годика. Его взял на воспитание дядя. В благодарность за это Иван позднее принял его отчество – Павлович. При каких обстоятельствах он стал из Петрова Ропетом сказать трудно. В 1861 г. поступил в Академию художеств. В личном деле фонда Академии художеств сохранился отчёт Ивана о прохождении

практики под руководством профессора архитектуры Императорской Академии художеств Николая Фёдоровича Брюлло, который впечатляет своей обстоятельностью. Объект, на котором он практиковался, – дом Н. Львова на Большой Морской, т.е. в самом центре Северной Пальмиры [38].

В 1876 г. он окончил Академию художеств. Ропет вошёл в число тех, кто был удостоен больших золотых медалей: по классу живописи – Илья Репин, Василий Поленов, Павел Ковалевский; по классу скульптуры – Иван Панфилов; по архитектуре – Альфред Парланд, Иван Стефаниц, Ульрих Урлауб [39]. К окончанию Академии, кроме выпускной медали, он уже имел: 2 серебряную за «проект здания Мирового съезда» (1864 г.); 2 серебряную и первую серебряную за проект русского скотного двора для Парижской всемирной выставки (1865 г.); 1 серебряную (1867 г.); 2 золотую (1869 г.); 1 золотую за программу «Проект православной церкви о 3-х приделах для кладбища» (1871 г.) [40]. Удостоенные Большой золотой медали выпускники становились пенсионерами Академии художеств, что давало им возможность в течение 6 лет совершенствоваться в мастерстве, путешествуя за границей. Ропет уехал за границу не сразу, а спустя несколько лет после окончания Академии художеств. Места, которые привлекли Ивана Павловича, – Париж (Франция); Неаполь, Генуя (Италия); Каир (Египет) [41].

Изучение зарубежной архитектуры не стало уединённым занятием. Удивительно, а может, напротив, и закономерно, что в этот европейско-египетский период, пребывая вдали от родины, Иван Павлович создал эскизы, затворённые на русской тематике. На протяжении 1875–1879 гг. эскизы Ивана Павловича регулярно публиковались в журнале «Мотивы русской архитектуры». Среди них – проекты международной выставки (Париж), загородных домов, сельских церквей, сельских школ и их внутреннего убранства, а также архитектурные сооружения инфраструктуры сельской усадьбы. В 1876 г. был опубликован проект загородного дома, который воплотил спустя два десятилетия чухломский крестьянин-отходник Сазонов Мартьян Созонтович [42]. В 1879 г. – проект бани для С.И. Мамонтова (сохранилась в Абрамцево) [43].

Между тем всемирную известность Ропету принёс русский павильон на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. «Взгляните, какая чудесная стройная масса воздвигнулась посредине, этот бревенчатый цветной дом, с высокою кровлею, увенчанною резным князьком, с заострённым широким громадным кокошником вверху, с маленькой открытой галереей над широким входом, завешанным русскими полотняными завесами, в русских узорах. И по сторонам центрального здания, направо и налево, целый маленький городок из разных построек: тут и башни, и длинные вдвинутые назад крытые переходы, и сквозные галерейки, и всходы, и лестницы, и бесконечное разнообразие окон, пилястр, резных орнаментов, фантастических птиц, стоящих в ряд и держащих в лапе веточку, и разнообразных кокошников и кровель, наконец, повсюду богатая цветная резьба из узоров и цветов, широкие прелестные резные карнизы, висящие из-под кровель, словно богатые поднизы из бус на лбу у русской крестьянки, и полотенца, вывесившиеся из окон, словно передники сарафана. Ничто не повторяется, рядом стоят все разнообразные части и члены, полные несимметричной, но изящной красоты, выражения и стройности» [44]. Когда читаешь это описание В. Стасова, непроизвольно перед глазами возникают картины вольнослушателя Высшего художественного училища при Академии художеств Ефима Васильевича Честнякова, модели русского мира, заложенные в архитектурном и живописном произведениях, удивительно совпадают.

Владимир Васильевич Стасов, сын известного архитектора, художественный критик, историк искусств, дал высочайшую оценку работы Ропета: «На нынешний раз благородная эта роль выпала на долю одного молодого русского художника, одного из самых талантливых, если только не самого талантливого нашего архитектора. Имя его – Ропет. Не было в печати европейской такой статьи об архитектуре на выставке, где бы ни было высказано, что русская постройка – оригинальна, талантлива, делает честь России, составляет украшение выставки. В одном из лучших изданий, специально посвящённых вы-

ставке «L'Album de l'exposition» Глюка с превосходными гелио-гравюрами, было даже прямо сказано: «Одна из самых интересных построек улицы Наций, та, что между всеми пользуется наибольшею любовью публики и всего дольше останавливает перед собою удивлённых зрителей – это бесспорно живописный фасад, выстроенный из дерева России» [45]. И это всё о работе пенсионера Академии художеств, которому было чуть более 30 лет.

Из зарубежной стажировки Иван Павлович возвратился досрочно, в 1880 г. «Преследуя изучение стилей Романской и Арабской архитектуры и ознакомившись со многими их памятниками во Франции, Италии и Египте – я бы желал употребить остающееся время моего пенсионерства на путешествие по России для изучения памятников Русского зодчества» [46]. Однако по возвращении он тяжело заболел. Ему было 35 лет, когда его хватил нервный удар и отнялись руки [47].

В последующие десятилетия Ропет ещё не раз проектировал русские павильоны на Всемирных выставках: 1888 г. – Копенгаген, 1893 г. – Чикаго. Фасады чикагского павильона были полностью изготовлены в России, в разобранном виде привезены в Америку и вновь собраны на выставке. После закрытия выставки это сооружение подарили Русской православной миссии в США. Из него соорудили православную церковь в городе Стриторе в штате Иллинойс [48]. Таким образом, мы видим, что к моменту Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. Иван Павлович был не только известным архитектором, но и имел опыт возведения выставочных павильонов на Всемирных выставках, проходивших в Европе и США. Вклад Ропета в строительство нижегородского выставочного городка – павильон садоводства, плодоводства и огородничества [49].

Архитектура была не единственным занятием Ропета. Он известен и своими графическими работами. По его проектам также было сооружено несколько надгробий, в частности, В.В. Стасова (некрополь мастеров искусств, Александро-Невская Лавра) [50], последняя его работа. «Глаза плохо видят, говорил он скульптору Гинцбургу прошлую весною, – но не могу уме-

реть, не сделав кое-чего для нашего Владимира Васильевича. Пусть это будет моей последней работой» [51].

И.П. Ропет ушёл из жизни 12 декабря 1908 г. Незадолго до этого, 15 ноября он обратился с просьбой вывести его из состава действительных членов Академии художеств: «Страдая долговременной хронической болезнью без всякой надежды на выздоровление, я решил выйти из числа действительных членов АХ, чтобы не занимать там напрасно места...прошу сделать распоряжение о перечислении меня в число выбывших по болезни» [52]. По странной случайности, письмо это назначено было к докладу академическому собранию 15 декабря. Утром этого дня тело Ивана Павловича опустили в могилу [53]. 28 февраля 1909 г. в канцелярию Академии художеств поступило прошение вдовы, Екатерины Евдокимовны Ропет о назначении пенсии [54]. Пристав Новодеревенского участка Санкт-Петербурга 9 апреля 1909 г. сообщал, что вдова архитектора <...>состояния бедного, имущества, кроме необходимой обстановки не имеет, одинокая, имеет от роду 60 лет, занимает квартиру в особняке, состоящую из 3 комнат и кухни. <...> просительница существует на деньги, выручаемые от продажи вещей, которые продаёт постепенно после смерти мужа» [55].

Прошло более ста лет с момента ухода из жизни Ивана Павловича Ропета. Временная дистанция позволяет по-новому взглянуть на национально-фольклорную линию в архитектуре, сформулированную А.М. Горностаевым и его блистательными учениками В.А. Гартманом, И.С. Богомоловым, Ф.С. Харламовым и др. И здесь, по мнению исследователей истории архитектуры, едва ли не центральное место принадлежало И.П. Ропету. Не случайно, что это направление стало называться по фамилии Ивана Павловича. «Ропетовщина» – каким бы уничижительным смыслом не наделяли этот термин некоторые современники, заняла своё место в истории архитектуры.

Как нам кажется, признание костромским крестьянином Мартьяном Сазоновым, знавшим толк в дереве (по всей видимости, он был краснодеревщиком, работавшим в столице, а также не исключено, что и участвовал в реализации ропетовских проектов), творчества Ропета есть лучшее подтверждение того,

*Терем в Асташеве до реставрации.
2000-е годы.*

что характер его архитектурных сооружений был созвучен эстетическим предпочтениям русского человека.

Время не убергло большую часть построек И.П. Ропета. Среди сохранившихся: баня в усадьбе «Абрамцево», Народный дом в Барнауле. В этом

контексте возрастает значение завершения реставрационных работ терема в Асташеве в Чухломском районе Костромской области.

Примечания:

¹Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. VI. Чухлома. Чухломский район. Кострома. 2004. - С. 186–187.

²Судьба культурного наследия России XX в. Архитектура и ландшафты России. Красная книга. М., 2003.- С. 144 – 145.

³Т. Байкова. Дом Сазоновых // Вперёд. 2002. 28 мая.

⁴ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 188. Л. 16 об. Метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти прихожан Ризположенской церкви с. Озерки Чухломского уезда. 1885–1893 гг.

⁵ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186. Л. 195 об. Метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти прихожан Ризположенской церкви с. Озерки Чухломского уезда. 1861-1870 гг.

⁶ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186. Л. 217 об. - 218.

⁷ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186 -187.

⁸ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186. Л. 45 об.- 46.

⁹ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186 -187.

¹⁰ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 109. Л. 82. Метрические книги Николаевской ц. с. Дорок Чухломского у. Костромской губернии. 1867 – 1887 гг.

¹¹ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186. Л. 227 об. – 228.

¹²ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 187. Л. 52 об.- 53. Метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти прихожан Ризположенской церкви с. Озерки Чухломского уезда. 1871–1884.

¹³ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 187. Л. 88 об. – 89.

¹⁴ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186. Л. 207 об.–208.

¹⁵ГАКО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 2 об. 1886 г. список домохозяев по селениям Алешковской вол. Чухломского уезда Костромской губернии.

¹⁶Там же.

¹⁷Адресная книга С.-Петербурга на 1892 г.: составлена при содействии городск. обществ. управления под ред. П.О. Яблонского. СПб. Лештуковская Паровая скоропечатня П.О. Яблонского. Лештуков пер. №13, 1892. Отд. I. С. 52. В таблице домов – рота 12 – д. № 6 –.Сазонов М.С. (есть раздел ремесленные заведения по видам, но нигде не встречается Сазонов).

¹⁸Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 г./ Сост. Н. Цылов. СПб.: Типогр. Тов-ва «Общая польза», 1862 г. - С. 357.

¹⁹Т. Байкова. Дом Сазоновых // Вперёд. 2002. 28 мая.

²⁰ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 189. Л. 18 об. Метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти прихожан Ризположенской ц. с. Озерки Чухломского уезда. 1894–1901 гг.

²¹ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 189. Л. 16 об.–17.

²²Адресная книга г. С.-Петербурга на 1892 г.: составлена при содействии городского общественного управления под ред. П.О. Яблонского. - СПб. Лештуковская паровая скоропечатня П. О Яблонского. Лештуков пер. № 13, 1892. Отд. I. - С. 52;

Весь Петербург на 1895 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Изд. А.С. Суворина. III отд. С. 199: Март. Сазонов. Изм. П. 12 рота, Дмвл. – 285; IV отд. С. 285 – Нарв. Ч. II уч. Мир.уч. 18 левая сторона № 6 – Сазонова Март. Сазон.;

Весь Петербург на 1896 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Изд. А.С. Суворина. III отд. - С. 279: Сазонов;

Весь Петербург на 1897 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Изд. А.С. Суворина. Отдел «Алфавитный указатель». - С. 927: Сазонов Мартин Сазонович, дмвл., Изм.п. 12. рота 6, - С. 1544; дмвл. Сазонов Маркиан Сазон., крестьянин. Управл. Асеев Пет. Осеев, крестьянин; столярная мастерская. Оводов Ос. Лук., ломовой извоз, Афанасьев Игн. Лук., кр-н, ломовой извоз (по экземпляру, хранящемуся в библиотеке РГИА СПб.); Электронная версия. – III ч. - С. 367: Сазонов Март. Сазон. Дмвл. (266). IV ч. - С. 266: Рота Двенадцатая. Нарв.ч. II уч. Мир.уч.18. Левая сторона. № 6 Сазонова Март. Сазон.

Весь Петербург на 1898-99 г. – не упоминается.

1900 г. – Весь Петербург на 1900 г. Ч.III. - С. 507: Сазонов Март. Сазон. Дмвл. 344; ч.IV- С. 344: Измайловская 12 рота № 6 Сазонов Март.Сазон. Аренд. Осеев Пет.

Весь Петербург на 1901 г. Отд. III с. 508: Март. Сазонов. Дмвл. - С. 330; IV с. 330. Изм. п. 12 рота № 6 Сазонова; Март. Сазон. Аренд. Осеев Пет. Сазонов.

Весь Петербург на 1902 г. с. 555: Март.Сазон. Дмвл.- С. 332: рота 12 (от Изм. просп. до Дровяной ул.) Левая стор. (Дровян.ул.) д. № 6. Сазонова Март. Сазон. Аренд. Осеев Пет.

Весь Петербург на 1904 г. отд. III. - С. 575 – Март. Сазон. Изм. п. 12 рота, 6. Дмвл. 337; отд. IV. -С. 337 – Март. Сазон. Аренд. Осеев Пет.

Весь Петербург на 1905 г. отд. III. - С. 568 – Сазонов Март. Изм.п. 12 рота, 6. Дмвл. 339; отд. IV. - С. 339: Сазонова Март.

Весь Петербург на 1906 г. отд. III. -С. 583: Март. Сазон. Изм.п., 12 рота, 6. Дмвл. 350; отд. IV. - С. 350 : Сазонова; Март. Сазон. Упр. Никитин Серг. Акимович.

Весь Петербург на 1907 г. отд. III. - С. 625: Сазонов Март. Изм. п. 12 рота, 6. Дмвл. - С. 354; отд. IV. - С. 354: дом №6 Сазонова; Март Сазон. Упр. Никитин Серг. Аким.

Весь Петербург на 1908 г. Сазонов не упоминается; отсутствует информация и о 12 роте (левая сторона).

Весь Петербург на 1909 г. Сазонов не значится; отсутствует информация и о 12 роте (левая сторона).

Весь Петербург на 1910 г. Сазонов не значится; отсутствует информация и о 12 роте (левая сторона).

²³ГАКО.Ф. 311. Оп. 1. Д. 12. Л. 11об-12. Приговора сельских сходов Алешковской волости Чухломского уезда Костромской губернии. 1896 г.

²⁴Весь Петербург на 1897 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Изд. А.С. Суворина. - С. 1544.

²⁵Т. Байкова. Дом Сазоновых // Вперёд. 2002. 28 мая.

²⁶ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 187-190.

²⁷ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 189. Л. 16 об.-17.

²⁸ГАКО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 5. Л. 30 об.-31. Решения Алешковского волостного суда 1899 г.

²⁹Сельскохозяйственная перепись 1916 г. в Костромской губернии. Вып. 10-й. Солигаличский, Чухломский и Юрьевецкий уезды (Краткие сведения по селениям). Кострома: Типография Губернской Муниципальной коллегии, 1918. - С. 12 - 13.

³⁰Труды комиссии (так в источнике) по исследованию кустарной промышленности в России. - СПб., 1885.- С. 177.

³¹Весь Петербург на 1906 г. отд. III. - С. 583: Март. Сазон. Изм.п., 12 рота, 6. Дмвл. 350; отд. IV. - С. 350 : Сазонова; Март. Сазон. Упр. Никитин Серг. Акимович; Весь Петербург на 1907 г. отд. III. - С. 625: Сазонов Март. Изм. п. 12 рота, 6. Дмвл. 354; отд. IV. - С. 354; дом №6 Сазонова; Март. Сазон. Упр. Никитин Серг. Аким.

³²12-я Красноармейская ул. д. №6, Скачков Г.П. // citywalls.ru/house4324.html.

³³Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 г./ Сост. Н. Цылов. СПб.: Типогр. Тов-ва «Общая польза», 1862 г.- С. 50.

³⁴Мотивы русской архитектуры / Ежемесячн. Альбом архитектурных рисунков. Издатель А. Рейнбот. 1876. - С. 41-42.

³⁵Санкт-Петербургские ведомости. 19 марта 1899 г. №32; Костромские рабочие в Париже и Лондоне // Костромская жизнь. 15 февраля 1913. №38; Плотники-костромичи за границей // Поволжский вестник. 8 ноября 1913 г. №2166.

³⁶Зодчий // Ежемесячн. Архитект. и худ.-техн.журнал. 1909. № 3. 18 января. - С. 29.

³⁷РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 789 (Академия художеств). Оп.14. Д. 30. Л. Личное дело. Ропет Иван Николаевич (Павлович).

³⁸Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 53 об.

³⁹Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

⁴⁰Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. [Ч. 1-2]. СПб., Товарищество Р.Голике и А.Вильборг, [1914–1915]. Ч. 2. [Часть биографическая]. С. 381.

⁴¹РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

⁴²Мотивы русской архитектуры. 1876.- С. 41-42.

⁴³Там же. 1878. Л.32, 34–38.

⁴⁴В.В. Стасов. Наши итоги на Всемирной выставке// Стасов В.В. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. Обзоры, выставки, полемика. М., Л.: гос.изд. «Искусство», 1937. - С. 276–277.

⁴⁵Там же. - С. 272.

⁴⁶РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 177 (от 6 октября 1880 г.).

⁴⁷Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

⁴⁸Мир выставок – журнал профессионалов экспо-индустрии [Электронный ресурс]. Режим доступа: mirvistavok.ru

⁴⁹Кириченко Е.И. Архитектор И.П. Ропет //Архитектурное наследство. Вып. 20. - М., 1972. - С. 85-93.

⁵⁰Гинцбург А.М. Кириков Б.М. Архитекторы–строители Санкт–Петербурга сер. XIX – н. XX в.: справочник. - СПб., 1996. - С. 268.

⁵¹Зодчий. 1909. № 3. - С. 30.

⁵²РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 196.

⁵³Зодчий. 1909. № 3. - С. 30.

⁵⁴РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 201.

⁵⁵Там же. Л. 204 об.

С.А. ПИЛЯК,

заместитель директора по развитию

Костромского музея-заповедника

«Костромская слобода»

ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ ВАРНАВИНСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Культурное наследие регионов Российской Федерации – огромное богатство, не в полной мере востребованное, но, тем не менее, являющееся фундаментом современной культурной жизни страны. Природные особенности и история российских регионов, характерные национальные черты населяющих их народов, отразившиеся в дошедшем до нашего времени культурном наследии, позволяют выделить свойственные провинциальным местностям своеобразные особенности, нивелирующиеся с каждым годом в ходе ускользящей глобализации. Утрата регионального своеобразия грозит потерей национальной культуры в целом.

Одной из наиболее уязвимых частей культурного наследия остается деревянное зодчество. Народная архитектура уходит вместе с образом жизни, традициями натурального хозяйства. Памятники деревянного зодчества исчезают из застройки провинциальных городов и сел, некогда полностью «деревянных». Крупицы исторической среды, отдельные памятники народного деревянного зодчества, собранные в музеях под открытым небом, редко позволяют проследить характер своеобразной народной архитектуры каждого региона страны. В частности, на настоящий момент малоизученными остаются региональные особенности деревянного культового зодчества Костромского Поветлужья.

Поветлужье представляет из себя крупный субрегион, ограниченный бассейном реки Ветлуги. Средняя часть Поветлужья исторически входила в состав Ветлужского и Варнавинского уездов Костромской губернии, поэтому в рамках настоящего исследования определена как Костромское Поветлужье. Наибольший интерес представляют культовые памятники, сосредоточенные на территории Варнавинского уезда. Исследователь А. В. Бокарев отмечает: «Деревянное культовое зодчество центральных регионов России, в сравнении с деревянным зодчеством Русского Севера или Западной Украины, является недостаточно исследованным. Этому способствует малое количество сохранившихся деревянных церквей – большинство их было заменено каменными еще в XVIII-XIX вв., а существенная часть уцелевших была утрачена уже в XX в. В результате до наших дней дошли только единичные памятники, не составляющие целостной картины»¹. Для зоны Костромского Поветлужья такая ситуация также характерна. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Несмотря на удобное географическое положение Поветлужья, освоения его русским населением и развития торговых путей на протяжении длительного времени не происходит. Это было связано с воинственностью местного населения – черемисов: «Упомянуется в XVI веке еще один крупный

Архангельская церковь.
С. Архангельское на Волу.
Фото нач. XX века.

путь древней Руси, пролежавший по северной части Костромского Заволжья: это дорога, соединявшая Москву с Вяткой через Кострому и Галич, считавшаяся однако не только неудобной, по массе болот и лесов, но и небезопасной из-за разбоев бродячих черемисов между Галичем и Вяткой, вследствие чего ей предпочитался кружной путь через Вологду и Устюг»².

Новгородцы, проникая в Поветлужье со стороны Великого Устюга по крупному притоку реки – Вохме, постепенно осваивали этот край, и к XIII веку отдельные попытки увенчались успехом. Согласно первому упоминанию о сооружении православного храма в регионе в 1290 году епископ Тарасий, приехавший из Великого Устюга, обратил в христианство черемисского князя Бая. Сообщение о сооружении первого деревянного храма на северо-востоке Костромской области зафиксировано в летописных источниках. Эту легенду приводит Дмитрий Дементьев: «Прибывший в г. Устюг епископ Тарасий с чудотворной иконой Пресв. Богородицы Одигитрии и колоколом в 1290 г. обратил в христианство хлыновского князя черемис Бая, который уверовал во Христа, будучи в Устюге, и по крещении своем пожелал в 1300 г. построить в Пысте-Хлынове деревянную церковь во имя Воздвижения Честного Креста»³. Пысте-Хлынов, построенный «из липовых деревьев», располагался около села Воздвиженского (дер. Притыкино Пыщугского района) или в устье реки Пыщуг⁴. Можно только предполагать, какой была эта первая церковь Поветлужья.

К концу XVIII века Поветлужье представляет собой огромную территорию, занятую в основном лесом. Некоторые части Поветлужья остаются незаселенными в течение долгого времени: «...районы, как например Черемисская сторона, обойденная колонизацией XVI и XVII веков с севера, оставались пустовать до XX в. ...»⁵. К началу XIX века Поветлужье приобретает значение одного из крупных дерадобывающих районов Российской Империи. Наличие крупных лесов и близость рынков сбыта – волжских городов Космодемьянска и Казани к концу XIX века сделали Ветлугу одной из «лесных рек». Обилие строевого леса в Костромском крае (в сравнении с другими губерниями Центральной России) подмечают не только современные

источники: «... по отношению к обеспечению населения лесными материалами, то есть по количеству лесной площади, приходящейся на каждого жителя, первое место занимает Костромская губ.»⁶. В издании конца XIX века реки Кострома, Унжа и Ветлуга даже называются «реками лесов» – из-за преобладания «движения грузов вниз по реке в виде лесных продуктов»⁷.

С учетом представленных фактов становится понятным и оправданным то, что каменное строительство в Поветлужье приобретает рядовой характер лишь к середине XIX века. Развитие деревянного строительства на протяжении многих веков, обилие местной строительной древесины, определенная изоляция от непосредственного проникновения традиций каменного зодчества предопределили появление региональных традиций в деревянном зодчестве Поветлужья.

Исследователи

Вторая половина XIX – начало XX веков – время становления как науки истории русского деревянного зодчества. Меры по сохранению, в том числе и фиксации – фотографированию, обмеров выдающихся памятников зодчества предпринимали как единичные исследователи, так и научно-исследовательские организации и общества – Императорское археологическое общество, губернские научные общества, Академия художеств. Деревянные храмы Костромского Поветлужья также подробно описаны и проиллюстрированы в Выпуске № 31 Известий Императорской Археологической Комиссии (ИИАК), в разделе, посвященном памятникам культовой архитектуры Костромской губернии⁸.

В издании М. В. Красовского, которое вплоть до 1940-х годов было наиболее подробным и содержательным по теме русского деревянного зодчества, опубликованы два культовых памятника исследуемого региона – часовня-столб в деревне Одошнур и деревянная церковь села Архангельского на Волу. Храм, выделяющийся развитой композицией, уже в дореволюционных источниках стал хрестоматийным примером ярусного

храма, имеющего сравнительно редкое завершение пятиглавием на крещатой бочке. Памятник опубликован в издании М. В. Красовского в текстовом описании и фотофиксации⁹.

Исследователи костромской архитектуры начала XX века в большей части уделяли внимание западным уездам Костромской губернии: Буйскому, Чухломскому, Галичскому и Солигаличскому. Памятники деревянного зодчества, доступные для осмотра в этой части губернии, были удобны для осмотра, а также, благодаря разнообразию форм, вполне удовлетворяли интерес исследователей. Восточные уезды – Ветлужский и Варнавинский, а также Кологривский, Макарьевский и Кинешемский – внимание исследователей привлекали реже. Опираясь на материал, полученный в западных уездах, ученые (Г.К. Лукомский, Б.И. Дунаев) делали выводы о региональных традициях зодчества в целом. Однако единичные упоминания о памятниках исследуемого региона в данных изданиях есть. В своей статье Г. Лукомский упоминает, что «отлична и церковь с. Архангельского (1755 г.), что на Волю (Варнавинского уезда), но она принадлежит к числу позднейших, обшита тесом и слишком вытянута в своей композиции трех восьмериков, поставленных один на другой». Храм упомянут как один из характерных для региона ярусных объектов с пятиглавым завершением¹⁰.

В первой половине XX века известно лишь одно исследование региональных особенностей деревянного культового зодчества Поветлужья. С. В. Зетиллов, член Ветлужского научного общества по изучению местного края, летом 1925 года обследовал часть «Приветлужья», особое внимание уделив памятникам культового деревянного зодчества, культовой скульптуре и интерьерам церквей. Из текста доклада, прочитанного 3 апреля 1926 года в Российской Академии истории материальной культуры (г. Ленинград) и хранящегося ныне в Государственном архиве Костромской области¹¹, возможно почерпнуть не только ряд фактов, не опубликованных в остальных источниках, но и в целом составить представление о состоянии науки истории деревянного зодчества, направлениях ее развития и приоритетах исследований. В частности, мно-

гократно отмеченное в тексте доклада предвоенное издание М. В. Красовского вплоть до 1940-х гг. в самом деле являлось основополагающим трудом по истории русского деревянного зодчества. С. В. Зетилов также отмечает от первого лица, что «мною было сделано за это время 58 фотогр. снимков». Данные фотографии, ценнейшие документы, в архиве не состоят¹². В целом в этот период Поветлужье остается малоизученным регионом. Как отмечает С. Зетилов: «К числу почти не обследованных областей относятся район реки Ветлуги и реки Унжи»¹³. Географические границы исследуемой местности были обусловлены данными, доступными краеведу: «В мою прошлую поездку я обследовал среднее течение реки от села Зубовского до села Воскресенского, насколько я знаю, ни выше, ни ниже по течению от этих сел древних деревянных храмов больше не имеется». Этим С. В. Зетилов определяет регион исследования, проведенного в 1925 году¹⁴. Исследователь отмечает: «Я, как ветлужский краевед, взял на себя труд обследовать район реки Ветлуги и реки Унжи и поставить в известность сохранившиеся здесь памятники деревянного зодчества. Свою работу я задумал несколько лет тому назад, но начать мне ее удалось только прошлым летом, когда я в течении полутора месяцев обследовал 13 деревянных церквей и несколько часовен в районе реки Ветлуги»¹⁵. С. Зетилов составил краткие описания церковных зданий и их интерьеров, выполнил фотофиксацию следующих памятников: шатрового храма во имя св. Николая 1666 г. в г. Варнавине, церкви во имя Архангела Михаила в селе Георгиевском на реке Волу 1784 г., храма во имя св. Илии Пророка в с. Вознесенском 1759 г., Николаевского – 1732 г. и Харлампиевского – 1731 г.; храмов в селе Бельшеве, Троицкого храма в селе Турань 1766 г., храма во имя Илии Пророка в селе Макарьевском (Макарий-притыки) 1767 г., храма во имя Архангела Михаила в селе Архангельском на Волу 1755 г., храма во имя Богоявления в селе Дмитриевском 1735 г. Текст доклада С. В. Зетилова содержит немало замечаний, фактов, и, несмотря на заметную обрывочность представленных сведений, до сих пор, по сути, является одной из наиболее

полных публикаций по теме культового деревянного зодчества Костромского Поветлужья.

Большая работа по исследованию деревянной культовой архитектуры региона была проведена при создании Костромского и Нижегородского музеев деревянного зодчества. Ряд культовых сооружений был намечен к перевозке. Массовая утрата памятников во второй половине XX века не позволила последующим поколениям исследователей в натуре увидеть многие памятники Поветлужья.

В настоящем обзоре на основе анализа опубликованных и архивных источников и материалов выявляются архитектурные особенности, формирующие своеобразие культового деревянного зодчества Костромского Поветлужья.

Деревянные храмы города Варнавина

Административный центр Варнавинского уезда – уездный город Варнавин в 1778 г. был образован на основе подмонастырской слободы Варнавинского Троицкого монастыря – крупнейшего православного комплекса уезда. Канонизация в 1639 г. Варнавы Ветлужского сделала монастырь центром всероссийского почитания святого. Особое значение Варнавинского монастыря в XVII-XVIII веках для всей Ветлуги подтверждают указы епископов Нижегородских и Алаторских, которым, в частности, ветлужские священники начали подчиняться с 1719 г. Монастырь был местом временного ареста и содержания раскольников, храмы Поветлужья были подчинены игумену монастыря¹⁶.

Источник начала XVIII века, времени расцвета обители, так описывает сооружения монастыря: «1702 г. марта 10 в Варнавине пустыне церковь во имя Николая чудотв. с трапезою деревянные рублены в углы, шатровая об одной главе, окожученной лемехами деревянными, крест опаян белым немецким железом, в церкви гроб препод. Варнавы Ветлужского чудотворца деревянной <...> В том же монастыре другая церковь Живонач. Троицы с трапезою деревянная рублена в углы, вершена бочками о 2 главах, 2 креста опаяны белым немецким железом,

под тою церковью внизу церковь во имя Благовещения Пр. Богородицы с трапезою деревянная. Близ церкви Живон. Троицы колокольня деревянная о 4 стенах снизу рублена в лапу, на колокольне забрано в бабки досками, вверху шатрик и крест деревянной, на колокольне 3 колокола, на монастыре ж часовня бревенная рублена в замок»¹⁷. Данный монастырский ансамбль представляет пример развитой градостроительной композиции и сложных по объемному решению зданий, не имеющих прямых аналогов среди сохранившихся памятников деревянного культового зодчества Костромского региона. Доминантой комплекса является построенная в 1666 году шатровая церковь Николая Чудотворца¹⁸, после упразднения монастыря в 1764 г.¹⁹ ставшая приходским храмом.

Размещение монастыря на высокой Красной горе, возвышающейся на правом берегу Ветлуги над плоской заболоченной равниной левого берега, уже благодаря естественному рельефу делало его доминантой окрестностей. Строительство на Красной горе в 1666 г. монастырского летнего храма сделало монастырь видным издалека. Как предполагает автор, этот местный образец шатровой церкви «восьмерик на четверике» в дальнейшем стал основой для развития регионального ветлужского типа ярусного храма. Барочное стремление к усложнению, контрастности, динамичности, аффектации придало последующим ветлужским храмам вид памятника «вычурного» стиля.

Традиционно исследователи русского деревянного зодчества связывают появление ярусных типов храмов, как деревянных, так и каменных, с влиянием украинского зодчества, с середины XVII века оказывавшим активное влияние на русскую архитектуру. «После воссоединения Украины с Россией в 1654 г. влияние украинского зодчества было достаточно сильным»²⁰. Причиной таких особенностей формообразования исследователи видят никоновский запрет 1648 года на постройку шатровых храмов. Ярусная композиция стала закономерной заменой шатровой, сохраняя такую же высоту и приблизительный силуэт при формальном следовании никоновским храмозданным грамотам. В отношении ярусных прототипов

Ф. Ф. Горностаев отмечал, что деревянные ярусные храмы появились на Руси ненамного раньше каменных, причем это также было продиктовано украинским влиянием. Важнейшим фактором, способствовавшим развитию шатровой композиции, исследователь называл запрет шатровых завершений храмов²¹. Этот тезис был впервые высказан и доказан И. Э. Грабарем²². В дальнейшем был также подтвержден исследованиями И. Л. Бусевой-Давыдовой²³. Однако в целом на разработку типа ярусного храма повлияла эстетика барокко, главенствующего стиля в архитектуре России уже со второй половины XVII века – то есть в эпоху сложения общероссийского рынка, роста и повышения международного престижа Русского государства. Как отмечает А. Б. Бодэ, «...распространение башнеобразных культовых построек в русской архитектуре связано с периодом сложения централизованного государства»²⁴.

Следовательно, в русской архитектуре ярусный храм XVII-XVIII вв. представляется естественным продолжением типа храма-памятника XVI в. Характерной чертой храмов-памятников, увековечивающих в сознании людей и в архитектурной среде определенное историческое событие, является всефасадность. Цель создания доминанты пространства заставляет зодчего возвести объем, стремящийся к симметрии по всем осям, приблизительно одинаково читаемый со всех сторон. Именно поэтому храмы-памятники часто имеют шатровые, столпообразные силуэты, планы, построенные на квадрате, восьмиугольнике, круге. Уникальность объемно-пространственной композиции храма для Центральной России, и Поветлужья в частности, была отмечена еще в 1926 году: «Не останавливаясь на других клетских храмах, перейду к единственному в Приветлужьи шатровому храму во имя св. Николая в городе Варнавине. Год постройки его 1666. Это единственный остаток стоявшей здесь Варнавиной пустыни (упразднена в 1764 г.). К сожалению, храм подвергся в 1854 г. перестройке значительно искажившей его древний облик: вместо алтарного прируба устроен единый сруб для алтаря и главного помещения для молящихся, и произведены другие более мелкие изменения. Интересно отметить что в то время

как плотники прирубили два крыльца с колоннами взятыми ими повидимому с помещичьих усадеб, они могли покрыть шатер обрезным тесом, но уже не смогли покрыть шею центральной главы лемехом: она уже только расписана под него»²⁵. Костромской исследователь Л. В. Москалева поддерживает мнение о редкости данного типа храма для Костромской губернии²⁶.

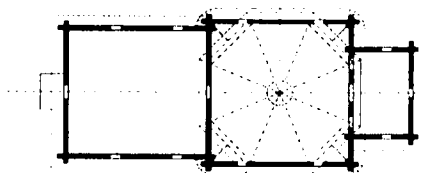
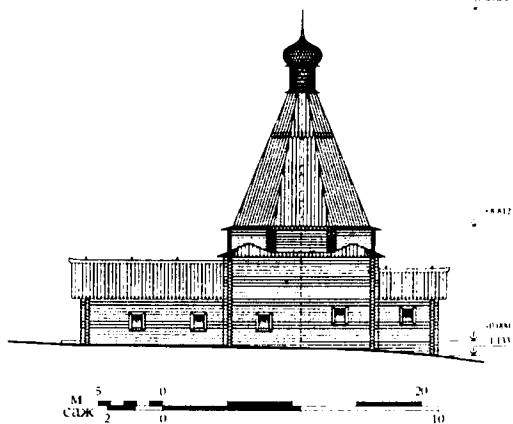
Постановка на кубический четверик сравнительно невысокого восьмерика, не превышающего, как правило, трети высоты четверика и завершаемого высоким шатром с одной главой, является особенностью храмов рассматриваемого региона. Также важной конструктивной деталью является сохранение восьмериком габаритных размеров четверика. Прясла восьмерика, расположенные по сторонам света, продолжали в плане рубленые стены нижележащего четверика. В дальнейшем преобразовании архетипа при увеличении количества ярусов такой особенностью обладал только нижний восьмерик. О формировании типа храма «восьмерик на четверике» В.А. Каравашкин пишет следующее: «Вероятно, прообразом данного построения служили шатровые храмы, возникшие еще в XVI веке. Композиция такого храма складывалась из четверикового основания и невысокого глухого восьмигранного объема, на которые опирается шатер. Восьмерик в такой компоновке не является самостоятельным ярусом и служил лишь основанием вытянутому по вертикали шатровому завершению. В результате поиска новых выразительных форм, когда в середине XVII века шатер перестает доминировать в храмовой архитектуре, зодчие обращаются к знакомой теме и приспособливают ее к современным условиям. Так восьмериковое основание под шатром увеличивается по вертикали, перекрывается восьмидольным сомкнутым сводом и интерпретируется в самостоятельный световой ярус». Дальнейшая разработка объемно-пространственной композиции храмов, ведущаяся в русле эстетики барокко, изменила и усложнила ярусное построение объектов²⁷.

До нашего времени церковь не дошла, в 1932 г. храм был разобран на дрова²⁸. На основании нескольких размеров храма, приведенных в ИИАК, возможно выполнить схематическую

реконструкцию памятника: «Размеры храма: высота $2\frac{1}{2}$ саж., трапезы $1\frac{1}{2}$ саж., длина с алтарем и трапезою 12 саж., ширина 5 саж., трапезы $4\frac{1}{2}$ саж. Своды устроены в виде круговой дуги. Среди церкви поставлены 4 гладкие круглые столба. Окна узкие продолговатые с простыми железными решетками. Алтарь квадратный, отделяется от храма иконостасом с царскими и боковыми дверями. Притвор устроен в виде палаты, отделяется от храма столбами. Паперть устроена с западной и северной сторон»²⁹. Автором выполнена реконструкция на вторую половину XVII века (илл. 6). В целом Никольский храм имеет уникальный характер как один из немногих шатровых храмов Поволжья, облик которых мы можем воссоздать с большой долей достоверности. Фотографии памятника, сделанные в

начале XX века, также при необходимости могут служить источниками более подробной графической реконструкции объекта.

Другой храм Варнавинской пустыни, Троицкий, не имеет аналогов среди сохранившихся костромских памятников: «В том же монастыре другая церковь Живонач. Троицы с трапезою деревянная рублена в углы, вершена бочками о 2 главах, 2 креста опаяны белым немецким железом, под тою церковью внизу церковь во имя

*Николаевская церковь в г. Варнавино.
План и южный фасад.
Схематическая реконструкция.*

Благовещения Пр. Богородицы с трапезою деревянная»³⁰. Этот двухъярусный храм имел бочечное завершение, увенчанное двумя главами. Подобные деревянные храмы «о двух верхах» представляют особую немногочисленную группу памятников. В разработанной В. П. Орфинским и И. Е. Гришиной типологии деревянного культового зодчества Русского Севера такая объемно-пространственная композиция определена как «храмы с выявленной двухпрестольностью путем устройства над общим объемом храма самостоятельных покрытий, <...> с помощью отдельных покрытий на срубных основаниях»³¹.

Расположенная вблизи Троицкой церкви рубленая колокольня завершала ансамбль культовых памятников монастыря. Колокольня XVII века предстает в описании как несложное четвериковое сооружение, увенчанное шатриком. В монастыре также находилась «часовня бревенная, рубленая в замок»³², очевидно, клетского типа. Деревянные сооружения строились в монастыре и позднее. В источниках XIX-XX веков также отмечен Успенский собор 1847 г.³³, деревянный, но в своем облике преследующий характер каменной позднеклассицистической архитектуры.

Деревянные храмы сел Варнавинского уезда

В описаниях и фотографиях зафиксированы ярусные церкви Варнавинского уезда: св. Харлампия (1751 г.) и Николаевская (1752 г.) в селе Бельшево, Троицкая (1766 г.) в селе Турань, Архангельская (1755 г.) в селе Архангельское, что на Волу, Михайловская (1784 г.) в селе Георгиевское, что на Волу, Макарьевская (1767 г.) села Макарий-Притыки, Предтеченская (1759 г.) села Вознесенского, Ильинская (1775 г.) села Ильинского, что на Чебоксарке, и церковь села Семенова. Выразительная ярусная композиция, объединяющая упомянутые памятники, возведенные преимущественно в третьей четверти XVIII века, заметна даже на фоне деревянного культового зодчества Центральной России и Верхней Волги, для которого в целом характерны вариации ярусного культового сооружения. В. П. Орфинский дал следующее определение архитектурной

школы в деревянном зодчестве: «Храмостроительные школы – это творческие направления, связанные с общностью или преемственностью основных принципов формообразования и совокупностью устойчивых приемов решения конкретных архитектурно-конструктивных задач, локализованных на отдельных территориях»³⁴. «Для русского деревянного зодчества XVII-XVIII вв. характерно яркое проявление местных храмостроительных традиций. Их локализация обычно соответствовала единым крупным водным системам <...> На меньших территориях, образованных притоками крупных рек или небольшими озерами, также развивались собственные архитектурные приемы и формы»³⁵. По сосредоточению деревянных культовых памятников на момент начала XX века район Средней Ветлуги представляет уникальное явление. Сходство силуэта, аналогичные композиционные построения, в отдельных случаях даже некоторое однообразие в объемном решении четвериков, пропорций, и в целом локализация ветлужской традиции в пространстве и во времени – все это заставляет сделать предположение о локальной школе плотников-храмостроителей второй половины XVIII века³⁶.

Связь и взаимное копирование каменной и деревянной архитектуры не были прерогативой средневековья. Период бытования в Верхнем Поволжье барокко и классицизма также отмечен заимствованием архитектурных форм сооружений, принадлежавших и к каменному, и к деревянному зодчеству. На примере храмов Нижегородского Поволжья XVIII-XIX веков это доказывает А. И. Давыдов³⁷. Каждый из храмов XVIII века, зафиксированных в регионе, обладал своими уникальными особенностями, но при этом в большей или меньшей степени следовал особенностям ветлужской храмостроительной школы.

Наиболее ранние храмы XVIII века, построенные на территории учрежденного несколько позднее Варнавинского уезда, зафиксированные исследователями, имеют сложные композиции на основе клетского типа церкви. Выделяющийся подкупольный постамент, представлявший собой ярусную срубную композицию, приближает данные примеры к развив-

шемся позднее типу ветлужской ярусной церкви. Первая половина XVIII века сохранила единичные памятники деревянного зодчества. Среди имеющих подробное описание известны Дмитриевская церковь села Дмитриевского и Богородицкая села Беберино.

При каменной Дмитриевской церкви села Дмитриевского существовал холодный двухпрестольный деревянный храм 1737 г. Издатели ИИАК дают храму датировку 1735 годом³⁸. Колокольня, которая существовала при храме, «разобрана в 1882 г. за ветхостью»³⁹. С.В. Зетиллов, в 1926 году посетивший село, дает памятнику следующее описание: «Следующий описанный храм, во имя Богоявления, в селе Дмитриевском (в 30 верстах от гор. Варнавина, вниз по реке Ветлуге) построен в 1735 году, по типу постройки стоит несколько особняком. Это собственно не ярусный, а скорее клетский храм. Внутри храма потолок, забранный в косяк, закрывает восьмерик, так что он имеет чисто декоративное значение. Некоторая однобокость храма, благодаря пристройке с северной стороны придела, затушевывается открытой галереей идущей по западной и северной стороне вплоть до придела. Это собственно единственный из известных мне деревянных пятиглавых храмов, где пятиглавое покрытие разрешено так, что оно производит впечатление вполне уравновешенной конструкции»⁴⁰. К приходу Дмитриевской церкви села Дмитриевского также были приписаны «в двух приходских деревнях есть две деревянные часовни, издавна постр. прихожанами – жителями этих деревень (Мимошихи и Елдихи)»⁴¹. Сохранившаяся фотография, к сожалению, не позволяет произвести достоверную реконструкцию храма, имеющего редкое решение завершения. Крупный восьмерик, врезанный в клинчатую крышу четверика, близок по соотношению масс сохранившейся к настоящему моменту храму села Кужбал Нейского района⁴², однако пятиглавое венчание остается индивидуальной особенностью ветлужского памятника.

Несколько позже была построена деревянная церковь в селе Беберине, датированная 1742 годом⁴³, известная по фотографии, опубликованной в ИИАК. Храм также условно можно причислить к клетскому типу. Он представляет собой неболь-

шую одноярусную постройку без подклета. Двускатная крыша четверика увенчана главкой на шее и низком восьмигранном постаменте. К началу XX века храм был отремонтирован, получил металлическую кровлю и тесовую обшивку: «Стены снаружи обшиты тесом и выкрашены под кирпич. Карнизы сделаны из досок в виде поясков»⁴⁴. Описание храма, опубликованное в 1909 году, позволяет представить размеры этого сооружения: «Размеры храма: высота $3\frac{1}{2}$ саж., длина $4\frac{1}{2}$ саж. и ширина 4 саж. Своды в виде круговой дуги. Алтарь с одним полукружием, состоящим из трех граней; отделяется от храма деревянной стеною с тремя пролетами. Алтарь имеет в высоту $2\frac{1}{3}$ саж., в длину $3\frac{1}{3}$ саж., в ширину $1\frac{1}{3}$ саж., без разделений, с тремя окнами <...> притвор устроен в виде палаты; отделяется от храма деревянной стеною с пролетом. Паперть устроена с западной стороны; в нее вход с трех сторон»⁴⁵. Условное наименование «притвора», очевидно, имеет трапезная. Храм выделяется из построенных в этом периоде презентативных ярусных храмов. Это исключение из правила только подчеркивает распространение локальной архитектурной особенности. Храм, лишенный завершения, сохраняется и в настоящий момент.

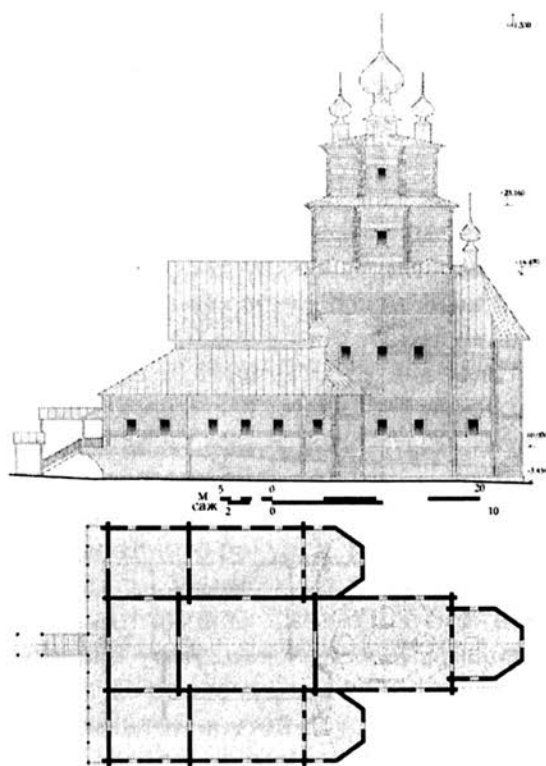
Памятники середины XVIII века представляют яркие примеры особенностей ветлужской храмостроительной школы. Село Бельшево известно как место расположения 3 храмов, двух деревянных и одного каменного. Храм «в честь свмч. Харлампия, постр. в 1751 г. князем Иваном Васильевичем Одоевским»⁴⁶ и храм «в честь свят. Николая чуд., постр. в 1752 г. тем же князем с прихожанами»⁴⁷ находились на единой территории. Датировка Харлампиевского и Николаевского храмов дана И. Беляевым иная – 1731 и 1732 год соответственно⁴⁸. Вопрос о датировке объектов к настоящему моменту однозначно еще не решен. Однако, учитывая развитую ярусную композицию зданий, было бы обоснованно предположить сооружение данных зданий в середине XVIII века, что делает более вероятной датировку, данную в ИИАК. Тем не менее, это предположение не решает данный вопрос окончательно.

Деревянные храмы села Бельшево представляли интересный ансамбль: «Церковь св. Харлампия деревянная, построена

в виде башни в три яруса; верхние два яруса восьмигранные, трапезная часть одноэтажная. Церковь сооружена на средства Ивана Васильевича Одоевского»⁴⁹. Известия Императорской Археологической Комиссии сообщают некоторые размеры летнего храма (очевидно, даны интерьерные габариты кафоликона – прим авт.): «Холодный храм вышиною 12¹/₂ саж., длиной 6 саж. и шириною 4 саж. Потолок устроен в виде шатра. Окна шириною 1¹/₄ арш., длиной 2 арш., расположены в четыре света; в храме 16 окон»⁵⁰. Размеры трапезной понятны по обмерам «теплой части» храма. Два придела размещены в трапезной, имевшей следующие размеры: «вышиною 3¹/₂ саж., длиной 6 саж. и шириною 10 саж.»⁵¹. Трапезная была увеличена в ширину относительно храмового столпа за счет приделов, пятигранные апсиды которых были выдвинуты на восток, закрывая часть четверика. Завершение храма главами на глухих постаментах, названных современником «фонарями», характерно для деревянных храмов эпохи барокко: «на храме пять фонарей, на каждом алтаре по одному, все глухие с предглавиями. На церкви восемь глав: одна из них на середине храма, четыре по сторонам его, три на алтарях»⁵². Колокольня, которая существовала при храме, в 1909 году указана, что «сломана по ветхости»⁵³. Храм не избежал поновления, сделанного, однако, с максимальной аккуратностью. Церковь «обшита тесом, кроме 6 нижних рядов, которые не закрыты тесом»⁵⁴. На храме появились металлические кровли, крест на центральной главе был заменен на металлический. Под храм был подведен каменный фундамент. С. В. Зетиллов, придерживаясь датировки храма по Беляеву, отмечает: «...во имя св. Харлампия в селе Бельшеве (в 15 верстах от р. Ветлуги по направлению к реке Унже) построен в 1731 году <...>... это трехярусный храм с двумя приделами. Покрытие его верхнего восьмерика пятью главами, как почти все подобные покрытия, производят впечатление известной искусственности, что происходит благодаря тому что каменное «освященное пятиглавие» передать в деревянных формах крайне трудно. Интересно отметить что шея центральной главы покрыта лемехом, что указывает повидимому на то что в древности покрытие храма имело иной вид»⁵⁵. Храм свмч.

Харлампия является одним из наиболее ярких памятников, иллюстрирующих особенности ярусного ветлужского храма. По плану церковь близка Тураньской, хотя есть и другие примеры на территории Костромской губернии. Деревянные церкви села Ширяево⁵⁶ (Островский район) и села Леонтьево⁵⁷ (Судиславский район) также имеют расширенные трапезные, в восточной части имеющие граненые объемы для размещения приделов. Подобная форма характерна для многих каменных храмов губернии. На основании представленных в ИИАК размеров и сохранившейся фотографии возможно сделать схематическую графическую реконструкцию объекта.

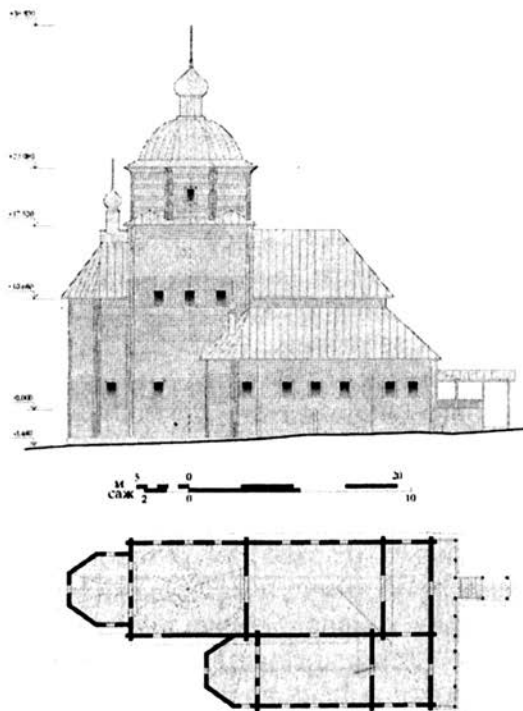
Церковь св. Харлампия с. Бельшево. Схематическая реконструкция плана и южного фасада.

По другому деревянному храму, стоявшему в селе, Николаевскому, информация гораздо скуднее. Кроме посвящения и единственной фотографии, выполненной с северной стороны, о храме практически ничего не известно. В целом он и в плане, и в объемно-пространственной композиции повторял упомянутый выше. «Никольский храм в соседнем селе Бельшеве (в 15 верстах от гор. Ветлуги, по направлению к реке Унже) построен в 1732 году, точно такого же типа, но только не с двумя приделами, а с одним. Как видите из снимка покрытие на

алтаре, он покрыт точно так же бочкой и точно также шея алтарной главы покрыта лемехом. Кстати на этом снимке, так как храм не обшит тесом, виден прием рубки; он у всех церквей Приветлужья один и тот же: главное помещение и трапеза рублены «в обло», алтарь «в лапу»⁵⁸. Отличиями Николаевского храма стали отсутствие верхнего восьмерика, одноглавое завершение храмового столпа, и редкое для Костромской губернии, но имеющее в Поветлужье несколько примеров, завершение крыши алтарной апсиды миниатюрной бочкой. Схожесть деревянных храмов села подчеркнута близкой композицией плана и пропорциональных соотношений ярусов храмового столпа (илл. 3). В целом храмы села Бельшево сохранили облик, характерный для местной архитектурной традиции столпообразных ярусных храмов.

Ярким примером локальной храмо-строительной традиции также является Предтеченский храм села Вознесенского 1759 года⁵⁹. Четверик этого крупного храма имел в завершении высокий восьмерик и выразительное купольное покрытие с однокупольным венчанием. Обширная трапезная храма была дополнена с юга приделом, а с запада – притворами и открытым гульбищем на консолях с крыльцом.

Николаевская церковь в с. Бельшево. Схематическая реконструкция плана и северного фасада.

Высокая пятигранная апсида, покрытая миниатюрной бочкой, дополняла башнеобразный объем храма: «К числу 2-х ярусных одноглавых церквей относятся также храм во имя св. Илии пророка в селе Вознесенском (в 15 верстах вниз по реке Ветлуге, от гор. Ветлуги). Построен в 1759 году. <...> Отдельные детали постройки показывают определенную древность типа; сюда относится покрытие алтаря бочкой и сохраняющийся на шее алтарной главки лемех. Как была покрыта церковь при ее постройке остается вопросом, был ли шатер уничтожен позднее или замещен подобным покрытием или не было ли ее покрытие «кубастым?»⁶⁰ Однако тезис о преимущественном распространении кубоватых храмов ранее развил и обосновал Бодэ⁶¹. Храм зафиксирован на нескольких фотографиях. Храм также имел «в прих. селениях 4 часовни»⁶², но о характере их архитектуры, в отличие от облика церкви, данных нет. В селе ИИАК также отмечено существование Вознесенской церкви 1768 года, к концу XIX в. уже не существующей. В 1893 году на месте этого храма уже была построена деревянная церковь на каменном фундаменте с деревянной колокольней⁶³. Восстановить облик этого храма возможно только при выявлении дополнительных архивных данных.

Также упоминание в тексте доклада С. В. Зетилова есть и о храме во имя Илии Пророка в селе Макарьевском 1767 года: «... вход в него с запада через нижнюю часть колокольни, верх которой разобран за ветхостью». В отличие от других храмов, исследователь видит здесь «... уже 4 яруса покрытых одной главой»⁶⁴. Фотография начала XX века представляет храм с юго-западного ракурса, со стороны нижнего четверика колокольни, срубленного из массивных брусьев⁶⁵. Макарьевская трехпрестольная церковь села Притыки 1767 г.⁶⁶ имела высокий четверик, увенчанный тремя уменьшающимися восьмериками несколько приземистых пропорций. В крупной трапезной храма, покрытой крутой двускатной крышей, были расположены два престола, размещенных в ее южной и северной частях.

Одним из наиболее известных культовых сооружений Поветлужья является Троицкая церковь села Турань 1766 г.⁶⁷. Во многом это связано с планами по переносу памятника в Ни-

жегородский музей деревянного зодчества. Стоявшая на реке Вол, церковь должна была стать композиционным центром северного сектора Музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья (ныне Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелковский хутор»). Однако проект Ю. Г. Самойлова 1969 г., предусматривавший создание многосекторного нижегородского музея деревянного зодчества, остался нереализованным⁶⁸. Храм обладал типичной композицией. К четверику, увенчанному восьмериковым завершением, с востока примыкает крупная пятигранная апсида. С запада объем храма дополняет широкая трапезная с выделенными апсидами южным и северным приделами. В западном направлении трапезная была дополнена равным с ней по ширине притвором и открытым гულიщем на консолях. Западные прирубы были покрыты сравнительно крутой трехскатной крышей. Троицкий храм в селе Турани 1766 года также упоминает С.В. Зетилев, не раскрывая, однако, особенностей архитектуры памятника⁶⁹. К настоящему времени храм сохраняется в руинированном виде.

Среди более поздних образцов культового зодчества региона выделяется Ильинская церковь села Ильинского на Чебоксарке 1775 г.⁷⁰. Датировка по ИИАК у храма иная – 1773 г.⁷¹. Храм, построенный в южной части уезда, имеет характерную башнеобразную композицию храмового столпа, ярусная композиция которого поддержана соразмерной ему колокольной, надстроенной над западным притвором. Нижний квадратный ярус, охваченный треугольными фронтонами и подчеркнутый западным четырехколонным портиком тосканского ордера, служит основанием для четырех также квадратных ярусов, средние из которых имеют арочные проемы, прорезанные в стенах по сторонам света. Увенчана колокольня невысоким пирамидальным шпилем с миниатюрной главкой и восьмиконечным крестом. Храм села Ильинского представляет собой интересный пример преломления местных архитектурных традиций, что и составляет индивидуальность памятника. Архитектура храма приближается к провинциальному классицизму, не теряя, однако, характерной барочной композиции. Особый интерес также представляет и то, что колокольня

храма, в отличие от четверика, сохраняется на историческом месте до сих пор, что для колоколен XVIII века в Центральной России представляется значительной редкостью.

В селе Карпово (Троицкое) отмечена Троицкая церковь 1762 года сооружения⁷². Троицкая церковь, «зданием деревянная, с такою же колокольнею, постр. в 1762 г., в 1890 г. перестроена и поставлена на каменный фундамент...»⁷³. В начале 1970-х годов храм был утрачен.

Одним из ярчайших памятников культового зодчества данного региона является Архангельская церковь села Архангельского на Волу 1775 г.⁷⁴. Издатели ИИАК дают храму датировку 1755 годом, что представляется более верным⁷⁵. «Несколько иного типа ярусный пятиглавый храм во имя Архангела Михаила, в селе Архангельском на Волу (в 20 верстах от гор. Ветлуги) построен в 1755 году (сн - 18). Он 4-ярусный, верхний ярус покрыт пятью главами на крещатой бочке. Его два придела срублены внутри трапезной». Также исследователь отмечает росписи на холсте в кафоликоне⁷⁶. М. В. Красовский определяет данный храм в отдельный тип, «у которых главная часть, имея четыре возвышающихся одна над другой массы, представляет собой башню, у низа которой лепятся трапезная и алтарь, сами по себе немалой высоты, но кажущиеся низкими по сравнению с главной массой»⁷⁷. Благодаря упоминанию исследователя, Архангельская церковь стала одним из наиболее ярких образцов культового памятника Поветлужья. Отмечает исследователь и эклектичные черты, которые декор храма приобрел в ходе одного из ремонтов: «...восьмерик верхнего яруса – глухой, имеет повал и увенчан пятиглавием на крещатой бочке, лбам которой придана неприятная форма ромбов»⁷⁸.

Примером вырождения местных храмостроительных традиций может служить Архангельская церковь села Георгиевского на Волу 1784 г.⁷⁹. В решении плана храм полностью следует сформировавшейся на протяжении XVIII века схеме с обширной трапезной, включающей в себя два придела. Однако в вертикальном направлении храм уже не имеет выраженного башнеобразного построения, его пропорции, скорее, можно назвать приземистыми. Отмечает данный упадок стиля и

С. В. Зетиллов: «...храм во имя Архангела Михаила в селе Георгиевском на реке Волу в 20 верстах вниз от города Ветлуги. (построен он в 1784 году и является только попыткой передать купольное покрытие каменного храма в деревянных формах»⁸⁰. В этом же селе в 1909 году отмечено существование деревянной Георгиевской церкви, построенной в 1775 году⁸¹. Церковь Георгия Победоносца с приделом в честь Димитрия Ростовского, очевидно, не была зафиксирована на фотографиях. Более поздняя эклектичная церковь, возведенная в 1904 году⁸², очевидно, построена на месте утраченного памятника XVIII века и, естественно, наследует ее посвящение.

Село Благовещенское отмечено в 1909 году как место существования Благовещенской церкви 1766 года постройки⁸³. Уже в 1870 году на месте этого храма была построена церковь с одноименным посвящением. Кроме данного храма, в селе находилась также деревянная церковь 1858 года сооружения, основательно перестроенная в 1898 году⁸⁴. Оба поздних сооружения во внешнем облике ориентируются на архитектуру эклектики. В селе Баки отмечена Николаевская церковь 1818 года сооружения⁸⁵. Данных об архитектуре этого несохранившегося памятника нет.

Архитектура культовых деревянных зданий второй половины XIX-начала XX веков развивается на основе типовых проектов. Также эклектичные черты в архитектуру более ранних храмов несли поздние ремонты, задачами которых часто было не только техническое и конструктивное, но и эстетическое обновление зданий.

Часовни-столбы

Однако церкви, часовни и редкие уже к началу XX века деревянные колокольни далеко не полностью исчерпывают перечень типов культовых сооружений. На территории Ветлужского и Варнавинского уездов еще в дореволюционных публикациях были отмечены часовни-столбы. Ведущие свое происхождение от языческих сооружений, образно близких священным деревьям, деревянные часовни-столбы к настоя-

щему моменту сохранились лишь в единичных экземплярах. К примеру, в Костромской области сейчас на исторических местах сохраняются лишь несколько кирпичных часовен-столбов⁸⁶. Тем более пристальное внимание необходимо уделить немногим опубликованным образцам, исполненным в дереве.

Подобное сооружение было отмечено вблизи деревни Одошнур в Тоншаевской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. Иллюстрирующее данное сооружение фотоизображение представляет небольшую часовню-столб с усложненным алтарем-навершием, представленным в виде «ящика». «Подобного типа старинная часовенка стоит на месте старого кереметища <Кереметище – место, где стоят идолы черемисов и чувашей, которым они приносят в жертву коров и лошадей – прим. М.В. Красовского> около деревни Одошнур. Размеры ее гораздо меньше, чем у предыдущей: это, в сущности, небольшой квадратный ящик, высотой около двух аршин, поставленный не на сруб, а просто на столб и покрытый четырехскатной крышкой с возвышающейся над ней луковичной главкой и крестом»⁸⁷. Необходимость подъема «ящика» на высоту исследователь объясняет тем, «чтобы уберечь от собак и кошек те приношения, которые черемисы по старой памяти продолжают в нее складывать»⁸⁸. В ИИАК отмечено также, что «на месте старого кереметища имеется старинная часовенка на столбе. В ней всегда имеются остатки приношений в виде каши и клочков шерсти»⁸⁹.

С. В. Зетилов также отмечает подобный памятник на территории Варнавинского уезда: «В качестве последнего снимка из «Деревянного Приветлужья» разрешите показать Вам интересный придорожный столбик находящийся около деревни Чашихи (в 2-х верстах от села «Красные Баки»). Как видите на обломке гранитной скалы, врытом в землю, охлупнем надета деревянная бабка с вырезом для иконы, которой уже нет. Несмотря на то, что бабка покрыта не корой или берестой, а листом железа, она все же производит впечатление глубокой древности»⁹⁰. Указанные сооружения принадлежат к архаичному типу культовых сооружений без внутреннего простран-

ства и к настоящему времени практически не встречаются на территории России.

Выводы

На основании сохранявшихся к началу XX века представленных в настоящем материале памятников и доступных материалов можно сделать следующие выводы:

1. Деревянное зодчество Поветлужья обладает чертами и особенностями, характерными как для зоны Русского Севера, так и Центральной России. Это объясняется пограничным положением региона относительно данных историко-культурных зон, наличием культурных связей и взаимных миграционных потоков. Взаимопроникновение архитектурных традиций и местных характерных особенностей создает неповторимые сооружения с обликом, свойственным русскому деревянному зодчеству в целом.

2. Деревянное зодчество Варнавинского уезда на протяжении значительного времени сохраняло редкие типы культовых сооружений, такие, как деревянные часовни-столпы. Аналогичные сооружения к настоящему времени на территории России уже не сохранились.

3. Обширное развитие деревянного и сравнительно позднее распространение каменного строительства создало условия для выделения местного типа храма, появившегося на основе ярусных деревянных церквей Центральной России, но в общих чертах, силуэте и пропорциях преследующего каменные образцы. К локальным особенностям деревянного храма, к середине XVIII века достигшего уровня и масштаба местной храмостроительной школы, относятся: башнеобразное ярусное построение храмового столпа, венчающего четверик церкви; стремление к ярусному построению завершений крыш алтарных апсид и приделов, выраженное в многочастном решении подкупольных постаментов.

4. Вместе с тем в Варнавинском уезде к середине XVIII века сформировалось характерное построение плана здания. Четверик храма с крупной выдвинутой на восток пятигранной

апсидой дополнен с запада обширной трапезной, обрамленной с севера и юга крупными приделами и самостоятельными пятигранными апсидами. Рубленый равноширокий объему церкви с приделами притвор продолжен открытым гульбищем на консолях, на которое с уровня земли ведет одномаршевое крыльцо, поставленное на продольной оси сооружения. Такая форма плана культового деревянного здания, в принципе, характерна и для других уездов Костромской губернии, но в пределах Варнавинского имеет свои особенности: крупное открытое гульбище и выраженная вытянутость апсид и четвериков по оси запад-восток.

Примечания

¹Бокарев А. В. Деревянное церковное строительство XVII-XVIII вв. северо-западных уездов Московской губернии// Деревянное зодчество. Вып. III. Новые материалы и открытия: [сборник научных статей]/ Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства). – М.;СПб.: Коло, 2013. – С. 179.

²Семенов В. П. (ред.). Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Том первый. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. –СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1899. – С. 190.

³Войтюк Т. В. (сост.) Пыщуганье. Историко-краеведческий сборник. «Ветлужская сторона» Выпуск III. –Кострома: Издательство «Диар», 1997-1998. – С. 12.

⁴Там же.- С. 11.

⁵Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера// Очерки по истории колонизации Севера. Выпуск первый. –СПб.: Государственное издательство, 1922. – С. 21.

⁶Семенов В. П. Указ. соч. – С. 10.

⁷Там же. – С. 193.

⁸Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 31 (Вопросы реставрации, вып. 8). –СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1909. – С. 67-296.

⁹Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. ч I. Деревянное зодчество. СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1916. – С. 306.

¹⁰Лукомский Г.К. Некоторые памятники церковной архитектуры Костромской губернии// Зодчий № 20-22. –СПб., 1916.

¹¹ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

¹²Л. 3. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

¹³Л. 2. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

¹⁴Л. 3. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

¹⁵Л. 3. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

¹⁶Там же. С. 77.

¹⁷Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Солигаличская и Унженская десятина жилых данных церквей. Вып. II. Кострома, 1900. - С. 116.

¹⁸Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. –Кострома: Губернская типография, 1911. -С. 379.

¹⁹Карпенко В. Ф. Святой Варнава Ветлужский. – Н. Новгород: БИКАР, 2009. - С. 30.

²⁰Пищулина В. В. О самобытности архитектуры деревянного храма донских казаков // Народное зодчество: Межвузовский сборник. –Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. - С. 173-188.

²¹Горностаев Ф. Ф. Очерк древнего зодчества Москвы. – Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом. Под ред. И. Машкова, 1913.

²²Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 3. История архитектуры. – М., 1912.

²³Бусева-Давыдова И. Л. Об истоках композиции типа «восьмерик на четверике» в русской архитектуре конца XIX века // Архитектурное наследство. Выпуск 33 – М., 1985.- С. 220-226.

²⁴Бодэ А. Б. К вопросу о формообразовании в деревянном культовом зодчестве. Следование образцам и творческая свобода// Архитектурно-градостроительный процесс: Регламентации и свобода/ Отв. ред. И. А. Бондаренко. –М.: ЛЕНАНД, 2013. - С. 215-226.

²⁵Л. 5. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

²⁶Москалёва Л. В. «... И совершиша церков ... велми чудну ...» // Материалы и исследования. Сборник статей. –Кострома: Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2010. - С. 25-27.

²⁷Каравашкин В.А., Шумилкин С.М. Указ. соч. - С. 22.

²⁸Карпенко В. Ф. Указ. соч. - С. 38.

²⁹ИИАК. Указ. соч. - С. 136.

³⁰Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Указ соч. - С. 116.

³¹Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. –Петрозаводск: 2004. - С. 145.

³²Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Указ. соч. - С. 116.

³³Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 379.

³⁴Орфинский В. П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера// Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. - С. 396.

³⁵Бодэ А. Б. Деревянные церкви в окрестностях Вельска// Деревянное зодчество. Вып. III. Новые материалы и открытия: [сборник научных статей]/

Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства). – М.;СПб.: Коло, 2013. - С. 239.

³⁶Пиляк С. А. Указ. соч.

³⁷Давыдов А. И. Некоторые заметки о деревянных храмах Борского района Нижегородской области// Деревянное зодчество. Вып. III. Новые материалы и открытия: [сборник научных статей]/ Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства). – М.;СПб.: Коло, 2013. С. 176-177.

³⁸ИИАК. Указ. соч.- С. 140.

³⁹Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 383.

⁴⁰Л. 7-8. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁴¹Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 383.

⁴²ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 983. Воскресенская церковь 1762 г. Село Кужбал. Нейский р-н.

⁴³Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 384.

⁴⁴ИИАК. Указ. соч. - С. 149.

⁴⁵Там же. - С. 149.

⁴⁶Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 387.

⁴⁷Там же. - С. 387.

⁴⁸Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. - СПб, 1863. - С. 350-351.

⁴⁹ИИАК. Указ. соч. - С. 141.

⁵⁰Там же. - С. 141.

⁵¹Там же. - С. 142.

⁵²Там же. - С. 143.

⁵³Там же. - С. 143.

⁵⁴Там же. - С. 143.

⁵⁵Л. 6-7. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁵⁶ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 1164. Ансамбль Никольских церквей. Село Ширяево. Островский район.

⁵⁷ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 1364. Ансамбль Троицких церквей. С. Леонтьево. Судиславский район.

⁵⁸Л. 6. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁵⁹Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 389.

⁶⁰Л. 5-6. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁶¹Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М.: КомКнига, 2010. - С. 192.

⁶²Краткие статистические сведения. Указ. соч. с. 390.

⁶³Там же. - С. 389.

⁶⁴Л. 6. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁶⁵ИИАК. Указ. соч. с. 138-140.

⁶⁶Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 386.

⁶⁷Там же. - С. 88.

⁶⁸Шумилкин С. М., Кагоров В. М. Памятники деревянного зодчества нижегородского края. Методические указания для выполнения курсовых

работ по дисциплине «Архитектурное проектирование» для студентов 1 курса направления «Архитектура» - Н. Новгород, ННГАСУ, 2003. - С. 48.

⁶⁹Л. 6. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁷⁰Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 380.

⁷¹ИИАК. Указ. соч. - С. 144.

⁷²Там же. - С. 150.

⁷³Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 395.

⁷⁴Там же. - С. 388.

⁷⁵ИИАК. Указ. соч. - С. 144.

⁷⁶Л. 7. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁷⁷Красовский М.В. Указ. соч. - С. 292.

⁷⁸Там же. - С. 294.

⁷⁹Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 390.

⁸⁰Л. 5. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

⁸¹ИИАК. Указ. соч. - С. 145.

⁸²Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 390.

⁸³ИИАК. Указ. соч. - С. 144.

⁸⁴Краткие статистические сведения. Указ. соч. - С. 385.

⁸⁵ИИАК. Указ. соч. - С. 149.

⁸⁶Кондратьева И. Ю., Щеболева Е. Г. (под ред.) Каталог памятников архитектуры Костромской области. Выпуск VIII. -Кострома: Департамент культурного наследия, культуры и туризма Костромской области. -Кострома: 2006 г. - С. 240, 244, 269.

⁸⁷Красовский М.В. Указ. соч. - С. 132.

⁸⁸Там же. - С. 132.

⁸⁹ИИАК. Указ. соч. - С. 150.

⁹⁰Л. 9. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 195.

ДЕРЕВЯННАЯ КУЛЬТОВАЯ СКУЛЬПТУРА в собрании фотоматериалов КГИАХМЗ

Народная деревянная скульптура Костромской области – одно из интереснейших собраний, к сожалению, значительная часть этого собрания утрачена, но сохранились фотографии. Существует мнение, что распространенность деревянной скульптуры в русских православных храмах в XVIII веке была вызвана влиянием Запада и шла от западных губерний к восточным¹. Начало этого мнения восходит еще к «разъяснениям» Синода в двух его указах 1722 года: «Обычай в России устроить резные неумеренные иконы вышел от иноверных, а наипаче от римлян и от последующих им порубежных нам поляков». В западноевропейских храмах скульптура достигала расцвета еще во время готического стиля и дала нам некоторые иконографические типы (например, сидящего Спасителя). Но это был внешний фактор, существуют и отличительные моменты: в скульптуре в западных храмах воплощено много святых и сюжетных композиций, в русских – лишь избранные, наиболее почитаемые в народе; в русской скульптуре прослеживается влияние иконографических типов, принятых древнерусской традиционной иконографией. Вопрос о влиянии требует исследования в каждом конкретном случае. Для широкого же распространения церковной скульптуры с начала XVIII века были свои внутренние причины, к которым относится деятельность Петра, его реформы, приведшие к ослаблению позиции официальной церкви и усилению светского начала в искусстве. Возрождается языческая трехмерность дерева. У финно-угров были повсеместно распространены большие столбы, завершающиеся головой. Форма и верования, с ними связанные, глубоко традиционны. В древности они использовались в религиозном культе: как объекты поклонения божественным предкам, в погребальной обрядности и как оберег, обладаю-

щий магической силой. В качестве примера можно привести фотографии из коллекции музея-заповедника с изображением подобных столбов-часовен – например, часовня-столб при деревне Одошнур Ветлужского уезда.

По мере христианизации Руси идола с языческих святылиц постепенно вытеснялись. Этот процесс растянулся до конца XVII века. Идолы трансформируются в надгробные столбики-часовни: столбы, завершенные двускатной кровлей. Достаточно вспомнить повсеместное уничтожение языческих деревянных идолов христианами миссионерами в XIV- XVII веках. И только общая атмосфера боязни, опасения отождествления деревянных резных изображений христианских святых с языческими объясняет – почему тогда не могла привиться в сущности языческая идолообразная форма круглых скульптур отдельно стоящих святых, как это было на Западе. В XVIII веке эта боязнь исчезает, наблюдается распространение деревянной скульптуры в церквях, что послужило причиной для выхода в свет ряда синодальных указов 1722, 1767, 1830, 1832 гг., запрещающих ее установление в церквях². Государство же, начиная с Петра, перестает вести борьбу с остатками язычества: это дело предоставляется исключительно духовному ведомству³. В провинции местным духовенством проводилась более гибкая политика в отношении деревянной скульптуры, где еще продолжалась христианизация инородческого населения, учитывая, что переход в новую веру инородцам легче было осуществить, отождествляя православных святых со своими языческими богами. Также следует различать функцию скульптуры и отсюда оценивать синодальные указы и их направленность. Речь велась в синодальном указе 1722 года о том, что скульптура не должна являться равнозначной иконам в их функции намоленного образа. Декоративная же роль скульптуры в интерьере храма никем не исключалась.

Формирование музейного фонда в Костроме положено членами губернской ученой архивной комиссии (ГУАК) и научного общества по изучению местного края (КНО), которые обратили особое внимание на резные изображения святых и особенно Спасителя. Фотофиксация памятников проводилась в период

подготовки к IV историко-археологическому областному съезду, который состоялся в Костроме в 1909 году в рамках подготовки к 300-летию юбилею царствования Дома Романовых.

Церкви Костромской губернии имели большое количество обширных резных комплексов, куда включалась скульптура. В основном она была сосредоточена на иконостасе, перед алтарем. Об этом говорят фотографии с изображением иконостасов костромских церквей, включающих скульптуру⁴. Кроме иконостасов, в XVIII в. скульптура была и в других частях храма – у стен в киотах и отдельно стоящая. Как доказывает Н.Н. Серебренников, объемно обработанные «Спасы Скорбящие» первоначально стояли в центре церквей. Лишь позднее их стали помещать в «темницу» и убирать к стене⁵. Но пока имеется мало данных для целостной реконструкции расположения резных композиций отдельных святых в храмах XVII-XIX вв. Большим делом было бы опубликовать дневники и записи Н.Н. Померанцева, П.Д. Барановского и других собирателей 1920-1950-х гг., в которых точно фиксировалось первоначальное местонахождение скульптуры в храме. В коллекции фотографий музея-заповедника можно выделить серию фотоснимков, выполненных Василием Николаевичем Кларком (1859-1921), инспектором народных училищ, фотографический талант которого раскрылся в годы работы в ГУАК, а позднее в Костромском научном обществе по изучению местного края. Ряд работ по искусству деревянной церковной скульптуры был опубликован сотрудниками, и фотографии вошли в качестве иллюстраций в издания Б.И. Дунаева и труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества. Особый интерес представляют альбомы с фотографиями памятников деревянной церковной старины Варнавинского, Галичского и Солигаличского уездов Костромской губернии, выполненные В.Н. Кларком в 1908 году, куда вошли, кроме фотографий деревянных культовых памятников архитектуры, и изображения скульптур Христа и святых, а также рельефные изображения главы Иоанна Крестителя, которые бытовали в этих храмах. Даже при вынужденном несовершенстве такого описания – на фотографиях мы видим

скульптуры лишь в одном ракурсе – это в какой-то мере помогает восстановить картину бытования в большинстве случаев уже утраченного памятника.

Фотографии имеют точную атрибуцию, сведения о происхождении и бытовании, что поднимает их научную ценность. Достоинством фотографического изображения деревянных скульптур, несомненно, является то, что они сфотографированы В.Н. Кларком в ряде случаев в убранстве церквей. Это, во-первых, позволяет вести речь об их размещении в храме – понять, являлись ли они частью церковного

Глава И. Крестителя из храма, что на Котеле. Галичский уезд. КМЗ КОК - 9264.

иконостаса или включались в декор храма, и, во-вторых, дает представление о сложности композиции памятника. Мы видим, что многие церкви XVIII-XIX вв. в иконостасах украшались резными царскими дверями с горельефными изображениями евангелистов, благовещения, тайной-вечери, которые создают самые разнообразные решения. В картушах и на карнизах иконостасной рамы укреплялись скульптурные изображения ангелов, херувимов, апостолов. При этом резным декором украшалась преимущественно центральная часть иконостаса. Выделение центральной части иконостаса подчеркивалось установлением монументальной скульптурной композиции «Распятие с предстоящими». Эта система была закреплена Постановлением собора патриархов 1667 года⁶. Изучение символики, иконографии, бытования различных их типов достойно специального исследования.

Обратим внимание на фотографию с изображением скульптуры «Христос в темнице» (первая пол. XVIII в.) из Ильинской церкви села Верхний Березовец Солигаличского уезда, которая была перевезена в 1970 году в Костромской музей народной архитектуры и быта.

Семантика изображений «Сидящего Спасителя» при кажущейся простоте иконографического типа остается нераскрытой. Н.Н. Серебренников отмечал, что само изображение сидящего Спасителя в темнице не соответствует тексту Евангелия. Вероятно, появлением этого сюжета русское деревянное зодчество обязано Западной

*Спас в темнице. Ильинская церковь.
С. Верхний Березовец.
Солигаличский уезд. КМЗ КОК - 915.*

Европе. Другая версия высказана И.Н. Ухановой, по мнению которой, иконографическим оригиналом для скульптурных изображений «Христа в темнице» послужила гравюра Дюрера, значительно переработанная русскими художниками-иллюстраторами книг⁷. Именно этот иконографический тип быстро привился и пользовался в XVIII-XIX вв. огромной популярностью, так как отражал старые языческие представления, связанные с погребальными и поминальными обычаями культа предков (достаточно вспомнить о захоронениях в сидячем положении со сложенными на груди руками лицом на восток в древнерусских могильниках). В языческом ритуале отправления на тот свет у славян ожидание смерти и принятие ее в большинстве случаев осуществлялось в сидячем положении⁸. Христианский сюжет сидящего Спасителя оказался созвучен этим верованиям не только позой, но и содержанием – сын

человеческий здесь перед казнью. Фигура Христа из Ильинского храма села Верхний Березовец находится в особом киоте – «темнице» в виде шестигранника с дверкой и окном. Этот особый киот украшает резное навершие и головка ангела. Изображение Христа оживлено раскраской, сверху покрыто соответствующими облачениями, а глава – особыми венцами. На голове Христа крепится крестчатый нимб с исходящими от него лучами. Терновый венец вокруг головы трактован здесь без шипов, как венок, образуемый наложением двух волнообразных восьмерок в виде прутьев. Характерен сам факт превращения тернового венца в венок, часто используемый в народной календарной обрядности и имеющий там свою семантику⁹. Он говорит об осмыслении народом образа Христа через призму своих традиционных языческих верований и обрядов (венки – знак обреченности к отправлению на «тот свет»)¹⁰. Кроме того, мы видим перед собой пример тенденции к портретности, которая наметилась во второй половине XVIII века в русской скульптуре из дерева. Образ Спаса перекликается с настенной живописью церкви Ильи Пророка, где и бытовала скульптура, что было отмечено Е.В. Кудряшовым. Поза Спаса весьма традиционна для костромских мастеров. Сидящая фигура изображена со слегка наклоненной головой, при этом левая рука согнута в локте и ладонью подпирает щеку, другая рука покоится на животе. Живописно намечены линии ребер. Особенно реально изображены запекшиеся капельки крови, падающие из-под тернового венца на главу Спасителя. Фигура Христа в позе кроткого страдания, о чем говорит возложенный на главу Спасителя терновый венец.

К другим наиболее распространенным изображениям Спасителя относятся «Распятия», которые находятся обыкновенно над иконостасом или помещаются в самом храме и могут стоять в разных его местах, это «Распятие в Рождественском храме, что на Котеле» Галичского уезда.

Фигура распятого Христа в рост, голова слегка склонена к правому плечу, с ярко выраженными монголоидными чертами, с широкими скулами. Тело: анатомически правильных пропорций удлинённый торс с живописно намеченными линиями

Распятие в Богородицерождественской церкви села Котела. Галичский уезд. КМЗ - КОК- 9260.

ребер и живота. Ноги слегка согнуты в коленях. Согнутые пальцы рук и пальцы ног тщательно проработаны. Терновый венец состоит из повторяющегося мотива восьмерки по двум продольным осям прямой линией. А набедренная повязка с глубоко прорезанными складками с ниспадающими концами напоминает края полотенца. Семантика полотенца, использовавшегося в обрядах и культовой практике и язычества, и христианства, не однозначна. Но с древних времен оно связывалось со светом,

божеством солнца. Язычники обвешивали деревья белыми полотенцами не только в знак почитания их. Длинное полотенце символизировало дорогу для скольжения – вниз к земле¹¹. Световое понимание полотенца объясняет употребление его в связанных с представлениями погребальных и поминальных обрядах, как дороги для душ умерших¹², а также применение его для украшения икон Христа, Богородицы, святых, но особенно Христа, воспринявшего черты солярного бога.

Особый интерес представляет плащаница церкви села Бельшева Варнавинского уезда, которая состоит из гроба на резных ножках с росписью досок и фигуры Христа, лежащей в гробе со сложенными на груди руками. Плащаница находилась в деревянном храме, освященном в честь священномученика Харлампия села Бельшева, построенном в 1751 году князем

Иваном Васильевичем Одоевским.

Художественными достоинствами обладает и ряд барельефов глав Иоанна Крестителя, которые распадаются на две группы по форме блюда, на котором покоится глава: оно делается либо круглое,

Резная плащаница церкви села Бельшева. Варнавинский уезд. КМЗ- КОК 8032.

либо многоугольное (например, глава Иоанна Крестителя из храма Архидиакона Стефана Галичского уезда и из храма Георгия Победоносца, что на Старом Солигаличском уезда). Мы видим, что определенная роль в скульптуре отводилась раскраске, которая оказывала более глубокое художественное воздействие, увеличивая выразительность скульптуры. Как правило, раскрашивали в темные цвета волосы, брови. Одежды покрывали синей и зеленой краской разных оттенков. С XVIII века становится обычным резное изображение отсеченной главы Иоанна Крестителя на блюде, в XIX столетии их более не производили.

Из отдельных изваяний статуарного типа надо отметить фигуры святой Параскевы или святой Пятницы, как ее обычно называют в народе. И самым интересным памятником среди статуй святых является изображение святой Параскевы Пятницы (Пятницкий храм в Рыбной слободе г. Галича не сохранился). По преданию, еще князь Дмитрий Шемяка в начале XV века пожаловал храму резное изображение св. Параскевы. Образ святой, считавшейся покровительницей всех находившихся вдали от родного крова, создан самыми скупыми и выразительными средствами. Фронтально стоящая стройная фигура приковывает внимание выражением лица: со страданием и

скорбью в запавших глазах и сжатых тонких губах. В настоящее время памятник хранится в коллекции ГИМа, изучен и опубликован Н.Н. Померанцевым¹³. Объяснение многочисленности статуй этой святой можно найти в том, что под покровительство святой Пятницы с давних пор отдавались родники и целебные ключи, и поэтому чаще всего Пятницкие церкви почти всегда находятся у воды. Итак, особенности костромской деревянной скульптуры состоят в следующем.

1) В углубленности раскрытия внутренней динамики скульптурных образцов, в стремлении раскрыть особенность человеческой личности. Костромские мастера, резавшие скульптуры, не были связаны иконографическим каноном. Крестьянский скульптор был свободен в выборе типажа и в выборе средств выразительности. Церковная деревянная скульптура обладала чертами, идущими от народных верований, что выражалось, в частности, скрытым языком разделки одежд (набедренная повязка – полотенце, терновый венец – венок). Явно просматривается портретность, которая выражает вполне определенный этнический тип и определенное жизненно конкретное выражение на лице.

2) Деревянная скульптура костромских мастеров решается в пространстве, не тяготеет к плоскости стены и тем самым приобретает черты станковой скульптуры. Скульптура XVII-XVIII веков более интересна. Даже запрет Синода 1722 года на размещение в церквях скульптуры в Костромской губернии

*Часовня-столб при деревне Одошнур.
Ветлужский уезд. КМЗ-КОК-8964.*

не возымел действия. Запрет на скульптуру вообще способствовал отходу резчиков от строгих канонов, таким образом, она восходит своими корнями в дохристианство.

Фотографии с изображением деревянной скульптуры Костромской губернии начала XX века интересны и с точки зрения возможности обнаружения аналогов ряда памятников в собраниях деревянной скульптуры городов Поволжья, с одной стороны, и установления самобытных черт по деревянной скульптуре Костромской губернии, которая ранее никем не исследовалась. Каталога на сегодняшний день по деревянной церковной скульптуре нет. Кроме коллекции КГИАХМЗ, часть скульптур хранится в сохранившихся и действующих церквях Костромского, Макарьевского, Чухломского и др. районов, она ждет своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. - М. 1934. - С.387.

²Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т.II. СПб. 1872, - С.293-294.

³Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т.I. - Харьков. 1916. - С.121.

⁴В сельских деревянных храмах Костромской губернии распятия с предстоящими иногда венчали иконостас, а в более позднее время располагались прямо перед ним.

⁵Серебренников Н.Н. Пермская деревянная скульптура. Материалы предварительного изучения и опись. - Пермь. 1928. - С.49.

⁶Деяния московских соборов в 1666-1667 годах.-М., 1893. - С.21,22.

⁷Уханова И.Н. О некоторых связях северного русского ремесла в 17-19 вв. Доклад, прочитанный в Государственном Эрмитаже в 1969 г. На конференции «Из истории культурных связей России и Западной Европы».

⁸Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М. 1978. - С. 51.

⁹Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX-начала XX вв.- М.1979. - С.192, 245.

¹⁰Языческая символика славянских архаических ритуалов. М. 1978. - С.88.

¹¹Срезневский И. Исследование о языческом богослужении древних славян.- СПб. 1848. - С.30.

¹²Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов 19-нач.20 в. - М. 1979. - С.121.

¹³Померанцев Н.Н. Русская деревянная скульптура. - М., 1967.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

М.С.ЧЕРКАСОВА,

*доктор исторических наук,
профессор Вологодского государственного
педагогического университета*

БРАК И СЕМЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: народный обычай и церковное регулирование

История семьи, частной жизни, повседневности, микро- и гендерная история ныне все более привлекает интерес учёных разных специальностей, становится предметом междисциплинарных исследований историков, демографов, культурологов, психологов, социологов, этнографов¹. Источниками для такого исследования являются опубликованные правовые и литературные памятники, акты и делопроизводственные материалы. Особое значение имеет комплекс «актов служилых землевладельцев», внушительная часть которого за последние десятилетия была введена в научный оборот². Их комплексное использование позволяет выделить различные аспекты проблемы семьи и брака – имущественно-правовые, социокультурные, демографические, раскрывает данные институты через призму канонического, церковного и гражданского права, сочетание народного обычая и церковного регулирования.

Одним из центральных в русском средневековом сознании являлся образ Богоматери. Чистота и высота её образа, заступничество перед Всевышним за людей, за их семьи и страну, торжество Богородичных культов (Владимирского, Смоленского, Казанского) – всё это было перенесено и на понятие Родины-матери как воплощения Русской земли вообще³. Богородичными являются и древнейшие иконы северного края – Богоматерь Белозерская, Богоматерь Подкубенская, Устюжское Благовещение. Тесно связанная с Костромой Феодоровская икона Божией Матери считается покровительницей православной семьи, невест, деторождения, семейного благополучия. В уважении к материнству, как пишет Н. Л. Пушкарёва, совпадала светская и церковная, народная и аристократическая традиция⁴.

Нравственное осмысление таких жизненно необходимых институтов, как семья и брак, содержится во многих произведениях древнерусской письменности. В переводном апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» отчётливо выражено отрицательное отношение: 1) к бракам и их нарушению в близких степенях родства и свойства; 2) к сводничеству (ведущему к распаду семейных уз); 3) к блуду среди монашества, повторным бракам вдовой попадьи, и 4) подчеркивается действенная сила родительского проклятия⁵.

В «Слове» Даниила Заточника, наряду с выпадами против злых жён, отражены образы девичества и материнства: «Птица бо радуется весне, младенец – матери». Девушка же губит свою красу развратом⁶. Даниил неодобрительно отзывается о браках по расчёту («...взял некрасивую, злообразную жену тества ради богатого»), призывает жён послушать слова апостола Павла: «Крест есть глава церкви, а муж жене своей. Жены же у церкви стоите молящееся Богу и святей Богородицы; а чему вы хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены»⁷.

В XVI в. был создан «Чин свадебный», близкий по содержанию к знаменитому «Домострою». В нём указаны христианские покровители новобрачных – ветхозаветные Авраам и Сарра

(символ долголетнего и счастливого супружества), Иоаким и Анна (родители Богородицы), римский император Константин Великий и мать его Елена. В «Чине» подробно описана процедура *сговора* (народное название брачного договора) – на нём присутствует священник и составляются сговорные и рядные грамоты, которые после молитвы «О тебе радуется» разбираются «по противням». Приглашаемых на свадьбу гостей расписывали по спискам и было две свахи: невестина и женихова. На краю свадебного стола («за мисками») предусматривалось место для попа⁸. На следующий день после свадьбы отец жениха давал ему и своей невестке благословение и подарки: образа, кресты, панагии и села вотчинные⁹.

Любопытным памятником русской смеховой культуры является «Роспись о приданом», пародирующая форму рядных-сговорных записей, различных вотчинных, описных и переписных книг XVII в.: «... Да с тех же дворов / Сходится на всякий год всякого запасу/ По 40 шестов собачьих хвостов. / Восемь дворов крестьянских / Да восемь дворов бобыльских./ А в них полтора человека с четвертью. / Три человека деловых людей. / Четыре человека в бегах. / Да два в бедах: один в тюрьме, другой в воде.» / ... / Шуба соболя, другая сомовья»¹⁰.

Нормативными актами, регулирующими институт семьи и брака в средневековой Руси, являлись Кормчая книга, церковные княжеские уставы XI-XIV вв., Митрополичье правосудие XIV в., Белозерская уставная грамота 1488 г., послания церковных иерархов, Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г., Соборное Уложение 1649 г.¹¹ В уставе вел. кн. Владимира сфера семейно-брачных отношений была отнесена к ведению церкви. В уставе вел. кн. Ярослава были подробно разработаны наказания за все разновидности блуда, условия развода, шкала штрафов за «бесчестье» женщины. За оскорбление жены «великих бояр» устанавливался штраф митрополиту в 5 золотых гривен и столько же ей самой – «за сором». Значительно меньше получали жёны меньших бояр, городских и сельских людей¹².

В торговых договорах Смоленска и Новгорода с немцами XII - XIII вв. «вольные жёны» (свободных мужей, в отличие от рабов) получали за «бесчестье» вдвое большее возмещение,

чем мужчины¹³. Двойные штрафы за бесчестье женщин в последующих правовых памятниках (прежде всего в ст. 26-й Царского Судебника и в Соборном уложении) объясняются тем, что на женщину установился взгляд как на собственность мужа, поэтому оскорбление падало не на неё как таковую, а на её супруга, при этом удваиваясь¹⁴. Вместе с тем убийство женщины в древней Руси каралось вирой, вдвое меньшей, чем мужчины, – не 40, а 20-ю гривнами (ст.88 Пространной Правды). Наряду с каноническим и государственным правом в развитии институтов брака и семьи регулирующую роль играли также и нормы обычного права – крестьянского и вотчинного. Они отразились в уставных монастырских грамотах и наказных памятях приказчикам.

В духовных грамотах XIII в. видна забота о семье и близких, способы материального обеспечения вдов. Новгородец Климент завещал своей жене городской двор, дав который вкладом в монастырь, она смогла бы постричься, получая затем от игумена «четверть, отъ не будет голодна» (ок. 1270 г.)¹⁵. В «рукописании» владимиро-волынского кн. Владимира Васильковича (ок. 1287 г.) жена получала город Кобрын с людьми и данью, село Городел с мытом и людьми и монастырь св. Апостолов. Своим распоряжениям относительно возможного пострига жены князь придал некоторый оттенок сомнения и даже безразличия: «А княгини моа по моем животе оже восхощет в черниче поити, поидеть; аже не восхоцеть ити, а како ей любо, мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моем животе»¹⁶.

В ранних актах находим сведения не только о родных, но и приёмных семьях, опекунстве над малолетними сиротами. В одной грамоте митрополита Киприана, со слов вдовы Федосьи Филипповой, говорилось, что в продолжение 13 лет у них с мужем не было детей и они взяли «приимчка Тимошку за дитяти место, чтобы поминок был мужа моего и меня». В 1404 г. митрополит на основе Номоканона подтвердил право приемного сына на наследство, вдова Федосья могла «волно в земле и в людех и во всем стяжании мужа своего седеть в

своем доме, а поминати душу мужа своего и управлять и дитя свое приемное кормить»¹⁷.

В более поздней вологодской записи (1671 г.) речь шла о воспитании тёткой, помещицей Меланьей Бердяевой, племянницы-сироты Авдотьи Перфульевой. В архиерейском судном приказе Меланье предписывалось «девку Овдотью учить страху Божию и заповедем Его и всякому добру и соблюдать и во всем надзирать, а живота её и людей и вотчинных крестьян и бобылей хранить и от сторон во всем оберегать и самой живота её не перевести, и вотчин не разорить, и людей и крестьян и бобылей не разогнать». По достижении Авдотьей 13 лет тетка должна была «по мере прибрать жениха и замуж выдать, не задержав животы и её вотчины»¹⁸.

Немало повседневных, нередко драматических, интонаций отражено в новгородских берестяных грамотах XIV-XV вв. Например, «Поклон от Февронии к Феликсу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал со двора. Вели мне ехать в город или сам приезжай сюда. Избита я»¹⁹. Поскольку Феликс – это двинской посадник, их внутрисемейная разборка могла стать предметом публичной огласки. Простыми человеческими чувствами окрашены и послания великих княгинь. Например, Софья Палеолог, узнав в октябре 1497 г., что выданная замуж за литовского вел. кн. Александра Казимировича дочь её Елена ждёт ребёнка, просила написать, «беременна ли еси и как свое время чаешь, о которых днеш?»²⁰

В посланиях митрополита Фотия новгородцам и псковичам 1410 г. третий брак допускался при отсутствии детей в первых двух, но человек в течение 5 лет не должен был входить в церковь, принимать причастие, св. дары и хлеб Богородицы²¹. Четвероженцы лишались всякого причащения и освящения. Митрополит рекомендовал выдавать девочек замуж не ранее 12 лет, венчания совершать «по обедне», а при крещении быть только одному куму. Фотий предостерегает жителей Новгорода и Пскова от сквернословия, чтобы те «престали лаять отцевым и матерным именем, занеже того в крестиянех нигде нет»²².

Народное одобрение института брака отразилось в свадебном величании жениха и невесты как князя и княгини

(статусно значимыми определениями из высших слоёв общества). Данная свадебная пара приведена в уставной грамоте Соловецкого монастыря 1548 г.²³ Ещё одно народное слово встречается в терминологии некоторых жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря (по Волоцкому и Рузскому уездам²⁴) – розвинское, происходящее от глагола «розвивать» – расплестать косу невесты перед введением её в церковь. Няня Татьяны Лариной вспоминала, как в 13 лет ей «косу с плачем расплели / и с пеньем в церковь повели».

О размерах венечных пошлин для первого и второго брака в Великом Новгороде начала XVI в. имеются ретроспективные свидетельства в позднейшей указной царской грамоте 1641 г. В ней пересказывается великокняжеская грамота 7012 г. (1503/04), согласно которой при венчании с отрока бралось 1,5 деньги новгородские, с девицы тож; с вдовца 3 ден., со вдовы тож; и к этим суммам добавлялось ещё столько же «от печати», в результате получается, что первый брак оплачивался пошлиной в 1 алт., а второй – в 2 алт.²⁵ Эти нормативы, подтверждённые Иваном IV, были включены в Стоглав при митрополите Макарии, добавившем 4 алт. за третий брак²⁶. На практике в разных епархиях и вотчинных комплексах они могли варьировать, особенно в XVII в. Сам же принцип законности только трех браков из канонического и церковного права перешел и в государственное законодательство (Соборное Уложение - гл. XVII, ст.5)²⁷.

В Заволоцкой десятине Ростовской архиепископии в 1551 г. (район Лежского Волока в Вологодском уезде) известны пошлины, совпадающие с показаниями Стоглава²⁸. О выполнении их свидетельствует и жалованная грамота ростовского архиепископа Ионы на новые села Кирилло-Белозерского монастыря 1576 г. – с отрока и вдовца по 3 деньги «по старине»²⁹, аналогично – в грамоте новгородского архиепископа Александра сёлам Троице-Сергиева монастыря в Бежецком Верхе 1577 г. В зависимости от очередности брака в этом акте мужчины назывались «холостец, вдовец, троеженец»³⁰.

Наиболее ранние документальные свидетельства о семейно-брачных делах по Костромскому краю относятся, если не

ошибаемся, к первой четверти XVI в. В жалованной грамоте вел. кн. Василия III Г.Д. Кобыкову на кормление в костромской волости Соль Малая 1528 г. были определены взимаемые им свадебные пошлыны с местного населения – за *выводную куницу* гривна (10 коп.), а *новоженого* – алтын (3 коп.)³¹. По сравнению с Белозерской уставной грамотой 1488 г. (ст.17-я) это более высокие показатели: там выводная куница в пределах Белозерской земли составляла 3 коп., а за рубеж (в Московскую, Новгородскую или Тверскую земли) 6 коп. Был указан также размер венечной пошлыны владычному десятильнику на Белоозере – 1,5 коп. (Белозерье в церковном отношении входило в состав Ростовской епархии)³². В кормленной грамоте на Малую Соль этих сведений нет, но наверняка и здесь взимались венечные пошлыны в казну московского митрополита (по принадлежности края к Костромской десятинае Московской митрополии).

В актах служилых людей можно найти информацию о составе их семей, повторных браках, институте приданого, имущественно-правовом положении вдов и детей, о родительских наставлениях вдовам, взрослым и несовершеннолетним детям, функционировании норм поместно-вотчинного права. В определённой степени к этим документам приложимы наблюдения, сделанные П.Ю. Уваровым по нотариальным актам Франции XVI в. – материалу не просто массовому, но и сугубо конкретному, индивидуальному, лично-окрашенному. Изучение его методами исторической антропологии и микроистории (как отдельные «казусы» – случаи человеческой жизни) расширяет горизонты социальной истории, возвращает в неё ЧЕЛОВЕКА, субъекта исторического действия, обладающего своими побудительными мотивами поведения и системой ценностей, полнее восстанавливает субъективную сторону исторического процесса³³.

К 1510-1520-м годам относится духовная грамота костромского землевладельца Семёна Захарьина с. Арыпова-Матафтина. В ней упомянуты его жена Овдотья, два сына – Иван (Иванец) и Степан, дочь Настасья и брат Олексей. Основное наследство – сц. Михайловское и дер. Мясниково – пере-

давалось жене и старшему сыну Ивану. Одновременно оговаривалось право жены на второй брак и сохранение за ней приданого: «А пойдет жена моя замуж, а с чем пришла, с тем и поди прочь». Младший сын Степан, вероятно, был больным, о чём свидетельствует ремарка о том, что вдруг его не станет «невзрощи», т.е. в несовершеннолетнем возрасте³⁴.

Продолжение истории этой семьи можно наблюдать по духовной грамоте Ивана Степанова с. Арыпова-Матафтина 1534 г. К этому времени уже не было в живых ни брата Степана, ни сестры Настасьи. В духовной выражена забота Ивана о судьбе оставшейся после смерти сестры племянницы Анны. Мать Овдотья должна была дать ей (как своей внучке) сц. Михайловское, «вскормити и замуж выдати и наделити»³⁵. К 1562/63 г. из молодого поколения оставалась, вероятно, только Анна (в замужестве Полева), а из старшего – мать Овдотья, постригшаяся к тому времени в Настасьине монастыре под именем Елены. По приказу своего сына Ивана она дала половину купленного сц. Давыдовского и дер. Мясникову в костромской Богоявленский монастырь с одновременным оставлением этой половины у себя в пожизненном держании («до живота»). Допускался выкуп данной вотчины (половины сельца – за 25 руб., а деревни – за 20 руб.) для внука (не названного по имени) «и ближнего роду»³⁶. В 1570 г. внучка Анна (жена Иосифа Полева?) выкупила дер. Мясникову как раз за 20 руб.³⁷

В некоторых духовных завещаниях служилых людей сведения об их первой и второй жене дополнены данными о приданом. Например, С.И. Бутримов в 1605/06 г. отмечал, что второй своей жене Макриде (прозвище Азея) он оставляет «платье моего данья и что первой моей жены» (имя её при этом не указано). Завещатель также подчеркивает, что дети его – два сына и дочь – второй жене приходится пасынками и падчерицей, значит детей во втором браке у него не оставалось. Помнил он и о том, что вторую свою жену он брал замуж вообще без всякого приданого «и рядные записи у нас с отцом её Ондреем в приданом не было»³⁸. Распоряжение мужем приданым умершей первой жены фиксируется и другими актами. В духовной Г.Н. Шафрова 1568/69 г. упомянуты обе его жены:

входящие в состав приданого украшения первой (Офросиницы) он отдавал своим детям (ожерелье, монисто, серьги «достоканы виницейские»), а каптур (вид верхней одежды) – второй жене Дарье. Завещатель наставлял детей, чтобы они «жили на вотчине с матерью да мать бы свою берегли, равно как и младших братьев и сестер»³⁹.

Что касается «земельного составляющего» приданого, то иногда оформлялись специальные грамоты – данные – на его передачу отцом невесты жениху. Подобные грамоты можно считать разновидностью поземельных актов. В 1599-1600 гг. костромитин Богдан Иванов с. Девочкин составил данную запись своему зятю Л.Н. Глебову и его жене Онтониде (дочери Девочкина) на несколько «приданных» деревень и пустошей в Чижове стане Костромского уезда. Даритель отметил, что это не купленная и не закладная, а его старинная вотчинная земля. В данной специально оговаривалось, что двум другим дочерям Б.И. Девочкина – Матрене и Василисе – до той вотчины дела нет⁴⁰. Письменное оформление получала и передача в составе приданого холопов. В 1611/12 г. вдова Евфимия Иванчина дала запись своему зятю М.Г. Языкову на отданных в приданое за дочерью Марией 9 старинных крепостных людей⁴¹. Подобные документы известны и в более раннее время⁴².

Две записи были составлены С.Я. Мотовиловым родственникам своей жены Марии Лошаковой в 1594/95 г.: 1) первая – на получение за ней в приданое сц. Нового в Угличском у., разной одежды, украшений и трех холопов; 2) вторая – на 10 руб.⁴³ Весьма интересен случай предоставления приданого взрослыми детьми своей матери, выходящей вторично замуж после умершего мужа (а их отца). Он отражён в «рядной зговорной» записи («в данные место») братьев Кирилла и Дмитрия Голочеловых на замужество их матери Соломаниды за С.Ф. Маткова в 1603/04 г. В записи подробно перечислены вещи и украшения, а также выслуженная вотчина «отца их благословение» пустошь Взманово в Угличском у. Новому мужу Соломаниды были важны гарантии неотчуждаемости прав на данное владение, почему братья обещали ему, что на неё не

будут претендовать их «сестры, род племя», и вотчина будет записана за ним в книгах Поместного приказа⁴⁴.

Взаимно-договорная основа отношений в браке высвечивается и в записях об их прекращении. В 1638/39 г. Анастасия Свищова дала своему мужу Осипу Мачехину запись в том, что из-за тяжелой скорби (болезни) она уходит от него жить к своей матери и братьям. В этой связи Анастасия брала на себя обязательство «к мужу своему Осипу опять жить не хотеть и после его смерти в Осиповы животы не вступаться». Братья Анастасии также не могли претендовать на имущество её мужа⁴⁵.

Судя по актам того времени (в том числе и костромским), среди всех сословий тогдашнего русского общества наибольшее распространение имела малая по составу семья, включавшая супружескую пару и детей. Не случайно и сделки поземельные совершались по формуле: «се яз, имя рек, с детьми, купил землю у такого-то с детьми»⁴⁶. При перечислении холопов в духовных грамотах также показательна формула «такой-то з женою и детьми». Употребляемые в актах разнообразные термины родства идут как по прямой нисходящей, так и по боковой линии: прадед – дед – отец/батюшка – сын – внук – правнук; бабка/баба/бабушка – мать/матка-госпожа/матушка; брат (родной, двоюродный, неродной) – братанич (видимо, тоже двоюродный брат. – М.Ч.) – сестра (родная, двоюродная) – дядя – племянник. Сочетание «весь род его и племя» как раз отражало обобщённую совокупность родственников по прямой и боковой линиям. Распространённый на Руси обычай давать одни и те же имена детям в семье требовал различий в определениях: брат Григорий большой и брат Григорий меньшей (аналогично и в отношении женских имён). Практика повторных браков объясняет формулы в актах типа «старшая братия/старшие дети» и «младшая братия/младшие дети». Здесь речь шла о детях от первого и второго брака соответственно (как мужчины, так и женщины).

Пришедшие в семью новые члены назывались зять, невестка/сноха, оставившие семью ради пострижения жёны – «посестрии / подружии», а наряду с отцом и матерью в актах отмечены «вотчимы» и мачехи – ещё одно свидетельство

повторных браков⁴⁷. С этим явлением были связаны и такие определения чужих детей, как пасынок и падчерица. Приёмные родители и дети назывались нередко «Богом данными». В актах служилых землевладельцев встречаются понятия «бездетности» (у состоявших в браке мужчин и женщин), «бессемейства», «бесплеменства» как указания на отсутствие потомства («*бездетен, последний роду их*»). За термином «родители» (и уж тем более *прародители*) стоит более широкая ассоциация предков, нежели просто отец с матерью («*помянуть всех родителей моей матери*»), различаются, хотя чаще всего не конкретизируются, понятия рода *ближнего и дальнего*⁴⁸.

Не было принципиальной разницы и в составе семей крепостных людей, принадлежавших служилым землевладельцам («*Николко з женою и с детьми и со всею семьею*», такой-то з «*женою и с детьми и со внучаты*»⁴⁹). Их семьи тоже могли быть двух- или трехпоколенными. Не имевшие полноценной семьи крепостные определялись как «хлопец», «детина», «паробок», «девка», «женка» (одинокая либо незамужняя с детьми, либо вдова с детьми)⁵⁰ или только по имени: «Окулинка, Федотка Галка»⁵¹. Наличие повторных браков у холопов подтверждается духовными грамотами 1490-х годов А.М.Плещеева и В.Б.Тучки-Морозова, упоминающих их детей от первой и второй жены⁵².

Брачность холопов во многом зависела от воли их господ. В 1511/12 г. костромской землевладелец Павел Васильев с. Люткин «пожаловал» – разрешил своему холопу Оброске Филину сыну жениться на свободной, «где за него дадут». Рождённые в данном браке дети имели бы такой социальный статус: сыновья по отцу, то есть оставались бы холопами (за исключением «мизинного», младшего, отпускаемого на свободу), а дочери – по матери, то есть были бы свободными. Перед нами явное отступление от нормы Судебника 1497 г. (ст.66), когда замужество за холопом делало вольную женщину рабой («по холопе роба»). В жалованную запись было включено обещание П. Люткина не претендовать в дальнейшем (как и его жене и детям) на свободную жену холопа, его дочерей и младшего сына⁵³. Однако Е.И. Колычева считала, что не следует переоце-

нивать положение такой «вольной» жены раба: она фактически находилась в полной зависимости от холоповладельца, а её привилегия – свобода – через несколько десятков лет попросту забывалась⁵⁴.

Широкая панорама семьи служилого человека открывается в духовной грамоте Ивана Юрьева с. Ярлыкова 1545/46 г., имеющей явочную запись костромскому митрополичьему десятильнику Г.Г. Мануйлову от 14 декабря 1548 г. У И.Ю. Ярлыкова оставалась мать Орина (отец Юрий к тому времени уже умер), жена Софья, две дочери – Марья и Татьяна, сын Ортемий. Каждому из них он завещал какое-то имущество, вещи, деревни, семьи крепостных людей (холопов). В духовной говорится, что мать Ярлыкова и его жена с детьми могли после его смерти жить вместе либо раздельно⁵⁵. В последнем случае мать и жена не должны были претендовать на долю в имуществе дочерей и сына. Жене оставалось её приданое, с которым она когда-то выходила замуж за И.Ю. Ярлыкова («платье» и крепостной человек) плюс четвертая часть предназначенного ей мужем «живота и хлеба». Спустя некоторое время, в 1562/63 г. дочь И.Ю. Ярлыкова Мария со своим мужем М.А. Аристовым отдаст вотчинное сц. Суконниково в Троице-Ипатьев монастырь ради поминовения «наших родителей»⁵⁶.

О праве вдовы жить после смерти мужа в оставленной им ей вотчине либо выехать на жительство к детям говорится в духовной грамоте В.М. Борнякова 1587/88 г.⁵⁷ Спустя несколько десятилетий уже его сын, И.В. Борняков в духовной 1604 г. давал наставления детям «во всем слушати матери своей и жити вместе в повиновении и послушании, сестру Стефаниду выдати замуж изопча ... по моему благословию и по приказу некоторые б вражды меж ими не было»⁵⁸.

Интересные бытовые подробности содержатся в памятях служилых людей о расходах на *сговор* (народное название двустороннего договора о браке) и саму свадьбу. В 1623 г. Г.А. Измайлов подвёл итоги всех своих трат на дары (подарки – серебряные кубки, дорогие ткани) при сговоре и свадьбе, а ещё на свадебный стол («питья всякого, ествы и овощей») – 136,5 руб., из которых 66,5 руб. составили расходы на подарки

и 70 руб. – на продукты и напитки⁵⁹. Состав их напоминает рекомендации Домостроя – здесь и мёды, и пиво, и «взвары», и вино красное, и коврижки, и «сахары» разных видов, и корица, и гвоздика, и шафран, и перец, мясо и рыба солёные и свежие, мука пшеничная и крупитчатая.

Весьма кратко и практично подсчитаны свадебные издержки семьи помещичьих крестьян в волости Авнеге Вологодского уезда 1698 г. В ней были учтены: рубль «вывода», вечная гривна, расходы на туши говяжьи, бараньи, свиные, студень, «а что харчу от свадьбы осталось, то сами съели»⁶⁰. Перечисленный ассортимент продуктов на крестьянской свадьбе проще, чем у вышеупомянутого Г.А. Измайлова. Светские и церковные свадебные пошлины («вывод», поскольку речь шла о выходе замуж крестьянки за пределы данной вотчины, и *вечная гривна* – несомненный признак первого брака) существенно доминировали над продуктовыми расходами. Будучи старинным институтом обычного права, «вывод» был включен в государственное законодательство – Соборное Уложение 1649 г.⁶¹ К его взиманию были привлечены приказные агенты в вотчинах, а иногда и сельские старосты.

Семья как объект заупокойного поминания выразительно обрисована в данной грамоте Троице-Ипатьеву монастырю трёх князей – душеприказчиков князя Давыда Фёдоровича Палецкого 1558 г. Ими были – князь Дмитрий Фёдорович Палецкий, кн. Семён Иванович Гундоров и кн. Иван Борисович Ромодановский. Они передавали игумену Васьяну с братией, согласно духовной кн. Д.Ф. Палецкого, его вотчину – село Михайловское с десятком деревень в волости Емстне Костромского уезда. Вклад был обусловлен поминовением ближних родственников – его отца кн.Фёдора Ивановича, матери кнг. Анисьи, братьев – кнн. Федора, Василия, Василия Меньшого, Евсегнея, Ивана Федоровичей, а также жены кн. Давыда Евдокии. Здесь семья предстаёт как сохраняющаяся в потустороннем мире духовная целостность. В данной были указаны конкретные дни поминовения каждого из умерших – день его памяти (того святого, в честь которого он был назван) и день кончины, в которые полагалось «понахиды пети и обедни

служити собором и братью кормити»⁶². В это время численность монашествующих в обители составляла 70 чел.⁶³ Состав средней семьи служилого человека на Костроме мог включать мужа, жену и 6 детей. Во ввозной грамоте 1580 г. на поместье (несколько деревень в Андроникове стане Костромского у.) отмечены члены семьи Голоперовых – мать-вдова (муж Кирилл Васильев с. Голоперов был убит на государевой службе), три недоросля (в отношении двух указан возраст – 9 и 7 лет, далее – утраты в тексте) и три сестры-девки (их возраст в документах подобного рода не указывался, ведь им не предстояло нести государеву службу). По достижении 15 лет мальчики должны были верстаться в службу, «мать и сестры кормить и вскормив, замуж отдать»⁶⁴. Аналогичные распоряжения находим в отдельной грамоте костромского губного старосты А.М. Аргамакова в 1579/80 г. двум совсем ещё малолетним недорослям на поместье – им было 2 и 3 года⁶⁵.

Иногда конфигурация семьи служилого человека выглядит сложнее: отец убит на службе, первая жена умерла, двое сыновей-подростков от неё живут со второй женой отца, а им мачехой, у которой свои малолетние дети. По мере взросления и поступления на службу (с 15 лет) на старших сыновей также возлагалась обязанность заботиться о мачехе и сводных брате и сестре⁶⁶. Редкое указание на возраст двоюродной сестры-младенца имеется в одном деле Поместного приказа о справке за С.П. Навалкиным вотчины родного дяди во Владимирском уезде ок. 1635 г. (девка Фетинья «по другому году»)⁶⁷.

Раннее документальное указание на государственную заботу о вдовах служилых людей, оставшихся после смерти мужей с детьми, находим в подтвердительной записи от 18 января 1547 г. вел. кн. Ивана Васильевича вдове Прасковье Гиневлевой и её сыну Грише на мужнино/отцовское поместье – сц. Дьяконово с 16-ю деревнями и 8 починками в Троицкой трети Костромского уезда⁶⁸. За мать с сыном сохранялись и иммунитетные права на данное поместье, поскольку в подтверждении говорилось, что наместники костромские, волостели и тиуны «ходят о всем по тому», как было написано в прежних грамотах Гиневлеву – 1533 и 1546 гг. Государство

проявляло заботу и о бездетных вдовах служилых людей, на-
деляя их «прожиточными поместьями». В ввозной грамоте царя
Вас. Ив. Шуйского вдове Марье Теряевой говорилось о том,
что она может владеть селом Дмитровским в Шачебольском
стане Костромского уезда до того момента, пока снова не вый-
дет замуж или не пострижется в монахини (январь 1610 г.)⁶⁹.
После её смерти данное поместье предназначалось дьяку
Филиппу Голенищеву.

Вообще термин «семья» не так уж часто встречается в акто-
вых источниках и других памятниках. В данной костромского
землевладельца Русина Никифорова с.Бедарева (Нелюбва)
Спасо-Геннадьеву монастырю на жребий сц. Григорьевского в
Осецком стане 1565 г. содержится просьба к игумену Герасиму
с братией «поминати отца моего душу Никифорову, а за наше
здравье при нашем животе Бога молити за меня и за мою
семью, а после нашего живота им нас поминати и родителей
наших и в сенаник написати»⁷⁰. Почти одновременно была
оформлена ещё одна данная грамота, имеющая коллективный
характер, – от четырёх братьев Бедаревых с двумя их племян-
никами на деревню в Спасо-Геннадьев монастырь, в которой
также говорилось о поминовении «наших *смей*»⁷¹.

Коренное значение слова семья удалось заметить в одной
закладной записи 1632 г., перечисляющей дворы: в одном хо-
зяин «*в семье сам семь*», в другом мать-вдова с детьми «сама
сема», в третьем дворе семья – это «*сам друг с женою*»⁷². В
ввозной грамоте по Костромскому уезду 1597 г. вдова слу-
жилого человека после его гибели «осталась *сама сема* с
пятью сынами и дочерью». Двое старших сыновей, как тогда
говорилось, «в службу поспели», а трём было соответственно
13, 8 и 5 лет, а возраст дочери не указан. В наказе властей
Соловецкого монастыря 1679 г. отмечены дворы, в которых
проживало по 2-3 семьи, под последней же понимается сооб-
щество тех, «кто *хлеб едят особно по своим*», и был установлен
размер сеньориальной пошлины «довода»: с крестьянской
семьи 2 алт., с бобыльской 10 денег⁷³. Здесь семья выступает
как объект вотчинного обложения, и несомненна её ведущая

роль в хозяйственно-производственной жизни, в социализации человека на доиндустриальной стадии.

В монастырских сёлах брачность крестьян регулировалась вотчинными властями. В 1567 г. сотские сёл Троице-Сергиева монастыря в Костромском уезде получили от властей грамоту, содержащую указание на размер свадебных пошлин, поступающих в монастырскую казну, – выводная куница пол-3 алт. (7,5 коп.) и «новоженный алтын» (3 коп.). Такие же нормативы внесены в уставные записи 1560-х гг. по Бежецкому, Верейскому, Дмитровскому, Малоярославецкому уездам. В троицких уставных грамотах 1580-1590 гг. наблюдается их дальнейшее территориальное распространение одновременно с различием в размерах. В оброчной грамоте соборного старца Варсонофия Якимова крестьянам с. Соболева (Юрьевецкий у.) ок.1580 г. выводная куница имела более высокую величину – гривну (10 коп.)⁷⁴. При этом «убрусное» отменялось: «а дву денег за утиралник (полотенце ? – М.Ч.) не имати» (в Белозерской уставной грамоте 1488 г. «свадебное за убрус» как раз составляло 2 ден.). На полотенце сеньориальному агенту преподносились блюда с пирогами. Правда, в доходных списках кн. И.Ю. Морткина на кормление в Черни и Новосиле и Н.П. Клементьева на кормление в Арзамасе 1585 г. «убрус» и «полотно» (полотенце ? – М.Ч.) различаются: за первый взималось 8 денег, за второе – 2 алт.⁷⁵

В монастырских уставных грамотах, помимо пирогов, представлены и другие «кормовые» компоненты свадьбы – «тиунский гусь», мясной окорок, пиво, хлебы, калачи. Старинный когда-то обычай свадебного гостеприимства стал для крестьян в эпоху Московской Руси на фоне нарастающих феодально-крепостнических отношений принудительной обязанностью выкупать своё право на свадьбу, устраивая сеньориальным агентам подобные «микрокормления», или откупаться от них денежными эквивалентами. Правда, вотчинным приказчикам запрещалось ходить незванными на крестьянские пиры-братчины-свадьбы, где случалось «пивцо *особное*»⁷⁶. Так, крестьянский двор-семья-община старались

уберечь собственное автономное существование в контурах вотчины-сеньории.

О церковном регулировании брачности в сёлах Троице-Ипатьева монастыря говорится в жалованной уставной грамоте патриарха Иова 1604 г. Документ отличается широким территориальным охватом: в нем перечислено 9 приходов, входящих в Плесскую и Костромскую десятины. К *Плесской* десятине отнесены церковь Живоначальной Троицы в с. Яковлевском и Успенская церковь в с. Кузьминском; к Костромской – церковь Михаила Архангела в с. Михайловском, ц. Рождества Христова в с. Плоскиныне, ц. Введения Пречистой Богородицы в с. Колшеве, ц. Успения в с. Кизликове (Бяконтове), три Никольских церкви в селах Бабине, Вакорине и Солоникове⁷⁷. Патриарх предписал приходским священникам «обыскивать», чтобы отроки и вдовцы «женись ни в роду, ни в племени, ни в кумовстве, ни в сватовстве и не четвертым браком». Были регламентированы размеры венечных пошлин – с отрока по пол-3 алтына, с двоеженца по пол-5 алт, с троюженца по пол -7 алт.⁷⁸ Помимо записей венечных пошлин священники должны были вести в специальных книгах ещё и записи пошлин похоронных, а собранные деньги отвозить в монастырь. В конце года (на Рождество Христова) вся эта документация и денежные суммы должны были доставляться в Москву в патриарший приказ вместе с церковной данью. Привилегированный статус Троице-Ипатьева монастыря заключался в разрешении его приходским попам венчать и хоронить без «знамян» (особых свидетельств) от патриарших десятильников и поповских старост, «по монастырским знамянам». Таким же был порядок и в светских владениях. Например, в доходном списке кн. И.Ю. Морткину на кормление в Черни и Новосиле 1585 г. уточняется, что свадебные пошлины (выводная куница и убрусное) платились наместнику только с черных (тяглых) людей. А с детей боярских и живущих за ними крестьян свадебные пошлины наместниками не взимались, они шли служилым людям⁷⁹. Действие жалованной уставной грамоты патриарха Иова 1604 г. было пролонгировано последующими подтверждениями па-

триархов Игнатия (1605-1606), Гермогена (1606-1612), Филарета (1619-1633) и Иоасафа (1634-1641).

Среди прочих «деяний» Московского церковного собора 1666-1667 гг. было решение о введении в России некоего подобия метрического учёта населения. Приходские священники должны были вести четыре *записных книги*, в которых фиксировались бы венчания, крещения, погребения («всякого чина православных христиан – богата и убога») и наличный состав «живых прихожан»⁸⁰. Однако в задуманном объёме задача эта в XVII в. решена не была, и государство приступило к ней вновь в 1722 г., когда по указу Петра I были введены метрические книги – отличный (хотя и весьма трудоёмкий) источник по исторической демографии – рождаемости, брачности и смертности населения⁸¹. Вместе с тем в ряде епархий (Великоустюжской, Вологодской, Новгородской, Ростовской) в XVII в. (как до, так и после Московского собора 1666/67 г.) составлялись некоторые виды учётной документации на разном уровне – это венечные разделы приходо-расходных книг архиерейских кафедр (ими ведали обычно старцы-казначей), «сказки» городских и сельских попов о числе венчаний и смертных случаев в подведомственных им приходах.

В конце XVII в. в актах церковных иерархов, наряду с подробной регламентацией размеров венечных пошлин, возрастает и морализаторский аспект в разъяснении пастве самого таинства брака. В настольной грамоте митрополита Тобольского и всея Сибири Корнилия игумену Успенского Исетского монастыря Афанасию от 17 января 1675 г. при совершении обручения и венчания предписывалось исполнять следующие принципы: 1) добровольное согласие брачующихся; 2) возраст невесты не менее 12-ти, а жениха не менее 15-ти лет; 3) отсутствие препятствий в виде родства или «сватовства»; 4) обязательность для брачующихся накануне церемонии исповеди; 5) совершение церемонии «поутру до полудня» и ни в коем случае не ночью; 6) непризнание 4-го брака каноническим⁸².

Ещё более развёрнуты эти положения в поучительных посланиях и наказах самого Афанасия, когда он стал первым епископом Холмогорским (1682-1702). В его наказе духовному

судье архиерейской кафедры старцу Тихону от 25 декабря 1682 г. размеры венечных пошлин предписывались дифференцированно: 1) при женитьбе отрока на девке – 4 алт.; 2) при женитьбе отрока на вдове 6 алт.; 3) при свадьбе второбрачных 8 алт. 2 ден.; 4) с третьего брака 10 алт. Кроме того, на каждый брак накладывались ещё казённые и записные пошлины размером 8 ден. Духовный судья должен был сличать в присылаемых ему списках с венечных знамян и записях в неокладных книгах годы, месяцы, числа и имена, дабы не допустить утайки сбора венечных денег со стороны приходских попов, поповских старост и десятских («заказных») попов. За утайку налагались высокие штрафы в размере 2 руб. 8 алт. 2 ден. с попа плюс двойной размер скрытой венечной пошлины. Было запрещено венчать отрока с троебрачной вдовой и троебрачного вдовца с девицей. Чин молитвословия троебрачных должен быть таким же, как и второбрачных, но без накладывания венцов. Свадьбы запрещалось венчать в «государские праздники, царские ангелы», воскресные дни, среду и пятницу. Прежде свадьбы приходские священники должны были требовать от брачующихся строгого соблюдения постов, исповеди и причастия. Венчание должно было совершаться только на утренней литургии, присутствующим следовало избегать всяких выкриков («ключей безчинных») и «укорных нелепых слов». Особо крепкое запрещение касалось совершения таинства попами в пьяном виде. Нарушение этих предписаний, опирающихся на канонические правила, грозило священникам лишением сана, а мирянам – наложением штрафов⁸³.

Аналогичные предписания, в которых мораль и право были тесно переплетены, относительно порядка заключения браков находим и в пространной инструкции патриарха Адриана, данной им архимандриту Владимирского Рождественского монастыря Иосифу в 1697 г. Патриарх требовал, чтобы поповские старосты досматривали у священников их годовые сказки о количестве браков в приходах и проверяли наличие подлинных венечных памятей. Тарифы венечных пошлин здесь были приведены дифференцированно, а размеры их практически совпадали с тем, что указывал Афанасий Холмогорский

в грамоте 1682 г., которая могла послужить источником при выработке патриархом Адрианом своего документа⁸⁴.

В заключение отметим, что приведенный материал характеризует институт семьи и брака в России XVII в. «изнутри» как находящийся на пересечении разных правовых систем – канонического, церковного, государственного, обычного (общинного и вотчинного) права. В информации о браке и семье из разнообразных источников всегда высвечивается проблема человеческих потребностей, а в ней наиболее полно сочетаются объективные и субъективные основы социальной истории. Можно наблюдать мотивы человеческих действий и поступков, модели поведения людей, обусловленные как объективной материальной жизнью, так и их мировидением, миропониманием и мироощущением⁸⁵. Такое раскрытие подчеркивает значение социальной истории как «науки о людях во времени» (Марк Блок). Семейно-брачная сфера жизни человека в Московской Руси еще во многом оставалась предметом публично-правового регулирования (в первую очередь, церковного), и это свидетельствует о глубокой традиционности русского общества накануне Раннего Нового времени.

Примечания

¹Гис Фрэнсис и Джозеф. Браки и семья в Средние века. - М., 2002; Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. -1988. № 1. С.56-70; Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. Изд. 2. СПб. – 2004; Лещенко В.Ю. Русская семья (XI-XIX вв.). СПб. – 2004; Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории / Под общ. ред. М. Крома, Т. Заколлы, Ю. Шлюмбама. СПб. - 2003; Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII - начала XVIII в. - Псков, 1999; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. - М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л.Бессмертный. - М., 2000.

²Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А.В.Антонов, К.В.Баранов. – М., 1997. Т.1. - М., 1998. Т.2 / Сост. А.В.Антонов. – М., 2002. Т.3 / Сост. А.В.Антонов. – М., 2008. Т.4 / Сост. А.В.Антонов. Далее – АСЗ.

³Чёрная Л.А. «Честь»: Представления о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества / Отв. ред. А.С. Дёмин. – М., 1991. – С.64.

⁴Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси (XI – XVII вв.) // Человек в кругу семьи... . Гл.13.

⁵Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. - М., 1990. - С.285-290.

⁶Там же. С.242.

⁷Там же.

⁸Некоторые рассматривают это как указание на нежелательность присутствия священника на свадьбе (Иваницкий В. Русская женщина и эпоха Домостроя // Общественные науки и современность. - 1995. № 3. - С. 164).

⁹Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. - М., 1985. - С.174-197. («Далее - ПЛДР»).

¹⁰ПЛДР. XVII век. Кн.2-я. - М., 1989. - С.229-230.

¹¹Древнерусские княжеские уставы XI-XIV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. - М., 1976. Разд. 1.

¹²Там же. С.88. Подробнее см.: Флоря Б.Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (На материале статей о возмещении за «бесчестье») // История СССР. 1973. № 1. - С.62-66.

¹³Там же. С.63.

¹⁴Чёрная Л.А. «Честь»: Представления о чести... С.75.

¹⁵Грамоты Великого Новгорода и Пскова. - М.- Л., 1949. № 105.

¹⁶Памятники русского права. - М., 1952. Вып.2. - С.27-28.

¹⁷Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т.VI. - СПб., 1880. № 31. Далее - РИБ.

¹⁸Старая Вологда. Сборник документов и материалов. - Вологда, 2004. № 138, 139.

¹⁹ПЛДР. XIV - середина XV в. - М., 1981. - С.523.

²⁰Собрание государственных грамот и договоров. 4.2. - М., 1819. № 24. Далее - СГГД.

²¹РИБ. Т. VI. № 33, 34.

²²Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. - СПб., 1836. Т. 1. № 369. Далее - ААЭ

²³ААЭ. Т.1. № 221.

²⁴См., например, по Троице-Сергиеву монастырю: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. - М. 1964. Т.1, № 400, 412, 618, 652 (далее – АСЭИ); Акты Русского государства. 1505-1526 гг. - М., 1975, № 189; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.281 (Грамоты коллегии экономии), по Ростову № 10560; по Рузе № 10259; Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры). Кн.521. Л. 86-88.

²⁵ААЭ. Т.3. № 306.

²⁶Российское законодательство X – XX вв. : В 9 томах. Т.2. - М., 1985. - С.318, 320.

²⁷Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии / Руковод. автор. коллек. А.Г. Маньков. - Л., 1987. -С.84.

- ²⁸РИБ. Т.32. (Архив П. Строева. Т.1). Пгд., 1915. № 187.
- ²⁹ААЭ.Т.1. № 293 (подтверждения 1578, 1583 и 1586 гг.).
- ³⁰Там же. № 296 (подтверждение митрополитом Исидором в 1603 г.).
- ³¹АСЗ. Т.4. № 212.
- ³²АСЭИ. Т.3. № 22.
- ³³Уваров П.Ю. Франция XV века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. - М. 2004. - С.274-276.
- ³⁴АСЗ. Т.1. № 158.
- ³⁵АСЗ. Т.1. № 161.
- ³⁶АСЗ. Т.1. № 162, 163.
- ³⁷АСЗ. Т.1. № 166.
- ³⁸АСЗ. Т.4. № 66.
- ³⁹АСЗ. Т.3. № 488.
- ⁴⁰АСЗ. Т.3. № 88.
- ⁴¹АСЗ. Т.3. № 511.
- ⁴²АСЭИ. М., 1964. Т.3. № 449 (1504 г.).
- ⁴³АСЗ. Т.2. № 247, 248.
- ⁴⁴АСЗ. Т.2. № 281.
- ⁴⁵АСЗ. Т.4. № 545.
- ⁴⁶См., например: АСЗ. Т.1. № 160.
- ⁴⁷АСЗ. Т.1. № 116, 168, 283, 296, 318; Т.2. № 29, 33, 42, 43, 101; Т.4. № 71, 72, 401, 542, 547; Антонов А.В. Указ. публ. - С.191.
- ⁴⁸Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып.7. - С.86-88, 90, 94.
- ⁴⁹АСЗ. Т.1. № 216 (Ростовский у., 1602 г.); Т.2. № 42.
- ⁵⁰АСЗ. Т.1. № 158, 288; Т.2. № 247.
- ⁵¹АСЗ. Т.1. № 216.
- ⁵²АСЭИ. Т.1. № 562, 612.
- ⁵³АСЭИ. Т.3. № 242 (Жалованная запись дошла до нас в подлиннике с собственноручной подписью П.В.Людкина).
- ⁵⁴Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). - М., 1971. - С.30-32.
- ⁵⁵Антонов А.В. Костромские монастыри... С.56-57.
- ⁵⁶Там же. - С.79-80.
- ⁵⁷АСЗ. Т.2. № 42.
- ⁵⁸АСЗ. Т.2. № 43.
- ⁵⁹АСЗ. Т.3. № 544.
- ⁶⁰Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1990. - С.71.
- ⁶¹Соборное Уложение 1649 г. - С.236 (автор комментария А.Г. Маньков).
- ⁶²Антонов А.В. Костромские монастыри... - С.58-59.
- ⁶³Там же. - С.59 (сотная 1559/60 г.).
- ⁶⁴АСЗ. Т.1. № 52.
- ⁶⁵АСЗ. Т.1. № 185; Т.2. № 104, 166.
- ⁶⁶АСЗ. Т.2. № 101.
- ⁶⁷АСЗ. Т.4. № 542.

⁶⁸АСЗ. Т.4. № 97-98.

⁶⁹АСЗ. Т.3. № 212.

⁷⁰Антонов А.В. Костромские монастыри...- С.201.

⁷¹Там же. - С.202.

⁷²РГАДА, ф.281, по Алатырю № 55.

⁷³ААЭ. Т.4. № 232.

⁷⁴ААЭ. Т.1. № 307, 348-1; ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги.

Погод.1564.Л.43-44.

⁷⁵АСЗ. Т.1. № 183, 298.

⁷⁶Прокопенко А.М. Новые документы по истории землевладения Нико-ло-Угрешского монастыря // Русский дипломатарий. М. 1997. Вып.2. С.67-68; Акты исторические. СПб. 1842. Т.5. № 171; ААЭ. СПб. 1841. Т.4, № 120; Дополнения к актам историческим. - СПб. 1875. Т.9. № 12.

⁷⁷О землевладении Троице-Ипатьевского монастыря см.: Захаров А.Н. Крупная феодальная вотчина Костромского края в XVI-XVII вв. (По материалам костромского Троицкого Ипатьева монастыря). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. - М., 1997; Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. - М., 2003. - С.15, 28-31, 59-63.

⁷⁸Антонов А.В. Костромские монастыри...- С.164-165.

⁷⁹АСЗ. Т.1. № 183.

⁸⁰Дополнения к актам историческим. - СПб., 1855. Прибавления к 5-му тому. № 102.- С.461-462.

⁸¹Антонов Д.В., Антонова И.А. Метрические книги в России XVIII – начала XX вв. - М., 2007.

⁸²Булатов В.Н. Муж слова и разума. Афанасий – первый архиепископ Холмогорский и Важский. - Архангельск, 2002. - С.211-212.

⁸³Там же. - С. 222-223.

⁸⁴Полное собрание законов Российской империи.- СПб., 1930. Т.3. № 1612.

⁸⁵Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. - С.31; Уваров П.Ю. Указ. соч. - С.274-276.

С.В. РЯБИНЦЕВ,

кандидат исторических наук,
заместитель генерального директора
по учету и хранению КГИАХМЗ

ОСОБЕННОСТИ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБРЯДОВ В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ

*верхневолжских губерний в конце XIX - начале XX вв.
на материалах Костромской и Ярославской губерний*

Крестьянское хозяйство не могло обойтись без животных. Во-первых, это была тягловая сила; во-вторых, производитель пищевых продуктов; в-третьих, производитель весьма необходимых органических удобрений. Помимо лошадей и коров в крестьянском хозяйстве были овцы, свиньи, домашняя птица. Крестьяне особенно бережно относились к лошадям и коровам, видя в них и рабочую силу, и одно из ценных приобретений¹.

Вот что писали корреспонденты «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева о роли скота в крестьянском хозяйстве: «Лошадь в крестьянском быту исполняет все полевые работы и доставляет в дом тяжести, иногда на ней зарабатываются и деньги на стороне, кроме работы лошадь дает еще хозяину доход жеребенком. Корова кормит всю семью, и, кроме этого, может дать масла до 20 фунтов на продажу. Овца дает до пяти фунтов немытой шерсти в год, одного, а большей частью, пару ягнят и мясо с салом (редко одного, а чаще пару ягнят, а также мясо и сало), которые крестьянами употребляются в пищу вместо масла. Курица, помимо мяса и пера, доставляет до сотни яиц в период ношения, из них половина идет на продажу. Все же домашние животные и птицы приносят хозяину доход навозом, который так необходим в полевом хозяйстве»².

Благополучие крестьянского животноводства нередко разрушалось в одно лето под ударами эпизатопий, приводивших

беднейшую часть крестьян к разорению, а зажиточную верхушку – к потере капиталов.

Против болезни скота крестьяне использовали специальные обряды, заговоры и наговоры. Крестьяне Ростовского уезда Ярославской губернии использовали следующие заговоры: «если падает во дворе какая-либо скотина, то для предупреждения дальнейшего падежа берут у церковного старосты отрезки от свеч перед местными иконами (отрезки эти должны быть отрезаны снизу с того конца, который не горел), смешивают их с ладаном и затем, завязав смесь воска и ладана в несколько тряпок, вешают эти тряпочки на дворе на концах перекладин, а так же на верях над воротами двора... Если какая-либо скотина захворает, то обчерчивают палочкой круг, надстригают ей ухо и вспрыскивают ей голову святой водой»³.

Другим наиболее распространенным у русских крестьян ритуальным средством защиты животных был обряд опахивания. Этот обряд (с небольшими местными отклонениями) заключался в следующем: женщины и девушки деревни тайно собирались ночью вместе в одних только белых рубахах с распущенными волосами. Они впрягались в соху и проводили ею борозду вокруг всей деревни. Мужчины не должны были в этом участвовать, и случайные встречные убегали, опасаясь побоев. Участницы опахивания поднимали сильный шум. В руках у них были косы, печные заслонки, сковороды, ухваты, кочерги. Под конец обряда нередко закапывали в землю живьем собаку, кошку или черного петуха. Так в районе прихода с. Мостище в д. Самылово Галичского уезда Костромской губернии обряд этот состоял в том, что «вдовы и взрослые девицы, в полночь собравшись за деревней, сняли с себя верхнее платье, в одних рубашках, распустивши волосы, впряглись в косулю, и общими силами, в предшествии одной из женщин с иконою Богоматери в руках, провели борозду кругом деревни»⁴. Этот обряд должен был отпугнуть «коровью смерть» (эпидемию), которая обычно принимала облик женщины либо облик животного. Отпугивали огнем, криками, наготой женщин и предметами, связанными с огнем очага. Во-вторых, очерчивание железом магического круга преграждало эпидемии путь в деревню. Кроме того, при

умерщвлении «коровьей смерти», воплощенной в животном, считалось, что закапывалась та смерть, которая осталась в деревне внутри магического круга. В умерщвлении животного выступает очистительная составляющая данного обряда⁵.

Обряд опахивания сочетал в себе как христианские, так и языческие элементы, что удивляло и расстраивало сельскую интеллигенцию. Учитель Мостищенского земского училища Решеткин В.В. писал: «Спрашивается, что же это такое делали они, кому приносили службу, у кого просили они помощи и избавления от смертельной опасности? Если они просили о помощи Богородицу, зачем тут идти за деревню в полночь, раздеваться и тащить косулю? Если же они служили сатане, тут, кажется, не место образу Богородицы. А служение сатане не есть ли идолопоклонство? Не дико ли это: икона Богоматери как символ богопочитания, а опахиванье – языческий обряд! Очевидно, они не знали, чему больше верить – Богородице или опахиванью»⁶.

В других очистительных обрядах во время болезней скота использовались в качестве очищающих элементов огонь и вода. В Костромской и Ярославской губерниях при болезни скота после опахивания крестьяне использовали очистительную силу «небесного огня». «Небесный огонь» крестьяне добывали трением двух деревянных чурок. Считалось, что такой «небесный огонь» гораздо чище любого другого и обладает большой очистительной силой, так как такой способ добывания огня был самым древним. В прогон, которым скот прогонялся на пастбище, поперек дороги раскладывали зажженные от «небесного огня» ветки можжевельника. Скот прогоняли через горящие ветки и таким образом окуривали его, чтобы предохранить от заразы⁷.

Крестьяне считали, что если болезнь можно уничтожить огнем и водой, то земля в состоянии поглотить ее; нужно только прогнать больное животное «сквозь землю». Это достигалось тем, что на склоне горы или в холме прорывали ров либо в поле устраивали особые «земляные» ворота. Проходя через туннель, больное животное, по мнению земледельцев, передавало заразу земле⁸.

Еще одна группа обрядов проводилась в дни первого выгона скота. Первый весенний выгон скота на пастбище обычно проходил 23 апреля, в день святого Георгия (Юрия). В народной традиции Георгия Победоносца именовали батюшкой Егорием, Егорием храбрым, Егорием вешним, зеленым Юрием. Общерусским является представление Егория в образе сятурского былинного богатыря – на белом коне, повелителем волчьих стай⁹.

Георгий Победоносец считался покровителем домашнего скота, и к нему обращались с просьбами защитить, уберечь коров, овец, лошадей. Наибольшей силой, по мнению народа, обладало обращение именно в Егорьев день, во время выгона скота на подножный корм¹⁰. Бывало, что в силу климатических условий первый выгон скота происходил раньше или позже Юрьева дня; тем не менее соответствующие обряды совершались именно в этот день¹¹.

В день святого Георгия в церквях служили водосвятный молебен, после которого обычно проходил крестный ход. Скотину обычно окропляли святой водой. Крестьяне Ростовского уезда Ярославской губернии в день святого Георгия ставили в церкви свечу, прося у святого заступничества и покровительства для скота. После обедни в селах проходил крестный ход. Посередине села по обе стороны дороги выставляли иконы. Между иконами прогоняли скот¹².

В Верхнем Поволжье было принято выгонять животных в общее стадо веткой освященной вербы. В народных представлениях ветки вербы обладали целебными и охранно-магическими свойствами. Так, в Костромской губернии при выгоне скота в первый раз после зимы хозяйка считала обязательным проводить свою буренку за околицу, похлестывая ее вербой, освященной в Вербное воскресенье. Похлестывание сопровождалось приговором вроде молитвы:

*«Господи, спаси!
Богородица, соблюди!
Микола, прокорми!
А Егорий от зверья*

*Лютото мою Красавку (имя коровы,
напр., Буренка, Пестренка, Седавка и пр.)
Сохрани!»¹³.*

В этот день дети и подростки ходили по домам «окликали» Егория под окнами (пели обрядовые песни), выпрашивая подарки. «Батюшка Егорий спаси нашу скотинку и всю животинку в поля и за полем, в лес(е)? и за лесом, под месяцем ясным, под солнышком красным. Хозяюшка проснися, Егорию помолися да с нами поделися, Егорию на святку, да нам по яичку»¹⁴.

Окликание исполнялось под специальную мелодию, которую играли на барабанке – пастушьем инструменте, сделанном из осиновой или еловой (сосновой) доски и издавна используемом пастухами на северо-востоке России. За «егорьевские труды» окликалы получали вознаграждение – несколько яиц¹⁵.

В некоторых селениях Костромской губернии в день святого Георгия или накануне крестьянки привязывали своим коровам талисманы с наговорным чесноком на шею. Эти талисманы, по их поверьям, сохраняли скот и от болезней, и от нападения зверей¹⁶.

Если Егорьев день был праздником выгона скота, то день Николы Угодника был праздником первого весеннего выгона лошадей в ночное. Пастухи и деревенские подростки Николу праздновали ночью при кострах: в золе.

Особое отношение у крестьян было к отелившемуся животному. В крестьянских представлениях домашние животные после родов считались нечистыми. Поэтому требовалось, чтобы они в течение определенного срока подверглись ритуальному очищению. Нечистыми считались также и все новорожденные животные. В течение первых 12 дней после рождения телят, поросят и т.д. есть их мясо запрещалось. По окончании срока происходило ритуальное очищение коровы. Обряд заключался в омовении и окуривании животного.

В деревнях Галичского уезда Костромской губернии крестьяне считали необходимым каждую отелившуюся корову «обойти» через 9 удоев. Этот обходный обряд совершался следующим образом: старшая в семье брала пустую «подойницу» (посуда, в которую доится молоко), ко дну ее прикрепляла

зажженную восковую свечечку, иногда и огарок, но непременно восковой, и шла в хлев. Хлев затворялся, закрывалось также и окошко, если таковое было в хлеву. Обходница, убедившись, что в хлеву нет, кроме нее и коровы, никакого живого существа, начинала свое действие. Встав против головы коровы и держа в правой руке отлепленную от дна подоюницы свечку, читала Иисусову молитву или же молитву Богородице — «Богородице Дево» и со словами молитвы, двигаясь справа налево, прижигала шерсть на лбу и обоих ушах коровы, то же делала она с шерстью коровы на правом боку, далее — на крестце и, наконец, на левом боку. Обход и подпаливанье повторялись три раза. Зажженная свечка снова прикреплялась ко дну подоюницы, обходница садилась доить корову. Свечка в подоюнице гасилась молоком. Придя в избу, хозяйка сцеживала молоко, а свечку, протерев, ставила на тягло. Этот удои молока мог использоваться в пищу. Удои же до обхода, обыкновенно, скармливались теленку или выливались на двор в навоз¹⁷.

Особые обряды крестьяне проводили при разведении домашней птицы. В Костромской губернии в Галичском уезде у крестьян было поверье: чтобы курица-наседка могла благополучно высидеть цыплят, нужно, чтобы на яйца ее сажала исключительно старуха. Если такой нет в семье, то для этой цели приглашалась за оплату чужая старуха, даже из соседней деревни. Скупые хозяйки сажали курицу на яйца сами, облачаясь в вывернутую шерстью вверх шубу, причем на голову надевалась мужская шапка, ноги обматывали тряпками, а иногда пачкали сажей¹⁸.

Говоря о птицеводстве, нельзя не сказать несколько слов о так называемом «курином боге». Куриным богом назывался найденный в земле или в реке камешек с отверстием в центре. Его форма, величина и цвет могли быть разными, обязательным было лишь наличие одной или нескольких дырок в центре. Такой камень крестьяне вешали в курятнике около насеста, чтобы куры были здоровы и плодовиты¹⁹. Д.К. Зеленин склонен видеть в курином боге древний каменный топор или молоток, принесенный в жертву умершим предкам²⁰.

При покупке и продаже скота крестьянами соблюдался целый ряд традиционных правил и обрядов. При этом принималось во внимание, для чего покупают животное – на убой или на племя. В последнем случае цена была выше, так как продавец опасался, что вместе с проданным животным к покупателю перейдет удача²¹.

Обычно при покупке лошади повод передавали не голыми руками, а из-под полы. После покупатель обводил лошадь вокруг себя три раза, а по приезде домой в ворота постилал кушак и переводил через него лошадь²². Символика данного обряда заключалась в следующем. Обернутая рука – символ богатства. Неотделимый от человека пояс магически обеспечивает нерушимую связь животного с двором нового хозяина²³. Большое количество обрядов, связанных с разведением скота, позволяет говорить о том, что благополучие крестьянского хозяйства напрямую зависело от скотоводства. Данными обрядами крестьяне пытались защитить домашний скот от болезни, нападения диких животных, смерти. Кроме того, скотоводческие обряды показывают, что даже в начале XX в. мировоззрение крестьян продолжало сочетать христианские религиозные представления и языческие верования.

Примечания:

¹Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. - Самара, 1999. - С. 47.

²Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004 – С. 245.

³Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.2. – Ярославская губерния, часть 2. - СПб., 2006. – С. 304.

⁴Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская и Ярославская губернии. – СПб., 2004 – С. 232.

⁵Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С.97-98.

⁶Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская и Ярославская губернии. – СПб., 2004. – С. 232.

⁷Баковщина // Костромские Епархиальные ведомости. – 1888. - №18. – Часть неофициальная. – С.360-363. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы.

Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.2. – Ярославская губерния, часть 1. - СПб., 2006. – С. 495.

⁸Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С.99.

⁹Русские. – М., 1999. – С.631.

¹⁰Некрылова Н.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. – М., 1991. – С. 171.

¹¹Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С.88.

¹²Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.2. – Ярославская губерния, часть 2. - СПб., 2006. – С. 495.

¹³Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская губерния. – СПб., 2004. – С. 232.

¹⁴Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – Фонд «Документы». - КМЗ НВ 13139/23. (Ответ на анкету «Культ и народное сельское хозяйство»).

¹⁵Русские. - М.,1999. – С. 633.

¹⁶Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская губерния. – СПб., 2004. – С. 250.

¹⁷Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.1 – Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004. – С. 231 - 232.

¹⁸Там же. – С. 246.

¹⁹Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С.94.

²⁰Там же. – С.94.

²¹Там же. – С.94.

²²Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – Фонд «Документы». - КМЗ КОК 38735/20.

²³Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С.95.

Л.В. МОСКАЛЁВА,
главный хранитель фондов
Костромского музея-заповедника
«Костромская слобода»

НАРОДНАЯ ВЫШИВКА **Солигаличского и Чухломского уездов** **Костромской губернии. XIX – I-я треть XX вв.**

Вышивка как традиционное женское рукоделие в XIX – начале XX веков получила широкое распространение в Костромском крае. Костромская народная вышивка очень многообразна. Территориально она объединяет шитье, различающееся по технике исполнения, сюжетам и мотивам орнаментов, колориту, композиции, стилю, т. к. в каждой местности имелись свои характерные особенности и приемы шитья. Исследователи характеризуют Костромскую губернию как местность неоднородную в этнографическом отношении и выделяют несколько историко-культурных зон на территории края, своеобразие которых складывалось в течение столетий под влиянием различных факторов. Одна из них – Костромское Заволжье, расположенное на северо-западе губернии, с уездами: Солигаличским, Чухломским, Буйским, Галичским. Но даже на такой ограниченной территории вышивка имела различия, и объединяющими признаками являлись: преобладающая техника шитья и общее композиционное решение. Единая техника исполнения и типичность узоров отличают вышитые предметы из Солигаличского и Чухломского уездов. Эти уезды на севере граничили с вологодским краем. Здесь истари проходили важные торговые пути и осуществлялась торговая и культурная связь с Русским Севером. Не случайно культурные традиции этих территорий тяготели более к Северу, чем к Костроме. Вопрос формирования населения на землях современного Солигаличского района недостаточен изучен. Установлено, что это была территория заселения

финно-угорским племенем меря. Особенности культуры населения определило колонизационное движение. В X-XIII вв. продвижение переселенцев из новгородских земель и их окраин шло по течению реки Сухоны с выходом в бассейн р. Костромы, что подтверждено археологическими материалами¹. Территория Чухломского уезда относится к бассейну верхнего течения реки Костромы. Эта часть Костромской губернии довольно своеобразна и относится к так называемому «акающему острову» (куда входит и часть Солигаличского уезда), что связывают с новгородской колонизацией этих мест в XII-XIII веках². Исследователи полагают, что через эти земли прошло несколько разновременных миграционных потоков³. Одно из ранних сведений об административной принадлежности Солигалича относится к XIV столетию. В XVI веке Солигалич составлял самостоятельную Солигаличскую (Усольскую) осаду и вместе с Чухломской осадой относились к Галичскому уезду. В начале XVIII в., (1719 г.) Галич, Чухлома и Солигалич входили в состав Галичской провинции Архангелогородской губернии. С образованием Костромской губернии (1796 г.) были выделены самостоятельные Солигаличский, Чухломской уезды. История формирования и развития населения Солигаличского и Чухломского уездов Костромской губернии нашла отражение и в вышивке, где прослеживаются мотивы, сюжеты орнаментов, техники шитья, характерные для отдельных местностей Вологодской и Олонецкой губерний. В XIX – I-й трети XX вв. украшенные вышивкой вещи широко бытовали в среде крестьянского населения вышеназванных уездов. Об этом свидетельствуют вещественные и документальные источники, собранные сотрудниками музеев Костромской области на протяжении XX столетия. Коллекции музеев формировались постепенно. В 90-х годах XIX века члены Костромской губернской ученой архивной комиссии стали собирать предметы традиционного быта и одежды, которые еще не вышли из употребления в народе, в том числе и украшенные вышивкой полотенца. Так была заложена основа коллекции текстиля музея. В 1-й четверти XX века работу по пополнению этнографической коллекции продолжило Костромское науч-

ное общество (КНО) по изучению местного края. В 20-30-е гг. XX века коллекцию народной вышивки собирали сотрудники этнографического отдела музея местного края, антрополого-этнографической станции (организованной КНО в 1922 г.), а затем этнологической станции (1923 г.). Е. Дмитриева, Е. Полянская, Н. Калиткин и другие. Г.И. Лебедев в 20-40-х годах XX века собрал вещественный и информационный материал по вышивке полотенец Солигаличского и Чухломского уездов и их роли в обрядах⁴.

С 1958 года, времени создания Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», проводилась планомерная работа по комплектованию коллекции народной вышивки. В 70-80-х годах XX века на северо-западе области работали следующие экспедиции музея: в Солигаличский и Буйский районы под руководством Ушакова (1960 г.); в Чухломской, Кадыйский и Судиславский районы в составе научных сотрудников С.Д. Масалевой и М.С. Шаховой (1968 г.); в Буйский и Сусанинский районы под руководством С.С. Катковой, заведующей отделом древнерусского и народного искусства музея-заповедника (1971 г.); в Солигаличский район под руководством А.Н. Мазериной, заведующей отделом народной архитектуры и быта музея-заповедника, научные сотрудники С.Д. Масалева, М.В. Никешина (1975 г.); в Чухломской район под руководством С.С. Катковой, художник и фотограф А. Фуфалдин и М. Караванов (1979). Однако собранные в разные годы материалы недостаточно полно отражают народную вышивку Костромского Заволжья. Не все районы северо-запада губернии представлены равнозначно: наиболее полно Солигаличский, а Чухломской, Галичский и Буйский – незначительным количеством предметов. К сожалению, и солигаличская часть собрания не дает полного представления о вышивке этих мест, т.к. охватывает только северную часть уезда: район Совети (д. Великово, д. Германов починок, д. Харитонов Починок, д. Разливное, д. Соболево), с. Зашугомье и прилегающие к нему деревни. Совсем не представлены центральная и южная части района. Хронологические рамки собрания охватывают

столетие: со II половины XIX по 1-ю половину XX столетия. Основная часть предметов коллекции датируется 1-й третью XX века. Они представлены праздничной одеждой и вещами убранства крестьянского жилища (столешниками, полотенцами, подзорами и т.п.), украшенными вышитым орнаментом. В Костромском крае старинные сюжеты вышивки и мотивы орнамента сохранились дольше всего на концах полотенец. В народной культуре полотенце занимает особое место, являясь одновременно произведением народного искусства, отражая особенности местной художественной традиции, и предметом обрядовой жизни, орнамент которого имел глубокий смысл и раскрывал основы народного мировоззрения. На обрядовое использование полотенца указывали летописные источники, этнографы конца XIX – начала XX вв. Н.Ф. Сумцов, Д. К. Зеленгин; 1-й трети XX столетия: Е. Э. Бломквист; 2-й половины XX в. – Н. И. Гаген-Торн, И.И. Шангина, Г.С. Маслова и другие исследователи. Они отмечали, что полотенце являлось обязательным атрибутом обрядов жизненного круга, где оно исполняло функции оберега, употреблялось в обрядах аграрного, календарного циклов и других возникших в более позднее время. Участие и роль полотенца в обрядах костромских крестьян конца XIX – 1-й трети XX веков отмечены в полевых материалах музея 70-80-х годов XX века.

К сожалению, совершенно не зафиксировано использование полотенец в родильно-крестильной обрядности; очевидно, данные вопросы в то время не входили в круг научных интересов участников экспедиций. В источниках н. XX в. соседних уездов есть скурые сведения о применении полотенец в этих обрядах. Применялось полотенце и в похоронно-погребальной обрядности. Использование полотенца в похоронных обрядах Чухломского уезда в начале XX века записано Г.И. Лебедевым в 30-х годах XX в. Он отмечал, что в деревнях уезда на углу домов с покойником вывешивалось полотенце⁵. «В г. Чухломе в 40-й день на углу дома полотенце снимается и моется в воде и передается в церковь»⁶. «На полотенцах и целых кусках холста носили гроб покойника от дома до церкви и от церкви до кладбища. Если гроб до церкви, а потом до кладбища везли летом

в телеге, а зимой в санях, гроб из дома выносили до телеги или саней на полотенцах и на них же гроб вносили в церковь и после отпевания выносили до телеги или саней. Когда подвозили к ограде кладбища, гроб снимали с саней или телеги и до могилы несли на полотенцах. На могиле гроб ставился на две жерди, а полотенца снимались ... на этих же полотенцах или холсте гроб опускали в могилу. Вынимали полотно, и оно уносилось в дом покойника»⁷. «При выносе покойника из дома и до кладбища с духовенством и иконами, на крест, который несли впереди, так же вешалось полотенце». Полотенцами или холстами украшали икону в церкви в течение 40 дней; «полотенцем, а теперь небольшим куском полотна убиралась икона на могильном кресте»⁸. Полотенца использовались и в аграрных обрядах: севе, сборе урожая и т.п. Повсеместно в губернии на Егорьев день – первый после зимы выгон домашней скотины, – совершавшийся в день памяти Святого Георгия Победоносца (6 мая по н. ст.), обходили скот с ковригой хлеба, обернутой в полотенце. В случае какой-либо болезни или несчастья в некоторых селениях было принято приносить полотенце на икону в церковь, по своему обещанию⁹. Отмечено использование полотенца и в других обрядах. «При пожаре намоченное в воде полотенце обносили вокруг горящего дома с целью прекращения пожара»¹⁰.

Полотенца употребляли также в убранстве изб во время деревенских праздников, ими украшали иконы в красном углу, зеркала, развешивали на деревянных спицах (крюках) на стенах, составляющих красный угол избы¹¹. Полотенце для украшения икон назывались «к образу»; иногда его боковые края сшивали в нижней части. Подобное полотенце в коллекции происходит из д. Заяцкое Солигаличского района.

Значительна была роль полотенца в свадебных обрядах; полотенце выступало в них в качестве оберега, знака принадлежности к определенному семейно-родовому коллективу, дара, меты участников действия, места и т.п. А вышитый орнамент, насыщенный магическими символами, по древним представлениям, оделял благополучием, достатком, чадородием, ладом в семейной жизни. В свадебном действе полотенце выступало

«неотъемлемым атрибутом, имеющим непосредственное отношение к невесте. Если в семье жениха полотенце было необходимо для встречи молодых с хлебом-солью от венца, и одно или несколько для украшения упряжи лошади при снаряжении свадебного поезда, то полотенца невесты использовались на разных этапах обряда с различными целями»¹². А.П. Косменко, исследовательница народной вышивки вепсов, считает, что невеста свадебными полотенцами маркировала участников свадебной церемонии, свадебный «поезд» и помещения, т.е. «все то новое пространство, которое она осваивает. И где ей в дальнейшем надлежит жить»¹³. Анализ экспедиционных, фондовых, архивных материалов свидетельствует о том, что полотенца на северо-западе Костромской губернии являлись необходимой частью приданого невесты и участвовали в обрядах на различных этапах подготовки и в день самой свадьбы. Об использовании полотенца в свадебном обряде Чухломского уезда 1-й трети XX века оставил подробные записи Г.И. Лебедев, бывавший на свадьбах у своих родных в д. Степаново и друзей в д. Кабаново (где он работал учителем и заведующим школой). Применение полотенца в свадебных обрядах упоминается также в материалах экспедиций института этнографии в Костромскую область 1972 года под руководством Г. Г. Шаповаловой, Л. С. Лаврениевой; комплексных экспедиций по Чухломскому району 1990-2000-х годов Московского университета, Российской академии музыки им. Гнесиных и Государственного республиканского центра русского фольклора¹⁴. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что о количестве полотенца «для раздачи их родне жениха» договаривались во время сватовства родители жениха с родителями невесты. «Выговаривали полотенца, сколько родни. На всех чтоб были полотенца. Полотенца все вышитые, хорошие...»¹⁵. По архивным данным, число полотенца, которое «выговаривали» родители жениха в Чухломском уезде в 1-й четверти XX века, было различно: от 25 -35 (д. Тимофеевское, д. Кабаново) до 50 (д. Ивково)¹⁶. Полевые материалы Солигаличского района указывают 25 полотенца (д. Германов починок); 20-22 полотенца (д. Харитонов починок) для даров родне жениха¹⁷.

К «сговоренке», так называли просватанную девушку, приходили подруги – «во время девишника и всю неделю перед свадьбой помогали невесте вышивать полотенца и подзоры. Полотенца были с прошивками, с вышивкой, кружевами, ленточками»¹⁸. За сватовством, как было заведено в деревнях Чухломского уезда, следовало Богомолье. После Богомолья было принято жениху приезжать к невесте на поцелуй. «Жених перед свадьбой приезжал...двух братовой и сестер привозил. Подарками мы обменяемся с ним да поцелуемся. Он сладкое дарил, гостинцы разные. Я ему полотенце...»¹⁹. Накануне свадьбы в дом к жениху привозили в сундуках приданое и постель от невесты. В Чухломском уезде в 1-й трети XX века было принято три полотенца вешать на зеркало, несколько на переборки, два – на кровати молодых. Концы полотенца были обычно вышиты «гладью или по канве. Эти полотенца никому не дарятся, они висят все три дня свадьбы в качестве украшения в избе»²⁰. В пос. Ворваж постель к жениху привозили подруги невесты: ... «В девишник мы постель привозили... тут же и устилаем. Сколько приданого дадут, столько и стелим. Да так надо положить, чтобы все узоры простыней были видны – один под одним...»²¹ По преданиям, молодой должен был проспаться все простыни, а узор-оберег подзоров способствовал обеспечению многочадия, благополучия, доброй семейной доле. «В день свадьбы, когда дружка с полудружьем и сватом едут за женихом и невестой, чтобы отвезти их в церковь для венчания, то у дружки и у свата через плечо с правой на левую сторону бывают завязаны полотенца, которые остаются после свадьбы в их полной собственности»²². В церкви во время венчания под ноги жениху и невесте стелили «подножье» – небольшое полотенце до 80 см длиной, украшенное вышивкой или узорным ткачеством, кружевом. Повсеместно была распространена примета – «если молодая хочет властвовать над мужем, то она старается встать прежде жениха на «подножник» и занять на нем как можно больше места»²³. От венца молодых встречали и благословляли родители: «Приводят прямо на повить: там встречают – хлеб, соль, свечка да полотенце»²⁴. Затем проходили в дом. Как отмечали информанты селений Ворваж,

Савватово, Судай Чухломского уезда, «Столы все были полотенцами закрыты, никакую закуску не видно»²⁵. Свадебные действия сопровождалась дарением полотенца. «Во время свадебного стола сама невеста или от ее имени родители дарят полотенцами родных жениха: отца, мать, братьев, сестер, дядей, тетей и других его родственников. «Лучшие полотенца дарят ближней родне, а несколько похуже качеством – более дальним его родственникам»²⁶.

Как считают исследователи, с помощью этих даров устанавливалась связь между двумя родами. Свадебные полотенца Солигаличского и Чухломского уездов II половины XIX- I трети XX веков имели названия: «дары», «повязки» выполнялись в различных техниках шитья, по домотканому полотну. На полотенцах вышивали: «Кого люблю, тому дарю»; «Люблю и тешу, для того и полотенце вешу»; «Люблю сердечно, дарю навечно». Музейные материалы свидетельствуют, что надписи не отличались разнообразием. Чаще на полотенцах были вышиты инициалы девушки или того лица, кому оно предназначалось в дар. Для матери жениха, свекрови готовилось невестой особое полотенце. Только в Солигаличском и Чухломском уездах оно имело название «свекровница». В других уездах также дарили свекрови вышитое и украшенное узорными тканями прошвами полотенце, но особого названия оно не имело. По описанию Г. Лебедева в Чухломском уезде такое полотенце было размером от 4 до 6 аршина, иногда длиннее. Узоры на концах этого полотенца располагались следующим образом: вышивка по канве цветной бумагой, следом за ней цветная лента, «далее идет связанная или купленная в магазине кружевная лента, затем опять вышитая прошва и за ней идет «пялешник», то есть концы, вышитые на пяльцах, шириною не менее 8 вершков. Лучшей свекровницей считается такое полотенце, где больше и шире рукодельные концы, сделанные самой невестой»²⁷. Подобные полотенца удалось приобрести в деревне Большое Токарево в экспедиции 1975 г. Жительница деревни Морозова Раиса Егоровна сообщала: «Такие полотенца дарили свекрови. Выходил дружка из-за стола празднич-

ного с полотенцем в руках, вставал на скамейку и, обращаясь к гостям, наговаривал:

*«Наша невеста не по лесу ходила,
Не шишки собирала,*

А пряла, да ткала, да дары смекала» – и обращался непосредственно к матери жениха, т. е. к свекрови – «Дорогая свахонька, наши дары примите, да невестку любите». Таким образом, свекровница на время оставалась в семье свекрови, иногда и на всю жизнь, если у нее не было дочерей, а только сыновья. А если была дочь, да еще не выдана, то свекровь отдавала полотенце дочери, а дочь, в свою очередь, дарила своей свекрови²⁸.

*Полотенце «Свекровница». Начало XX века.
Д. Большое Токарево, Солигаличский уезд,
Костромская губ.*

Многие свадебные действия сопровождались дарением полотенца. Одним из распространенных встречающихся во всех уездах губернии было одаривание стряпухи, готовившей угощение на свадебный стол. «После того как за свадебными столами у не-

весты и жениха кончается первая холодная закуска, вслед за которой на стол должны подаваться горячие блюда (суп и прочие), печь у поварушки запирается. Жених с дружкой идут отпирать печь с участием и других лиц, а когда печь отпрут, т.е. откроют заслонку, тогда поварушка выходит к гостям и просит у гостей, родителей невесты и жениха (в зависимости от того, у кого идет стол) дать ей «прихватку»: – А то руки обожгу, щи пролью и гостей голодными оставлю. Невеста поварушке

должна подарить полотенце или платок. После этого поварушка наливает в блюда горячий суп и ставит его на столы»²⁹.

По традиции шитые полотенца широко использовались и во время других свадебных обрядов: ими выкупали постель у дружки, веник для бани и т.п. Важная роль полотенца в обрядовой жизни способствовала тому, что вышивка во II половине XIX - I-й трети XX веков являлась распространенным занятием женской части населения северо-запада губернии. «...В нашей местности искусство вышивания по канве распространено весьма сильно. Трудно, даже очень, встретить девушку, не умеющую вышивать; многие не могут сшить простой кофты, но вышивать умеют», – писал в начале XX века корреспондент «Этнографического Бюро» князя В. Тенишева из Солигаличского уезда³⁰.

В Чухломском уезде рукоделие было распространено не во всех селениях. Так, в Просековской волости вышивка полотенца и вязание к ним крючком кружев в начале XX века встречается уже как редкость³¹. Домашняя вышивка, со слов крестьянок – «шитье», была женским, а точнее, девичьим занятием. Взрослые женщины редко садились за вышивание, так как много было другой работы по хозяйству и забот о семье и детях. Полотенца, которые ткали и вышивали в девушках, должны были сопровождать женщину всю жизнь. Лет с 8-9 крестьянская девочка начинала осваивать это рукоделие под руководством матери, старшей сестры или бабушки. Занимались вышивкой дома и на посиделках, которые зимой устраивались в избе у какой-нибудь одинокой старушки. Среди молодежи показывали себя, свое умение, прилежание к работе и мастерство, что играло немаловажную роль в сложении пары. Парни всегда обращали внимание на ловкую, проворно работающую девушку. Занимались шитьем, в основном, готовя для себя приданое. Свадебные полотенца изготавливали из тонкого льняного полотна ручного ткачества: гладкое, без изъянов, обычно выбеленное на насте и выстиранное в снежной воде. Также использовалось полотно из смешанных нитей (основа – лен; уток – хлопчатобумажная нить) и из фабричной ткани (редко). В Солигаличском и Чухломском уездах почти все по-

лотенца изготавливали из ткани полотняного переплетения. Ширина домотканого полотна была различна: от 36-38 см в Чухломском уезде; до 46 см – в Солигаличском, это зависело от ширины применяемого в данной местности ткацкого стана.

Основными инструментами и приспособлениями для вышивания были иголки, бумага, ножницы, канва, рисунки для вышивания по канве, пяльцы – «пельца», «пялы», как говорили крестьянки. Пяльцы бытовали круглые и квадратные. Квадратные пяльцы в каждой местности имели свои размеры, которые могли зависеть и от размера вышивки. Описание пяльцев, бытовавших в д. Белово Чухломского района, встречается в материалах Г.И. Лебедева: «пяльцы представляют собой квадрат из 4-х брусков, сделанных из ели или из другого дерева, длиной и шириной солигаличские – 65 см; чухломские (д. в Кузнецово) – 72 см. Каждый брусок толщиной 2,5 см. На концах двух брусков сделаны выемки для установки других брусков с утонченными концами. В местах их соединения сделаны отверстия, в которые вставлены деревянные гвоздики в количестве 4-х штук. Снаружи рамки пяльцев выставляются концы брусков длиной каждый до трех см. На все четыре бруска веревочкою привязывается «опушка», сшитая из толстого полотна или холста длиной 65 или 72 см (по величине пялец) и шириной в сшитом виде 6 см, а в несшитом – 12 см и даже больше. Внутри каждой опушки вставляются деревянные палочки (65-72 см) шириной по 2 см. В опушке было сделано 8 отверстий или проранок, края которых внутри обшиваются нитками. В эти отверстия вдевается веревочка, с помощью которой опушка привязывается к брускам пяльцев, носящих название «пялешников». Все отверстия опушки находятся на равном расстоянии одна от другой: от 6 до 8 см. Для вышивания концов полотенец отрезался кусок полотна по размеру пяльцев, пришивался к концам опушки, а опушку привязывали к пялешникам, туго натягивая пришитый к опушке кусок полотна. На полотно наносился рисунок для вышивания»³².

В д. Б. Токарево Солигаличского уезда встречались пяльцы прямоугольной формы. «Пяльца состояли из 4-х узеньких дощечек, скрепленных между собой в местах стыковки гвоз-

диками. Когда брали полотно для вышивания, то к кусочку полотна пришивали кругленькие тоненькие палочки – зажимчики. Затем полотно укладывали на пяльцы и к пяльцам пришивали дратвой кусок полотна с обратной стороны, затем начинали вышивать. Пяльцы были размером 30x40, а иногда и больше. Это зависело от вышивки узора. Если «пелешник» большой, то и пяльцы были большие»³³.

Материалы для вышивания использовались домашнего приготовления и покупные: различные нитки – льняные домашние суровые и отбеленные, хлопчатобумажные; шерсть (гарус) и домашнего приготовления и крашения анилиновыми красителями в яркие цвета; полотно тонкое белое домотканое, очень редко фабричное. В одних селениях чаще использовались нитки домашнего приготовления, в других «нитки покупные, крашеные». В конце XIX – начале XX веков пряжу красили анилиновыми красителями, до появления анилиновых красителей для окрашивания использовались растительные материалы. Ольховые корни давали красный цвет. Болотная трава-толокнянка и ржавчина использовались для получения желтого цвета. При кипячении окрашенных в желтый цвет ниток в настое из листьев полыни и волчьих ягод добивались темно-зеленого цвета. Для достижения большей прочности окраски использовали соль и щелок. С целью беления пряжу парили в печи в чугунах с золой.

Для солигаличской народной вышивки II половины XIX – I трети XX вв. характерна полихромная гамма с включением нетипичных для крестьян желтого, оранжевого, сиреневого цветов. Чухломская вышивка, в основном, монохромная, белой нитью (льняной или хлопчатобумажной) по белому полотну, иногда могли использовать шелк пастельных тонов.

Согласно имеющимся источникам в I трети XX в. на территории уездов бытовали следующие техники вышивания: по неразрезанной ткани – двусторонний шов (роспись), набор, крест, тамбур, гладь; по разрезанной ткани – различные виды строчки. Старинный шов «роспись» был известен в Солигаличском уезде, однако его бытование отмечено единичными предметами. По-видимому, эта техника не была распространен-

на в уездах на рубеже XIX – I трети XX вв., или же этот материал просто не отложился в коллекциях. Выполнялся техникой «вперед иголку» красной нитью по белому полотну. В этой технике выполнено домотканое льняное полотенце (238 x 35 см) начала XX века из с. Зашугомье Солигаличского уезда. Материал вышивания – лен красно-коричневого цвета. На концах полотенца вышивка (6,5 x 35 см); к

*Домотканое льняное полотенце.
Начало XX века.
Солигаличский уезд,
Костромская губ.*

краям пришито кружево, вязанное крючком. Узор составляют четыре одинаковые по величине и рисунку мотива – ромба, равномерно расположенные по горизонтальной линии. Каждый ромб внутри имеет заполнение геометризованными цветами. От внешних сторон ромба отходят побеги и цветы, образуя квадрат.

По композиции (ряд тождественных мотивов) и орнаменту солигаличская роспись значительно отличается от вышивки двусторонним швом Костромского и Кинешемского уездов. К старинным швам можно отнести и строчку, которая является самой распространенной и преобладающей техникой вышивания в Солигаличском и Чухломском уездах во II половине XIX – начале XX веков. В Солигаличском уезде полотенца, шитые строчкой, называли «пелешники», так как выполнялись в пяльцах – «пялах». О времени появления этой техники в народной вышивке в среде специалистов нет единого мнения. Г. С. Маслова, известный этнограф, полагает, что на Севере и в центральных областях значительное распространение белой строчки относится к концу XVIII – началу XIX веков³⁴. К.Г. Беренс, изучавшая женские рукоделия в начале XX века, утверждала, что «техника белой строчки имеет древнее происхождение ... и распространение, главным образом, в Костромской, Рязанской, Владимирской, Московской губерниях»³⁵. Основным

признаком этой техники является разреженная ткань в основе и утке. Образовавшаяся сетка перевивается разными способами. По величине встречалась крупной (выдергивались 6-8 нитей) или мелкой (3-4 нитки). В начале XX века в Солигаличском уезде сетка, как правило, была с крупными ячейками, слабо перевитая, рыхлая. В Чухломском – мелкая и плотная. По сетке различными способами выполнялся узор: настилом (наложение нитей узора в определенном направлении); станью (заполнение выдернутых ниток неперевитой сетки); строчевыми разделками, т. е. разнообразными узорными заполнениями. Все виды строчки подразделяются на белую и с введением цветной нитки в обводку контура и разделку деталей узора. По сообщениям информантов деревни Германов починок Солигаличского уезда, «вышивка в пльцах – сложное занятие, полотно для пелешников с края подрезали ножиком, выдергивали нитки и обметывали белыми нитками; получалась сетка, затем намечали рисунок. Рисунок изображали на бумаге, а потом делали наметку по канве. Сначала шел застил по канве белыми нитками в строчку по перевити; иголку втыкали то в один угол сетки, то в другой, как бы перевивали, получался застил сетки, намечался узор; затем этот узор обшивался разными цветными шерстяными нитками швом вперед иголку, и получалась прекрасная гамма цветов – получался узор. Таким узором, строчка по перевити, вышивались также кофты и фартуки»³⁶.

Узор в белой строчке выявлялся различными способами, чаще применялся настил. Этот способ заполнения сетки использован А. А. Тюшковой, крестьянкой д. Великово Солигаличского уезда в вышивке концов полотенца начала XX века, местное название «пелешники». Шитье выполнено хлопчатобумажными нитками белого цвета по домотканому льняному полотну. Основная полоса орнамента ограничена верхним (ширина 2 см) и нижним (полоса мережки шириной 0,8 см) подзорами. Композиция «середки» трехчастная: в центре – столпообразная фигура, по сторонам которой изображены ладьи одинакового размера и рисунка с произрастающим деревом. Настил, выявляющий узор, положен ровно и плотно и рельефно

Концы полотенца «пелешники». Начало XX века.
Д. Великово, Солигаличский уезд,
Костромская губ.

выделяет рисунок. Интересно и редко по своему исполнению кружево, вязанное спицами, мысами обрамляющее край концов полотенца.

Стлань была распространена в тех же селениях (деревни Великово, Нетесово, Колесниково, Соболево, Лихотинка,

Лузгалово), но встречалась значительно реже. Стланью заполнен узор в полотенце «дары». Оно выполнено из домотканого льняного полотна; материал вышивания – льняные отбеленные и шерстяные цветные нитки домашнего крашения. По сведениям учетных материалов, вышивала полотенце и ткала крестьянка д. Соболево Солигаличского уезда Л.К. Серогодская в начале XX века. Такие полотенца невеста дарила родным мужа; в свадьбу украшали избу – вешали на переборку и зеркала. Концы полотенца украшены полосами узоров, выполненными различными техниками: бранным ткачеством (узор «ременья»), полосами фабричного текстиля (кумач), вышивкой, кружевом, плетеным на коклюшках. Композиция шитья трехчастная: в центре представлено стилизованное дерево, по сторонам которого симметрично размещены одинаковые по размеру и рисунку побеги с цветами. Стлань, заполняющая узор, положена ровно, неплотно, отчего орнамент воспринимается легким и воздушным. Цветная шерстяная нитка, проходящая по контуру узора, рельефно его выделяет и гармонично сочетается с цветовой гаммой тканых узорных прошив. Из строчевых разделок встречается также и воздушная петля, придающая вышивке ажурный вид. Отмечено бы-

тование в с. Зашугомье, деревнях Разливное, Колесниково, Б. Токарево, Чухломской уезд, г. Чухлома. В вышивке ряда полотенец Чухломского уезда реже Солигаличского узор выполнялся одновременно несколькими способами: стланью, настилом, различными строчевыми разделками. Из всех видов строчки наиболее сложным по исполнению является «шов по письму», где раздергивается фон, а узор составляется из цельной ткани. Контур орнамента закрепляется тамбурным швом в один – три ряда. Мотивы из цельной ткани покрываются так называемыми «атласниками» – различными геометрическими фигурами, выполненными счетной гладью. В Костромской губернии в этой технике выполнялись концы полотенец, в основном, в Солигаличском (с. Зашугомье, д. Колесниково), и Чухломском (г. Чухлома, д. Исаково, д. Еремейцево) уездах.

Самая распространенная техника шитья в Костромской губернии I-й трети XX века – крест (глухой односторонний шов), встречалась на территории вышеназванных уездов довольно редко, что подтверждается музейными материалами. Вышивка выполнялась по канве мелким плотным стежком. Большая часть сюжетов были взяты с образцов печатной продукции, которая проникала в деревню в начале XX века: с оберток дешевого мыла фабрик Брокар и Ралле, на которых печатались узоры вышивок и специальных картинок – образцов для вышивки, приложениях к журналам «Нива» и «Родина». Наиболее часто встречались следующие растительные мотивы – изогнутая ветвь или волнообразный стебель, расположенный горизонтально, с равномерно отходящими от него листьями, цветами, бутонами. Самым распространенным цветочным мотивом являлись розы. Широко известны в вышивке были также сюжеты на темы деревенской жизни: сельский пейзаж с тройкой лошадей; жанровые сценки на фоне изб и деревьев. Как правило, такие сюжеты можно видеть на полотенцах г. Чухломы или подгородних селениях, т.е. расположенных рядом с городом. На одном из полотенец начала XX века представлены сцены крестьянской жизни: девица, кормящая кур, играющие дети, домашние животные; на заднем плане – избы, мельница, деревья.

Эти сюжеты, отличающиеся только цветовой гаммой и техническим уровнем исполнения, можно встретить в различных областях страны. Никакого отношения к традиционному народному творчеству они не имеют и характеризуют один из периодов развития народного искусства. Материалы собрания Солигаличского района свидетельствуют об отсутствии сюжетной вышивки по печатным картинкам на территории района. В шитье некоторых полотенец, выполненных крестом, сохранялись традиции народного искусства в композиции, орнаменте.

Тамбурный шов, характерный для Костромской губернии, не получил распространения в Солигаличском и Чухломском уездах во II половине XIX – I трети XX веков. В музейных коллекциях шитье тамбуром представлено единичными предметами.

Таким образом, характерной, типичной, традиционной для Солигаличского и Чухломского уездов техникой шитья в конце XIX – I трети XX веков являлась строчка. Анализ музейных материалов позволяет утверждать, что для Чухломского уезда характерна, в основном, белая строчка, а для Солигаличского наиболее типично введение цветной нитки в обводку контура и разделку деталей орнамента.

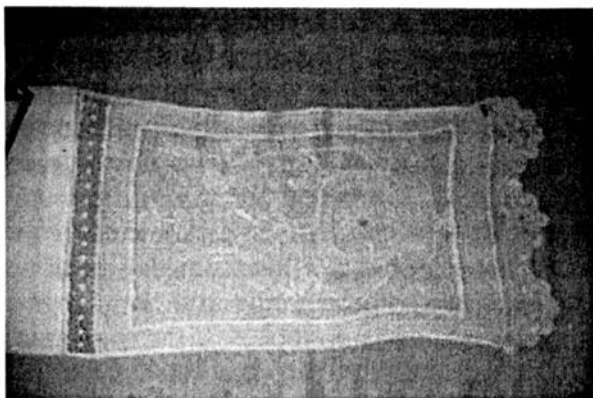
Сюжеты и мотивы орнамента народной вышивки Солигаличского и Чухломского уездов не отличаются разнообразием; в коллекциях представлены растительные, орнитоморфные, геометрические и единичные предметы с зооморфными и антропоморфными мотивами. В I трети XX века широкое распространение получил растительный орнамент: символические деревья, геометризованные цветы, волнообразные побеги, реалистически трактованные растения. Использование растительного орнамента в вышивке обрядовых полотенец связано с тем, что «в различных мифопоэтических системах растения обладают особым «вегетативным» кодом – с ними связана символика плодородия, новой жизни, процветания и т.д.»³⁷. Самый распространенный мотив растительного орнамента костромской вышивки и Солигаличского, и Чухломского уездов в том числе – это дерево в различных вариациях. «Центральная роль дерева в вышивке восходит к мотиву мирового дерева –

универсальной модели мира. Древо жизни актуализирует мифологические представления о жизни во всей полноте ее смыслов, подчеркивая восходящую линию жизни: от рождения к максимальной стадии роста – цветению и плодоношению...»³⁸

Мотив мирового древа к концу XIX – началу XX веков утратил свое основное значение и осмысливался как традиционный декор на концах полотенец в виде стилизованного дерева или пышного цветка. Обычно такое дерево встречалось в трехчастной композиции, где оно занимало центральное место; в одночастной отмечено стилизованное дерево сложного рисунка с птицами на нижних или верхних ветвях; в рядовой – ряд одинаковых деревьев. По рисунку деревья-цветы солигаличской вышивки делятся на следующие типы: 1) стебель с симметрично отходящими ветками (как у елки); ветки-листья и верхушка как у клена; ветки-цветы в виде василька; ветки-завитки с тюльпаном на верхушке; 2) фантазийное дерево сложного рисунка стилизованное с симметричными плавных линий ветвями; 3) дерево-цветок со стволом-вазой и длинными тонкими ветками с листьями. Мотив дерева в различных вариантах был распространен в деревнях Колесниково, Германов Починок, Разливное, Соболево, Нетесово, Б. Токарево, с. Зашугомье (Солигаличский у.). В Чухломском уезде мотив дерева был известен, но не получил широкого распространения. На концах полотенца г. Чухломы представлен один из вариантов мотива древа, выполненный белой строчкой: тонкий стебель в вазоне с цветком на верхушке, от которого отходят длинные изящные веточки с листьями и цветами. В средней части среди ветвей сидят две повернутые друг к другу и стволу-стеблю птички. Вся композиция равномерно расположена по ткани, несколько вытянута по вертикали. Различные строчечные разделки делают вышивку легкой, ажурной, прозрачной.

Вторую по численности группу растительных мотивов занимает волнообразный побег, размещенный горизонтально, с отходящими от него листьями, цветами, плодами. Значительно реже среди растительных мотивов встречаются реальные растения: наряду с местными видами, такими, как рябина, смородина, шиповник, широкое распространение в начале

*Домотканое льняное полотенце. XIX век.
Чухломский уезд.
Вышивка: строчка. Кружево.*

XX века получил мотив розы. Этот мотив проникает в крестьянскую среду из городского орнамента и постепенно вытесняет другие растительные мотивы. Орноморфный орнамент в вышивке был также известен в Солигаличском и Чухломском уез-

дах. Широкое распространение этих мотивов, которые встречались также и на бытовых крестьянских предметах, посуде, орудиях труда, исследователи связывают с тем, что культовое значение птицы на территории костромского края прослеживается еще с каменного века, когда она была отмечена в связи с магическими обрядами древних охотников и рыболовов. В средневековый период мотив птицы отражал уже иной круг верований, в основе которого лежали представления о космогонической, т.е., связанной с созданием мира сущности водоплавающей птицы, о чем свидетельствуют мифы финно-угорских народов.

Также, по языческим представлениям, магическая защитная роль этих мотивов – обеспечивать плодovitость и рождаемость, что было необходимо для выживания древних родов³⁹. На основании имеющихся данных можно выделить несколько типов изображения птиц в шитье: геометризованная фигура с крупным удлиненным туловом, короной на голове, поднятым крылом и пышным хвостом; обобщенный образ птицы, изображенной со сложенными крыльями, поднятой головой; геральдический двуглавый орел, характерный мотив орнамента русского средневековья; реалистические птицы – голубки, петухи. В собрании музея эти мотивы представлены

единичными предметами и происходят из деревень Великово, Колесниково, Б. Токарево, Германов починок Солигаличского района. В чухломской вышивке орноморфный орнамент был представлен значительно шире (г. Чухлома, деревни Савино, Семеновское, Яковлевское). Геральдический двуглавый орел встречается, в основном, в вышивке Чухломского района. На концах полотенца из д. Исаково представлен двуглавый орел, выполненный в технике «шов по письму» отбеленными льняными нитками. Изображение традиционное – с короной, державой и скипетром в лапах; вся композиция заключена в двойную рамку мережки.

Любимый в крестьянской среде сюжет вышивки с птицами, сидящими на дереве или летящими к нему, был также распространен в этих уездах. Птица на дереве – традиционный орнамент свадебного полотенца – символ райского сада, пожелание и привлечение благополучия, чадородия. В каждой местности складывался свой сюжет с птицами на ветвях, устойчиво повторяющийся с небольшими отличиями в деталях. В Солигаличском уезде, на Совете – это символическое дерево-цветок, длинные ветви которого равномерно плавными изгибами заполняли всю плоскость ткани. На верхних вет-

вях изображали по птице небольшого размера со сложенными крыльями и обращенными к центру композиции и друг другу. Образ птицы был решен обобщенно. В нижних или верхних углах вышивали буквы (инициалы владельцев или одариваемых. Исполняли в

Фрагмент полотенца «Свекровница».
Начало XX века.
Д. Б. Токарево, Солигаличский уезд,
Костромская губ.

технике строчки с обводкой контура цветной ниткой, иногда и разделкой некоторых деталей цветом.

Мифологические сладкоголосые птицы славянских легенд Сирин и Алконост – характерные мотивы для шитья Костромского уезда, источником которых явились лубочные картинки к. XVIII – н. XIX веков, не получили распространения в Солигаличском и Чухломском уездах. Терратологические мотивы зафиксированы только в вышивке концов полотенец деревни Сосновая (Солигаличский у.). Птица Сирин изображена сидящей на символической ветке, с короной на голове, поднятыми крыльями и пышным хвостом-веером. Ветка образует круг, украшенный листьями, веточками, завитками, замкнутый на уровне крыльев сирина. Композиция рядовая.

Зооморфный орнамент в солигаличской и чухломской вышивке начала XX в. редкое явление. По музейным материалам выявлены несколько мотивов: лев-барс; конь-лев; олень. Мотив оленя встречается не в самостоятельных композициях, а как элемент подузора. В коллекции представлен только один предмет, в шитье которого в подузоре изображен мотив оленя. Львы-барсы, характерные мотивы средневековья, также встречаются в вышивке полотенец. В среде этнографов считается, что на территории Костромской области преобладает северо-восточный мотив льва-барса (классификация Г.С. Масловой). Этот извод характерен и для Ярославской и Вологодской губерний. На концах полотенца Чухломского уезда конца XIX – начала XX вв. в двухчастной композиции представлены одинаковые по рисунку и размеру львы-барсы, свободно и равномерно расположенные на плоскости ткани; изображены в профиль, направлены друг к другу, одна передняя лапа поднята. Между поднятыми лапами барсов изображена птица с раскрытыми крыльями. По фону – геометрические фигуры (квадраты, кресты, треугольники). Вышивка выполнена в технике строчки; различные строчечные разделки «розетки», «соты» и т.п. делают фигуры львов узорными, а всю вышивку ажурной. К краю пришито кружево, плетенное на коклюшках. В шитье Солигаличского уезда (с. Зашугомье) зафиксирован совершенно иной рисунок льва-барса, более характерный для

северо-запада европейской России. Фигура льва изображалась как бы в прыжке: животное опирается на задние лапы, а обе передние подняты. Зашугомское полотенце выполнено из домотканого льняного полотна; материалом для вышивания

*Конец полотенца.
Чухломский уезд, Костромская губ.*

служат хлопчатобумажные нити белого цвета. Техника шитья – строчка белая (настил, меретка), крест (мелкий, плотный). К краю пришито кружево – полоса тюля. Композиция вышивки – трехчастная: в центре изображено стилизованное древо в виде

стебля тюльпанов с завитками-листьями. К нему направлены одинаковые по рисунку и размеру фигуры львов, изображенные в профиль, стоящими на задних лапах с поднятыми хвостами и коронами на головах. Одной передней лапой львы опираются на вазу, другая поднята вверх к дереву.

*Домотканое льняное полотенце.
Конец XIX – начало XX веков.
С. Зашугомье, Солигаличский уезд,
Костромская губ.*

В шитье одного из солигаличских

полотенец (собрание ГРЭМ) отмечен необычный рисунок животного – конь с хвостом льва - барса.

Антропоморфные мотивы также нетипичное явление в вышивке этих мест. Композиции с антропоморфными мотивами содержат древние архаические элементы: лады, алтари, солярные знаки. На одной из вышивок Солигаличского уезда чередуются два сюжета. Композиции сюжетов трехчастные; центральной фигурой первого является птица с поднятым крылом и короной на голове, по сторонам которой – геометризованные женские фигуры с воздетыми руками. В центре композиции второго сюжета изображено стилизованное дерево, по сторонам – женские фигуры с воздетыми руками. На концах полотенца из коллекции Российского этнографического музея в центре трехчастной композиции представлена геометризованная женская фигура, держащая одной рукой ветку-цветок, другой – коня-барса под уздцы. Согласно имеющимся источникам можно предположить, что антропоморфные мотивы были известны в вышивке уездов, однако на рубеже XIX-XX веков они были вытеснены другими сюжетами и мотивами.

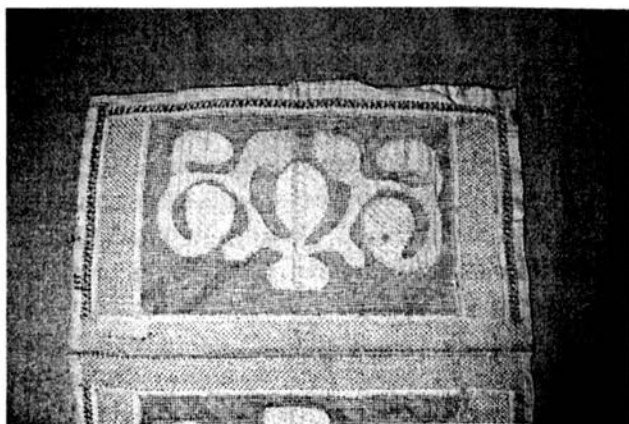
Геометрический орнамент, наиболее древний и архаичный, в вышивке представлен недостаточно широко. Выполнялся в технике строчки, двустороннего шва. В солигаличском шитье геометрический орнамент встречается как самостоятельный мотив и в подузоре как дополнение к основному орнаменту. В Чухломском – в основном, в подузоре. Самые распространенные мотивы подузора – ряд треугольников, ромбов, квадратов, наклонных параллельных отрезков и т.п. Композиции самостоятельных геометрических узоров представляют ряд, состоящий из 3, 4 и более мотивов. Один из подобных орнаментов изображен на домотканом льняном полотенце начала XX в. с. Зашугомье (Солигаличского у.). Оно вышито в технике строчки льняными отбеленными нитками. Плотный рельефный настил выявляет четыре одинаковых мотива, равномерно расположенных в одном горизонтальном ряду: ромбов с треугольниками на вершинах и квадратами внутри.

Исследователи народной вышивки считают, что, в основном, этнографические коллекции музеев зафиксировали русскую

геометрическую орнаментику уже на стадии ее разложения и исчезновения. В период исчезновения традиционного домашнего производства и проникновения в деревню фабричных товаров и городской моды вышивальщицы стали произвольно дробить и перекомпоновывать старый узор, создавая поистине бесконечное разнообразие новых простейших элементов⁴⁰.

Анализ орнаментов народной вышивки Солигаличского и Чухломского уездов позволил выявить локальный мотив, зафиксированный в кон. XIX – нач. XX вв. и устойчиво повторяющийся с небольшими вариациями в шитье ряда селений: с. Зашугомье, д. Б. Токарево, д. Германов починок, д. Нетесово, д. Колесниково (Солигаличского у); д. Еремейцево, д. Кабаново, д. Нелидково, г. Чухлома, д. Семеновское (Чухломского у.) Мотив представляет фигуру неопределенной формы, причудливых очертаний в центральной нижней части, напоминающую (в одном из вариантов) «рожаницу». Мотивы встречаются двух типов: с выраженным центром в виде вертикально расположенного стилизованного стебля, с фантазийным цветком на верхушке и отходящими от него расплывшимися «отростками»; центр мотива без вертикали, «отростки» направлены вниз. Выполнялся только в технике строчки («шов по письму»). Эти мотивы как бы выпадают из общей системы классификации орнамента, однако подобные элементы отмечены на других территориях Севера – в Архангельской и Вологодской губерниях. «Крупные мотивы плавных очертаний, выполненные в технике набора с обводкой двусторонним швом или тамбуром по контуру, в которых угадываются синкретичные растительные изображения с чертами зоо- или антропоморфизма, выделяются в качестве локальной особенности Каргополя⁴¹. Подобные мотивы встречаются и в вепско-карельском шитье. В. Сурво выделяет несколько видов этих мотивов и считает, что одни из них представляют соединение антропоморфных и растительных образов, другие – зооморфных и растительных, и связывает их с «мифологическими представлениями о мироздании как единстве растений, животных и людей. В узорах эти три ипостаси переплетаются, оказываются тождественными, актуализируя представления о женском начале, о плодородии.

Все эти понятия становятся особенно важными в предсвадебный период и непосредственно в свадебном ритуале, для которого и заготавливалось большое количество вышивок»⁴². Эти мотивы могли проникнуть на территорию северо-запада Костромской губернии в результате миграционных процессов. Каргополье, Пудожье и Заонежье в XIX – I четверти XX веков входили в состав Олонецкой губернии. Выходцы из Олонецкой губернии, которых называли «олоньцы», проживали в Какшинской волости Ветлужского уезда. Возможно, переселенцы были и в этих местах. Г.С. Маслова относит подобные мотивы к «лягушкообразным». Лягушкообразные антропоморфные изображения отмечены в Тотемском у. Вологодской губ⁴³. Все они несколько напоминают солигаличские мотивы. Солигаличский и Чухломской уезды граничат с Вологодской губернией. Близость территорий, вероятно, способствовала проникновению и распространению этих мотивов в вышивке северо-западных районов Костромской губернии. Можно предположить, что это один из вышеназванных мотивов, с течением времени потерявший свои очертания от неудачного копирования и добавления разнообразных деталей. Согласно сообщениям информантов рисунки для вышивания часто «переснимали с других вещей»⁴⁴.

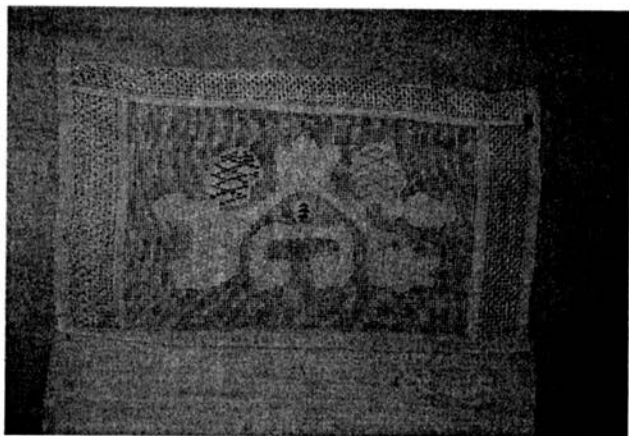

Домотканое льняное полотенце.
г. Чухлома, Костромская губ.

Композиция орнамента народной вышивки концов полотенец разнообразна. Это традиционный для старинного шитья ряд тождественных или чередующихся мотивов, редко встречающийся в других уездах; трехъярусная

композиция с основным узором – «середкой», обрамленным полосами верхнего и нижнего подузоров, не получила распространение, преобладала двухъярусная композиция – основная полоса узора чаще дополнялась нижним подузором.

*Домотканое льняное полотенце.
Солигаличский уезд,
Костромская губ.*

С начала XX в. полосы подузоров в шитье могли заменять мережки.

Композиция основного узора встречается одночастная, двухчастная и трехчастная; с преобладанием трехчастной в Солигаличском уезде и одночастной и двухчастной в Чухломском. Особенностью шитья является заключение основного узора в рамку (иногда двойную), обрамление его с трех сторон или двух боковых. Орнамент рамки выполнялся в технике строчки; узор – геометрический или растительный геометризованный. Распространение подобной рамки отмечено на северо-западе губернии – в Солигаличском, Чухломском, Буйском, значительно реже – в Галичском уездах.

Особенностью украшений концов полотенец Солигаличского уезда является включение в вышивку полос текстиля фабричного и ручного ткачества: цветные шелковые ленты, полосы кумача, набивного ситца, тюля, полосы бранного ткачества с геометрическим узором, местное название которых – «ременья». Многоцветные «ременья» красного, желтого, зеленого, сиреневого цветов являлись органичной частью шитья полотенца и усиливали звучание красок вышивки. Обычно полосы текстиля украшали свадебные полотенца – «дары» и «свекровницы».

Фрагмент полотенца «Свекровница».
Начало XX в.
Д. Б. Токарево, Солигаличский уезд.

тенце вышивки и различных прошив отмечено в деревнях: Германов починок, Б. Токарево, Разливное, Лихотинка, Соболево, Великово.

Подобные текстильные дополнения не прослеживаются на полотенцах Чухломского уезда. Учетные документы музея позволили выявить авторские работы в собрании музея и имена вышивальщиц Солигаличского уезда начала XX века: Морозова А.Р. (д. Б. Токарево); Морозова А.Ф. (д. Разливное); Дудина М. И. (д. Харитонов починок); Тюшкова А.А. (д. Великово); Смирнова А.И. (д. Колесниково); Дудина Е.Н. (д. Германов починок); Серогодская Л.К (д. Соболево).

Народная вышивка Солигаличского и Чухломского уездов интересная и самобытная часть костромского шитья XIX – I трети XX веков. Для вышивки этих уездов характерно: доминирующая техника шитья – строчка (в Чухломском уезде – белая; в Солигаличском – с обводкой контура узора и разделкой деталей цветной ниткой); распространение вида строчки – «шов по письму», бытование которой отмечено, в основном, только в этих двух уездах; наличие единого локального мотива орнамента; единого композиционного решения. Несмотря на общие черты, чухломской и солигаличской вышивке присуще своеобразие в орнаменте, колорите, композиции основного

Узорные концы солигаличских «свекровниц» достигают длины от 110-125 см до полутора метров. В одном из полотенец начала XX века (д. Б. Токарево) включено 9 разных по технике исполнения полос. Сочетание в одном поло-

узора. Представить вышивку Чухломского района во всем ее многообразии в настоящее время затруднительно, т.к. в распоряжении исследователей довольно ограниченное количество музейных предметов из этих мест.

Также не представляется возможным дать полную картину состояния народной вышивки и Солигаличского уезда: имеющиеся материалы, в основном, из северной части уезда: района Совеги и селений в округе с. Зашугомье. Труднодоступный район Совеги, удаленный от центров, закрытый лесами и болотами, представляет собой территорию, сохранившую своеобразный уклад жизни и культуру. Вероятно, поэтому в конце XIX–I трети XX веков здесь не получили распространение техники вышивки тамбурным швом, крестом, «ришелье»; орнамент, тиражированный на «мыльных» картинках фабрик «Брокер и Ралле», и красно-черная гамма вышивки, повсеместно распространенная в этот период. Несмотря на то, что в I трети XX века местные особенности народной вышивки постепенно нивелируются, район Совеги и северной части Солигаличского уезда сохранял свои самобытные черты и в орнаменте, и техниках шитья.

(По материалам коллекций Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Государственного Российского этнографического музея)

Примечания:

¹Алексеев С. А., Комаров К.И. и др. Археология костромского края. - Кострома, 1997. - С. 173

²Там же. - С. 171

³Виноградов Н.Н. Причины и время возникновения аканья в чухломском крае. Отдельные оттиски из ИО русского языка и словесности РАН, т. XXII (1917 г.), к.2-я. - С.8; Ганцовская Н.С. Лексика говоров костромского акающего острова: проблемы типологии. - СПб: «Наука», К., КГУ им. Некрасова, 2007. - С. 40.

⁴Лебедев Георгий Иванович (30.11.1905 – 1988 гг.) Член КНО с 1922 г; с 1928 по 1934 г. – директор Солигаличского музея; с 1934 по 1975 г. – директор Чухломского музея.

⁵ГАКО, ф. р-1043, д.55, л.29

⁶. ГАКО, ф. р-1043, д.55, л.30

⁷ГАКО, ф. р-1043, д.55, л.29

⁸⁻¹¹ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 30

¹²Грибанова Н.С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI века. Барнаул, 2013. - С.87

¹³Косменко А.П. Вепское изобразительное творчество XIX - начала XX в. - Л., 1984. - С.48.

¹⁴Экспедиция 1972 г. Института этнографии АН СССР, проводившаяся в плане предварительных изысканий материалов для этнографического атласа «Русские. Духовная культура»; экспедиции кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (под рук. А.В. Кулагиной), лаборатории народной музыки РАМ им. Гнесиных (под рук. Т.В. Кирюшиной) и Государственного республиканского центра русского фольклора (А.И. Шилин).

¹⁵Чухломской фольклор, под ред. Кулагиной А.В., Ковпика В.А., т 1. - М., 2012. - С. 83.

¹⁶ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 25.

¹⁷Никешина М.В. Материалы экспедиции КГИАМЗ в Солигаличский район 1975 г. Рукопись, л. 1а.

¹⁸Шаповалова Г.Г., Лаврентьева Л.С. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья.- Л., 1985. - С. 258.

¹⁹Чухломской фольклор, под ред. Кулагиной А.В., Ковпика В.А., т 1. - М., 2012.- С. 85.

²⁰ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 26.

²¹Чухломской фольклор, под ред. Кулагиной А.В., Ковпика В.А., т 1.- М., 2012.- С. 90

²²ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 26.

²³Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы «Этнографического бюро» В.Н.Тенишева. Том 1. Костромская и Тверская губ. - СПб., 2004. - С. 63.

²⁴Чухломской фольклор, под ред. Кулагиной А.В., Ковпика В.А., т 1.- М., 2012.- С. 107.

²⁵Чухломской фольклор, под ред. Кулагиной А.В., Ковпика В.А., т 1 - М., 2012. - С. 107.

²⁶ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 27.

²⁷ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 27.

²⁸Никешина М.В. Материалы экспедиции КГИАМЗ в Солигаличский район. 1975 г. Рукопись, л. 6а, 7.

²⁹ГАКО, ф. р-1043, д.55, л. 27.

³⁰Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы «Этнографического бюро» В.Н.Тенишева. Том 1.Костромская и Тверская губ. - СПб., 2004. - С.339

³¹КГИАМЗ. Фонд «Документы». Анкета ГУАК, 1909 г. (Одежда, обувь, украшения, пища).

³²ГАКО, ф. р-1043, д.55, л.1.

³³Никешина М.В. Материалы экспедиции КГИАМЗ в Солигаличский район. 1975 г. Рукопись, л. 7а.

³⁴Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. - М., «Наука», 1978. - С.50.

³⁵Беренс К.Г. Вышивальный промысел в России. Кустарная промышленность России. Женские промыслы. - С.-Петербург, 1913. - С.385.

³⁶Никешина М.В. Материалы экспедиции КГИАМЗ в Солигаличский район. 1975 г. Рукопись, л. 7а.

³⁷⁻³⁸Сурво В. О некоторых локальных особенностях вышивки русского населения Олонецкой губернии. Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения». - Петрозаводск, 2003. - С.244.

³⁹Алексеев С. А., Комаров К.И. и др., указ. соч. - С.185-187.

⁴⁰Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. «Советская археология» 1966, № 1. - С. 62.

⁴¹Сурво В., указ. соч. - С.244.

⁴²Сурво В., указ. соч. - С.249.

⁴³Маслова Г.С., Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. - М., «Наука», 1978. - С.88,120.

⁴⁴Никешина М.В. Материалы экспедиции КГИАМЗ в Солигаличский район. 1975 г. Рукопись, л. 1а, 2а.

С. Д. МАСАЛЕВА,

старший научный сотрудник

Музея-заповедника «Костромская слобода»

ЖЕНСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ РУБАХА

Нерехтского уезда Костромской губернии

XIX – начала XX вв.

Как вид одежды женская рубаха известна на Руси издавна. Женщина знатного рода Московского государства XVI - XVII вв. носила одновременно две рубахи, их называли сорочками «...по порядку первую одеждою была сорочка в качестве белья, как рубашка, шитая из обыкновенного полотна, ...как платье сорочка шилась большей частью из цветных тканей и потому носила название верхней ..., более красивой и по материалу и по убору ...»¹.

Сложившаяся еще в XVI в. определенная схема кроя и пошива женской рубахи сохранилась вплоть до середины XX века. Все основные ее части кроились и шились из прямых кусков ткани определенной ширины и длины.

Описывая быт русских цариц, И. Забелин отмечал, что «нижние полотняные сорочки кроились равно широко и в вороте и в подоле, т.е. из прямых полотнищ, без клиньев в подоле и с обыкновенными короткими рукавами ...»².

По крою женские рубахи делятся на две основные группы: «проходные» или сплошные, т. е. сшитые из одного куска ткани от ворота и до подола, и составные – состоящие из двух главных частей. Верхней части – «воротушки» и нижней части – «подставы», соединенных между собой на линии талии.

В зависимости от кроя составные рубахи подразделяются на три подгруппы:

- рубаха с поликами,
- рубаха без поликов,
- рубаха на кокетке.

Рубахи с прямыми поликами были одними из древнейших видов у русского населения северной части России и бытовали в Костромской губернии повсеместно. Свое название поликовая рубаша получила от плечевой вставки «полика» -- прямоугольного куска ткани, соединяющего переднее и заднее полотнища рубахи. Полик расширял плечевую часть рубахи и одновременно участвовал в образовании ворота рубахи. Иногда женская рубаша шилась без поликов, в этом случае полики и рукава кроились сразу вместе, и рукава начинались не от плеча, а от ворота, одновременно являясь его частью.

Рубаша на кокетке вошла в моду в конце XIX – начале XX вв. Воротушка такой рубахи состояла из короткой прямоугольной туникообразной или со швом на плече кокетки на подкладке, к которой подшивался неширокий «наставыш», собранный в сборку спереди и сзади. К «наставышу» кокетки подшивалась подстава, которая кроилась обычно из прямых длинных полотнищ домотканого полотна. Шили такую рубашу большей частью из фабричной ткани: сатина, ситца, и она входила в праздничный комплект одежды.

Большое внимание уделялось оформлению рубахи, ее основным частям – вороту и рукавам, кокетке и подолу. «... Ворот стягивался пояском или шнурком и посередине на груди имел небольшой разрез, дабы удобнее было надевать одежду...»³. Традиция собсбаривать (собирать в сборку) ворот в женских рубашах и обшивать его полосой ткани сохранялась до начала XX в. Такое оформление ворота прослеживается в поликовых и бесполиковых рубашах. В рубашах на кокетке пришивался ворот-стойка, скроенный из неширокой полосы ткани (2-2,5 см) на подкладке, а иногда и из целой полосы перегнутой пополам. Впереди под воротом делался неглубокий разрез, который обрабатывался планкой.

Рукава женской рубахи являлись эталоном красоты всего женского костюма. В праздничных рубашах рукава шили из дорогих тканей: шелка, батиста, кисеи, сатина, ситца с рисунком и без него, однотонного белого или красного цвета, тонкого льняного холста. В будничных пестрядинных рубашах их шили из той же пестряди. Рукава праздничной рубахи были длин-

ными или короткими за локоть, пышными, собранными у запястья в мелкую сборку под манжету или украшались сборкой. Манжеты, оборки украшали вышивкой или кружевом. Иногда рукава собиравали в сборку и у плеча, что придавало им еще большую пышность. «... Особенно богато всегда отделявались рукава, преимущественно на плечах и у запястья, орнаменты вышивались цветными шелками, золотом, серебром, низались жемчугом...»⁴. *Крой рукавов женских рубах* был разным. В поликовых рубахах рукава кроили из прямых полотнищ ткани. Такой покроем являлся самым древним и архаичным. Еще в XV-XVII вв. «... сорочки кроились равно широко и в вороте, и в подоле, т.е. из прямых полотнищ...»⁵.

Учитывая небольшую ширину домотканого полотна (38 - 44 см), из которого кроилась женская рубаха, каждый рукав выкраивали из полутора прямых кусков ткани, в котором шов располагался спереди. В подмышки вшивались небольшие почти квадратные ластовицы. Рукава рубахи, сшитой из фабричного материала – сатина, ситца, имеющего большую ширину, кроили из одного куска. Длина рукавов рубахи была разной и зависела от вида рубахи: у будничных рубах – короткие за локоть, у выходных, праздничных – длинные до запястья. Нижний край рукавов собирали в сборку и обшивали узкой полоской ткани – «обшивкой» в тон рубахи или другим по цвету и рисунку, аналогичным оформлению ворота.

В поликовых рубахах рукава кроились длинными и кошенными, т.е. с клином впереди, широкими у плеча и зауженными к запястью. Технология кроя таких рукавов очень проста, она заключалась в нескольких операциях. Портниха брала определенной длины кусок ткани, равный длине одного рукава. С одного края срезала нужной ширины клин на всю длину ткани и пришивала его с противоположной стороны прямым углом вовнутрь. Получившееся лекало рукава широкой стороной пришивала к «полику» и стану рубахи, а потом сшивала внизу вместе с ластовицей. У запястья рукава оставались свободными, с изнаночной стороны обшивались неширокой полоской ткани.

В бесполиковых выходных рубахах рукава кроили прямыми и широкими, разной длины – за локоть и до запястья. Рукава

кроили из одного куска фабричной ткани, они начинались от ворота и одновременно являлись его частью. При пошиве собирались в сборку у ворота и внизу у запястья под манжету или оборку.

В конце XIX в. в крестьянской моде появился новый вид женских рубах. Они больше напоминали городское платье. Это была рубаха на кокетке с воротником-стойкой и пышными рукавами. Этот вид рубахи получил широкое распространение во многих уездах губернии. Эту новомодную рубаху девушки и молодые женщины надевали в праздничные дни. Шили ее из фабричных материалов – легкого ситца, сатина, тонкого льняного холста и украшали вышивкой и кружевом.

Крой рукавов рубахи на кокетке не был замысловатым, он был прост и повторял крой рукавов, рассмотренных выше.

1. Рукава прямые, широкие по всей длине, из одного или полутора кусков ткани.

2. Рукава кошеные с клином спереди, широкие у основания и узкие к запястью.

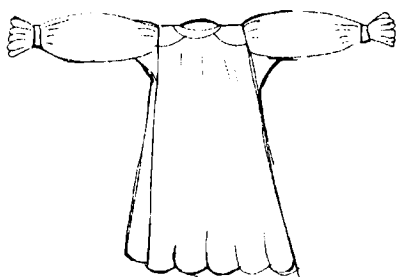
3. Рукава с ластовицами.

Завершала рубаху подстава, которую кроили из 3-4 или 5 прямых полос ткани. Обычаем было шить подставу из однотонного льняного неотбеленного сурового домотканого полотна. В праздничных рубахах подставу шили из яркой пестряди или набойки, подол ее украшали вышивкой, кружевом, полосами узорного ткачества, нашивками из разноцветных полос ситца, сатина, тесьмы.

Коллекция женских рубах Нерехтского уезда

Рубаха женская цельная с прямыми поликами на плечах

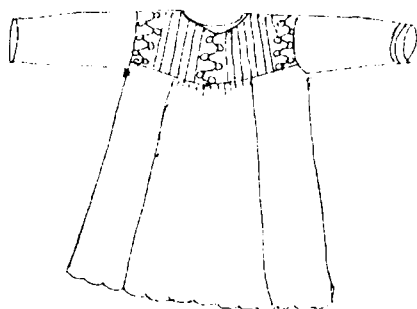
Полотнища рубахи широкие из ткани льняного фабричного ткачества – полотна светлого цвета. Швы на боках. Ворот рубахи округлый, собран в мелкую сборку на одну нитку шириною в 1 см. По краю ворота впереди и сзади узкой полосой вышивка,

выполненная черными и красными нитками из двух параллельных друг другу волнообразных линий и цепочек из мелких крестиков. (Впереди – по горловине, сзади – по шейке).

Рукава рубахи и полики сшиты из ткани фабричного производства белого цвета. Перехват ткани рукава перед оборкой выполнен в технике «набора» по сборке – ромбические фигуры. По краю - вышивка: растительный узор из ветвящегося стебля, выполненный в технике мелкого креста нитками черного и красного цвета. Край оборки рукава. Вышивка из зигзагообразной цепочки, состоящая из геометрических фигур – квадратов. Рубаха сшита на руках. Рукава на машинке. (Принадлежала Крупиной М.К. из д.Чириково Нерехтского уезда).

Женская праздничная рубаха на кокетке

Перед рубахи

Рубаха сшита из домотканой ткани белого цвета. Кокетка рубахи впереди на грудке фигурная, впереди – с защипами и мысообразным вырезом и вышивкой, выполненной нитками красного и черного цвета. Орнамент вышивки стилизованный растительный, представляет собой цветущий стебель цветка. Спинка кокетки рубахи имеет прямоугольную

форму, на которой находится вышивка тоже растительного характера.

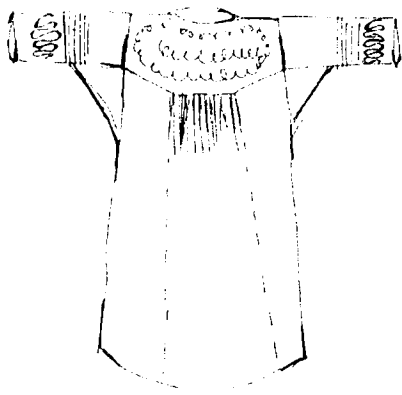
Кокетка спинки рубахи в отличие от передней части имеет прямоугольную форму. При пошиве кокетка накладывается на подставу рубахи и прошивается на машинке. По краю кокетки вышивка, выполненная мелким крестом нитками красного и синего цвета. Орнамент растительный цветочный.

Рукав короткий прямой, книзу заужен. Край рукава обшит полосой ситца темно-красного цвета и вышивкой. Подстава рубахи сшита из 4-х прямых полос домотканой ткани, соединенных между собой. Расположение полос – по одной впереди

и сзади, по два боковых шва впереди и сзади. Низ подставы подшит. Между рукавом и подставой вшиты ластовицы. (Рубаха принадлежала М.С. Гавриловой с. Троица).

Рубаха составная

Сшита из белого полотна фабричного производства и дотканной ткани. Рубаха составная, основные части – кокетка, подстава и рукава. Кокетка на груди фигурная на «подоплеке» (подкладке). Сзади на спине кокетка имеет прямоугольную форму также на «подоплеке». К кокетке подшита подстава, сшитая из 4-х прямых полотнищ без боковых швов. Два полотнища впереди и сзади и по полотнищу на боках, соединяющихся с передним и задним полотнищами. Передняя и задняя полосы подставы собраны к кокетке в сборку.

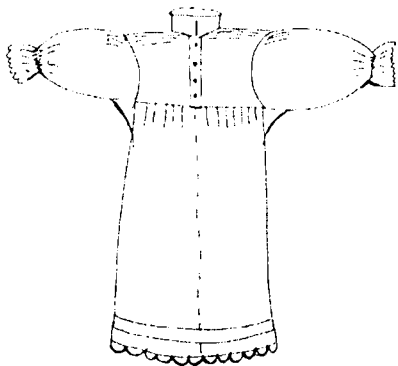

Рукава рубахи короткие до локтя. Кокетка рубахи и рукава украшены вышивкой. Техника – мелкий крест. Нитки черного и красного цвета, хлопчатобумажные. Орнамент растительный цветочный: вьющийся стебель цветка. (На кокетке под воротом инициалы Е.С. владелицы рубахи, которая принадлежала Елизавете Прохоровой, проживавшей в д. Окулихе Ковалевской волости. Сшита рубаха и вышита в 1902 г. как приданое). Рукава рубахи: по краю зацпы и вышивка – техника крест и гладь. Нитки хлопчатобумажные красного и черного цвета. Рисунок растительный: вьющийся стебель с распустившимися трехлепестковыми цветами.

Женская праздничная рубаха под сарафан

Эта рубаха надевалась под сарафан. Рубаха на кокетке с невысоким воротником-стойкой, пышными рукавами и длинной подставой, подшитой к кокетке. Кокетка рубахи с плечевым

швом. Передняя часть кокетки распашная, правая пола накладывается на левую и застегивается на пуговицы на прорезные петли. Пуговицы небольшие, белого цвета. На полочках кокетки выстрочены по три горизонтальных защипа (0.5 см). Под защипами вышивка в технике тамбура: цветочный орнамент. Узор выполнен нитками черного и красного цвета. Воротник –

небольшая стойка, на которой вышивка тамбуром красными и черными хлопчатобумажными нитками. Техника – тамбурный шов.

На спинке кокетки вышивка аналогична вышивке на грудке кокетки. Исполнена хлопчатобумажными нитками черного и красного цвета.

Нижняя часть рубахи – подстава, сшита из 4-х полотнищ льняной домотканой ткани. К кокетке подстава собрана в мелкую сборку с обеих сторон впереди и сзади. Сборка собрана на одну нитку. В данной рубахе кокетка накладывается на подставу, и шов проходит по согнутому краю кокетки.

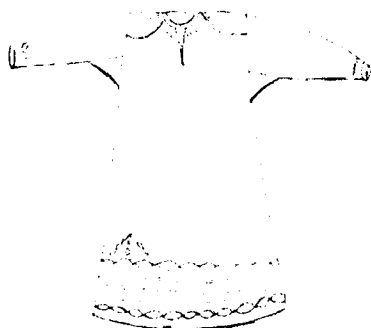
Нижняя часть подола украшается неширокой накладной полосой вышивки растительного орнамента, состоящего из цепочки соединенных между собой цветочных розеток. Подол подставы заканчивается мысами, выполненными из толстой красной пряжи. Рукав рубахи короткий до локтя, сшит из фабричной хлопчатобумажной ткани белого цвета, широкий по всей длине с «перехватом» у локтя, образует широкую оборку, край которой обшит узкой полосой кружева фабричной работы. Между рукавом и станом рубахи вышита квадратная ластовица. У плеча в верхней части в технике набора – сборка. Рубаха шита и на машинке, и вручную – это внутренние швы сшиты на руках. Кокетка рубахи: ее лицевые швы выполнялись на машинке.

Рубахи с поликами

В коллекции их две. Обе рубахи праздничные. Сшиты рубахи из прямых широких целых полотнищ ткани от ворота и до подола. Каждая рубаха сшита из двух широких полос ткани со швами на боках. Одна рубаха сшита из хлопчатобумажной ткани фабричного производства, вторая из льняного домотканого полотна. Ткань на обеих рубахах белого цвета. Обе рубахи длинные. Рубахи такого покроя называли «цельными» или «проходными». Рубахи с круглым воротом, на одной из рубах впереди неглубокий разрез с застежкой вверху на вороте на воздушную петлю на небольшую пуговицу. Ворот обеих рубах собран в мелкую сборку и обшит узкой полоской хлопчатобумажной и льняной тканью белого цвета.

Рубаха женская цельнокроеная из с.Спас Нерехтского уезда

Рубаха с поликами и длинными широкими зауженными к запястью рукавами. Сшита из домотканой льняной ткани белого цвета и хлопчатобумажной ткани фабричного производства (рукава). Стан рубахи сшит из двух широких полос домотканого льняного холста. В верхней части рубахи полотнища

ткани (спинки и переда) совместно с поликами рубахи собраны в мелкую сборку, образуя ворот рубахи. Ворот рубахи имеет округлую форму, впереди на груди разрез. Застегивается ворот на одну мелкую пуговицу на воздушную петлю. Верхняя часть ворота обшита узкой полосой ткани белого цвета, по которой вышивка нитками красного цвета. Узор вышивки – цепочка из мелких ромбиков.

Подола рубахи (только впереди) украшен вышивкой. Узор вышивки состоит из трёх параллельных друг другу полос цепчанообразных фигур. Вышивка выполнена нитками белого цвета.

Рукав рубахи из хлопчатобумажной ткани фабричного производства. Рукав длинный, к запястью заужен. По краю рукав

украшен вышивкой, выполненной нитками белого цвета. Узор вышивки – цепочка мелких ромбов.

Рукав с ластовицей. По краю подола впереди с правой стороны вышивка белыми нитками в виде стрелы.

Нерехтское собрание женских рубах состоит только из двух видов – это рубахи с прямыми поликами и рубахи на кокетке.

Рубахи на кокетке

Рубаха на кокетке состояла из трех основных ее частей – кокетки, подставы, рукавов. Кокетка – это верхняя отдельная часть рубахи с воротом, которая полностью закрывала верхнюю часть груди впереди и сзади на спине.

Кокетка с изнанки обязательно подшивалась на подкладку – льняной холст. Чаще переднюю часть кокетки выкраивали по отдельности, и, при сшивании ее деталей, впереди полы кокетки оставались распашными, при этом правая пола кокетки накладывалась на левую сторону. Полы обрабатывались планкой. При этом правая пола кокетки накладывалась на левую и застегивалась на пуговицы на прорезные петли.

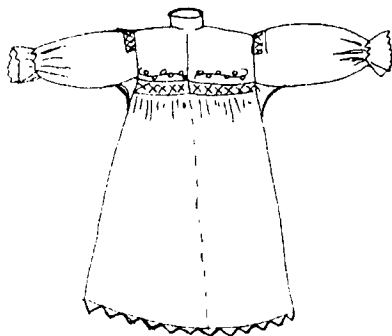
Выкраивали переднюю часть кокетки из цельной ткани, но под воротом делали неглубокий разрез до половины кокетки, который обшивали узкой полоской ткани. В этом случае рубаха застегивалась на одну или две пуговицы на воздушные петли.

К кокетке с изнанки (обычно из домотканого холста) подшивалась подкладка. Подстава рубахи шилась из двух широких прямых полос ткани со швами на боках. Но в большинстве случаев ее шили из четырех полотнищ ткани, при этом полосы располагались: по полотнищу впереди и сзади на спине по середине и по полосе с боков. Это был очень рациональный и практичный пошив стана рубахи. На боках подставы шов отсутствовал, а швы были впереди и сзади на спине, что продляло жизнь рубахи. В то же время следует отметить, что в рубахах на кокетке средние полотнища рубахи впереди и на спинке, частично иногда захватывая и часть боковых полос, собирая их в плотную сборку. Сборка была разная, редко в один ряд, в основном, в два ряда, и усложненная с ромбическим переплетением сборки.

Ворот на кокетке рубахи, в основном, был округлым или мысообразным, который обычно обшивался узкой полоской ткани в тон рубахе. Обработывали горловину рубахи воротником-стойкой, который шили из неширокой полосы ткани, сложенной вдвое. Шили воротник-стойку из ткани того материала, из которого была сшита рубаха.

Рубаха с кокеткой на подставе

Эта рубаха сшита из ткани фабричного производства и домотканой ткани белого цвета. Рубаха на кокетке. Кокетка на груди распашная, застегивается на три пуговицы, прорезные петли на левую сторону. Кокетка туникообразного кроя без плечевых швов. Впереди на кокетке и спинке вышивка. Вышивка выполнена в технике мелкого креста хлопчатобумажными нитками черного и красного цветов.

Вышивка на кокетке: все детали соединены между собой, под вышивкой ткань подставы собрана в сборку. Сборка фигурная и находится под кокеткой и впереди, и сзади. Вышивка также и впереди, и сзади.

Подстава к рубахе подшита под кокетку и состоит из 4-х полотнищ – по два полотнища впереди и сзади. Подол подставы украшен полосой треугольных фестончиков. Рукав рубахи короткий до локтя, шит из фабричной тонкой ткани белого цвета, широкий по всей длине. У плеча рукав собран в фигурную сборку, низ рукава заканчивается широкой оборкой. Подстава, кокетка шиты на руках. Рукава – на машинке.

Рукава рубах

Немаловажную роль в рубахе составляли ее рукава. От них зависела вся красота рубахи, ее назначение – быть ей будничной или праздничной.

В Нерехтском уезде рукава рубахи шили двух видов. Широкие по всей длине с широкой и пышной оборкой, украшенной кружевом, собранные у плеча в сборку, что придавало им особую привлекательность. Бытовал и другой крой рукава: кошенный – широкие у плеча и суженные книзу. Оба вида рубах были короткими до локтя. Шили рукава из лучших тканей – бати́ста, ситца, сатина однотонного белого цвета.

Основной способ украшения рубахи – вышивка и обшивка кружевами фабричного производства или своего домашнего вязания, связанными крючком. Вышивка выполнялась нитками фабричного изготовления и крашения, в основном, нитками черного и красного цвета.

Интересно отметить, что в глазах наших предков вся одежда, носимая ими, в том числе и женская рубаха, как нательная, так и верхняя, обладала большой магической силой, защищая наиболее уязвимые части тела человека, – это открытая шея, кисти рук и ног. Поэтому совсем не случайно в женской рубахе ее ворот, край рукавов, подол, разрезы на груди, а также места соединения деталей рубахи, а именно, верхней части рукава у плеча со станом рубахи, – ее полики, кокетку также украшали вышивкой. Эти основные части женской рубахи являлись местами традиционного расположения вышивки на рубахе – на вороте, груди, рукавах и подоле.

Орнамент вышивки был геометрического и растительного характера. Он состоял из однорядных или многорядных волнистых линий, переплетенных между собой, в основном, растительного характера. Встречается и геометрический рисунок, состоящий просто из прямых линий как одиночных, так и соединенных в два, три ряда. Ромбический орнамент из мелких ромбиков, квадратов, соединенных между собой в одну линию или собранных в усложненную ромбическую фигуру.

Большей частью распространен был растительный орнамент из стилизованных пышных ветвящихся стеблей цветочных растений, как одиночных, так и парных, соединенных и переплетающихся между собой.

Орнамент располагался широкой или узкой каймой по подолу, по вороту, краю рукавов, кокетке рубахи и ее спинке,

завершая, таким образом, весь цикл пошива рубахи от ее раскроя до ее украшения. Техника вышивки всех просмотренных рубах – крест простой.

Просмотрев небольшую коллекцию женских рубах Нерехтского уезда, можно отметить, что собрание женских рубах состоит только из двух видов – это рубахи с прямыми поликами и рубахи на кокетке. Все нерехтские рубахи шились с ластовицами под мышкой, соединяющими рукав со станом рубахи. Большая часть рубах в изучаемой коллекции – женская рубаха на кокетке. Этот вид рубах вошел в моду в конце XIX в., и не случайно. На происхождение этого вида рубахи большое влияние оказала городская жизнь, когда деревня стала сближаться с городом, перенимая от него городской образ жизни, что коснулось и одежды. Тогда в деревне и стали появляться новые виды одежды, например, женская рубаха на кокетке.

Итак, мы познакомились с особенностями женских рубах Нерехтского уезда (они принадлежали жителям д.Чирково, Буртасово и с.Троица). Это один из интереснейших видов женской одежды, которую женщины носили и в будни, и в праздники, берегли, передавая их из поколения в поколение, тем самым сохраняя многовековые традиции в пошиве этого вида одежды русской женщины.

Примечания:

¹Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI-XVIII веках. - М. 1872. Том 2.- С.1.

²Там же. – С.628.

³Там же. - С. 628.

⁴Там же. – С. 628.

⁵Там же. – С. 629.

⁶Коллекция женских рубах Нерехтского филиала Костромского областного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Рукопись по материалам выезда. Архив автора. Записи 2002 года.

М.Л. ПОГОРЕЛОВА,

Е.А. ДВОРЕЦКАЯ,

*доценты кафедры дизайна, технологии,
материаловедения КГТУ*

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЬНЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Лен-долгунец относится к одной из древнейших волоконистых и масличных культур. Основная его ценность заключается, прежде всего, в уникальном строении и свойствах волокна – исходного сырья для изготовления тканей и крученых изделий. Практически все части зрелого растения льна могут использоваться как сырье для различных отраслей экономики.

Из всех видов растительных волокон в льняном содержится наибольшее количество целлюлозы. Изготовленная из волокна льняная ткань характеризуется большой прочностью, эластичностью и умеренной жесткостью, долговечностью и устойчивостью к воздействию микроорганизмов. Одежда из льна оказывает положительное влияние на физическое и эмоциональное состояние людей, способствует сохранению здоровья и увеличивает сопротивляемость организма различным болезням. Привлекают своей особой красотой и практичностью изготовленные из льняных волокон изделия бельевого ассортимента, столовые и постельные принадлежности, одежда, текстильные изделия для интерьера.

Изделия из технических льняных тканей являются незаменимыми для пищевой, оборонной, автомобильной и ряда других отраслей экономики.

Возделывание льна в России имеет многовековые традиции, выращиванием льна и производством льноволокна занимались с древних времен. Большое развитие льноводство получило при Петре I, когда был принят ряд мер по расширению посевов льна, открытию крупных мануфактур по производству льняных тканей, особенно льняного полотна для изготовления

парусов. Льняное волокно и льняные ткани были одним из основных предметов торговли с Западной Европой и источником пополнения царской казны.

В 1912 году на Костромскую губернию приходилось 22 процента ткани и 26 процентов пряжи от всего производства льняных фабрик страны.

Но льняная отрасль страны в последнее время остается убыточной. Льняной комплекс оказался в числе первых по глубине падения производства, экономического и финансового неблагополучия.

Еще недавно в льняной комплекс России входил ряд отраслей, предприятий, научно-исследовательских институтов, лабораторий, других организаций и учреждений, имеющих тесные экономические, производственные и технологические взаимосвязи, создававшие единую неразрывную систему.

Выращивание льна-долгунца связано с большими затратами ресурсов, минеральных удобрений, химических средств защиты растений, горюче-смазочных материалов, специальной техники. В условиях высоких цен, когда разница в индексах роста цен превысила все допустимые пределы, выращивание льна без государственного регулирования стало неприбыльным.

Лен-долгунец является одной из самых трудоемких культур. Затраты труда на производство одного центнера льноволокна в три раза выше затрат на производство центнера зерна. Это объясняется особенностью технологии выращивания льна-долгунца, высокой требовательностью к агротехнике, длительным и трудоемким процессом первичной переработки льносоломой в льноволокно.

Отсутствие необходимой базы для внедрения интенсивных ресурсосберегающих технологий в сочетании с неблагоприятными климатическими условиями приводит к ежегодным потерям в России до 30-40 % выращенного урожая. Из-за нехватки финансовых ресурсов в большинстве льносеющих хозяйств на протяжении семи лет не обновлялся парк техники. Обеспеченность льнокомбайнами в ряде регионов составляет

40-50 %, механизированными пунктами сушки и переработки льновороха – 20-30 %.

Уменьшение применения минеральных удобрений и средств защиты растений может привести к снижению урожайности льна, наиболее требовательного к плодородию почвы. Возделывание льна без применения минеральных удобрений и химических средств защиты не дает отличных результатов. За последние годы внесение удобрений под лен сократилось с 92 кг до 12 кг действующего вещества на гектар посевов (для сравнения, Республика Беларусь вносит под лен 130-150 кг минеральных удобрений на один гектар посевов).

Конечные продукты – льносолома или льнотреста – не могут свободно реализовываться на рынке и поэтому нуждаются в переработке на льнозаводах. При этом у предприятия практически нет выбора покупателя из-за невозможности транспортировки сырья на дальние расстояния и отсутствия условий для хранения его в хозяйствах.

В Костромской области площади посадки льна снижаются уже более 20 лет, некогда очень популярную культуру сейчас выращивают всего в двух хозяйствах – в Нерехтском и Красносельском районах, а лозунг «Кострома – льняная столица России» утратил свою актуальность.

В прядильные цеха БКЛМ костромского льноволокна поступает всего 2 процента, остальное сырье поставляют из Новосибирска, Твери, Белоруссии.

Посевы льна сократились не только в Костромской области. Правительство РФ уже не первый год пытается наладить отечественное производство льна, но пока безуспешно. Увеличение и развитие льняного комплекса позволит решить задачу системного использования аграрно-промышленного потенциала Алтайского края, Смоленской, Псковской, Тверской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Ивановской, Нижегородской, Новосибирской, Омской и других областей.

Несмотря на постоянную государственную поддержку льноводства как на региональном, так и на федеральном уровне, отдачи от него практически нет. Комплексные программы поддержки производителей не достигли своих целей. Дотации

не смогли решить проблему, поскольку при отсутствии реального спроса они лишь снижают цену на сырье и являются косвенной поддержкой следующей стадии производства. Без дополнительных мер по развитию внутреннего спроса на лен и льнопродукцию от дотаций выигрывают льнокомбинаты и заготовители, а не те, кто выращивает лен.

Оживление льноводства может быть связано только с появлением заинтересованности у крупных инвесторов.

Улучшение ситуации в первой половине 2000-х сопровождалось сокращением количества льноперерабатывающих предприятий при укрупнении и повышении их эффективности. В льняной отрасли произошла двухуровневая интеграция: сельскохозяйственное производство объединилось с первичной переработкой, а вторичная переработка укрупнилась в холдинги. В результате большинство современных российских льнокомбинатов сегодня обеспечивают полный цикл обработки – от льночесания до пошива готовых изделий. Такой подход оказался наиболее обоснованным и позволил добиться высокой экономической отдачи.

С 2005 г. льняная отрасль снова перешла в фазу устойчивого снижения объемов производства. По сравнению с советским периодом произошло смещение центра тяжести льноводства на восток. В Алтайском крае, Новосибирской и Томской областях посевы льна увеличились в 1,5-2 раза. И хотя основные производители льна по-прежнему сосредоточены в Тверской и Смоленской областях, их вклад заметно упал. Сегодня посевы льна в европейской части России составляют 20-30% от доперестроечных уровней.

Рентабельность первичной переработки льносырья в среднем по России отрицательная, а на лучших предприятиях не превышает 5–6%. Это самая убыточная отрасль первичной переработки растительного сырья.

Считается, что выращивание льна в России выгодно при цене свыше 1000 долл/т. Однако цены на внутреннем рынке ниже этого порога и продолжают падать. Производители ориентируются на внешние рынки, где средние цены на льняную ткань на 40–50% выше внутрироссийских.

Большая часть российского экспорта льнопродукции приходится на полотно-полуфабрикаты – неотбеленный лен. Ежегодно спрос иностранных производителей на ткани из русского льна растет. Текстильная продукция ценится на внешних рынках за экологичность и дешевизну. Основные ее потребители – Италия и Турция.

За последние годы в России направлено усиление государственной власти на развитие льняного отечественного производства.

Основная идея по увеличению объемов выпуска и повышению качества продукции заключается в создании региональных кластеров, включающих полный цикл производственных стадий, необходимых для развития льняного бизнеса. Предприятия Вологодской, Костромской и Ярославской областей, являющихся старейшими центрами по возделыванию льна-долгунца и производству льняных тканей, в наибольшей степени получают государственную поддержку субсидирования, реализуемую в рамках государственных целевых программ и инновационных пилотных проектов.

Динамика производства льняных тканей во многом является следствием его большой зависимости от экспорта.

Мировой экспорт льняных тканей с 2009 по 2013 гг. увеличился на 13% с 932,5 до 1 057,9 млн. долл. США.

Крупнейшими мировыми экспортерами льняных тканей являются Китай, Италия, Бельгия, Великобритания, Индия. Самые низкие экспортные цены у продукции из Китая. Средняя цена составляла от 9013,2 до 29841,7 долл. США.

Крупнейшими мировыми импортерами льняных тканей являются США, Бангладеш, Италия, Гонконг (Китай), Китай. Наиболее дорогую продукцию импортируют США. Средняя цена за 1 тонну покупаемых ими льняных тканей колебалась в промежутке от 15420,6 до 18691,0 долл. США. Самые низкие цены импорта у Бангладеш.

Российский внутренний рынок льна сокращается. В 2008 году поставки российских и импортных тканей на внутренний рынок составили 86,8 млн.м², а в 2011 году они снизились до 38,9 млн.м², в 2013 году – до 34,3 млн.м². Экспорт хотя и

уменьшается, но остается достаточно большим. В 2011 году его доля в производстве была 22,4 %, а в 2013 году – 22,3 %.

Больше всего сократился выпуск чистольняных тканей (с содержанием льняного волокна не менее 85%). Их производство в 2012 году уменьшилось на 9,2%, а в первом полугодии 2013 года – на 22%, и в первом полугодии 2014 года – на 27,3 %.

Производство полульняных тканей в 2012 году выросло на 9,1 %, а затем стало сокращаться. В первом полугодии 2013 года оно сократилось на 6,1 %, а в первом полугодии 2014 года – на 11,1 %¹.

Однако в истории современной России уже есть успешный опыт применения программно-целевого подхода в деле восстановления отечественного льняного комплекса.

С целью улучшения положения в льняном комплексе правительством Российской Федерации было принято постановление от 25 августа 1993 г. № 863 «Об утверждении федеральной целевой программы «Возрождение российского льна». Программой были определены комплексные меры по развитию льняного комплекса. Выполнение программы не было обеспечено материальными и финансовыми ресурсами. Из 1510 млн. рублей было выделено всего лишь 54,7 млн. рублей, или 3,5 % от предусмотренных программой.

Правительством Российской Федерации принята федеральная целевая программа «Развитие льняного комплекса России на 1996-2000 годы» (постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 1996 г. № 1498 «О федеральной целевой программе «Развитие льняного комплекса России на 1996-2000 годы»).

Несмотря на то, что эта программа была профинансирована всего на 5,7 процента от предусмотренного объема, ее реализация позволила повысить конкурентоспособность и спрос на российские льносодержащие ткани и изделия на внутреннем и внешнем рынке, увеличить объем выпуска конкурентоспособной продукции за период 1997-2000 гг. в 2 раза.

В последние годы была реализована целевая программа ведомства (ЦПВ) Министерства сельского хозяйства РФ «Развитие льняного комплекса России на 2008-2010 годы» в рамках

Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы.

В рамках Госпрограммы 2008-2012 гг. введены мероприятия по субсидированию части процентной ставки по кредитам, полученным для приобретения техники по выращиванию, уборке и переработке льна, также для приобретения семян, минеральных удобрений, средств защиты растений, топлива и на рекультивацию земель. Однако это не дало ожидаемых результатов, успехов добилась только Вологодская область.

Следующим этапом развития льняной промышленности стала концепция федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие льняного комплекса России на период до 2020 года».

Главная цель программы – развитие отечественной сырьевой базы и увеличение выпуска льняной продукции широкого ассортимента, соответствующей международным стандартам качества.

Концепцией проработаны два сценария развития льняного комплекса.

Первый вариант по инерционному сценарию предусматривает повышение технического уровня и технологичности предприятий льняного комплекса на базе модернизации действующих производств в основном за счет собственных и привлеченных средств. В результате не произойдет восстановление льноводства и обеспечение текстильных предприятий в натуральном сырье из лубяных волокон, существенного повышения конкурентоспособности отечественной продукции даже на российском рынке.

Достоинство инерционного сценария заключается в увеличении производства льноволокна при меньшей сумме бюджетных средств, используемых на его поддержку.

Усиление отрицательных тенденций в развитии льняного комплекса, повышение числа убыточных предприятий, увеличение социальной напряженности в регионах, занимающихся производством льна и его переработкой, приведет к ликвидации льняного комплекса уже к 2020 году.

Второй вариант по инновационному сценарию развития льняного комплекса предусматривает осуществление комплекса мероприятий, связанных с:

- повышением объема производства льноволокна; увеличением урожая и качества льняного сырья;
- переоснащением технологического и технического оборудования для производства и первичной переработки льна, а также научных учреждений, осуществляющих селекцию сортов льна, разработку агротехнологий и технических средств для льноводства;
- повышением глубины переработки льняного сырья и утилизацией отходов производства льноволокна;
- комплексной модернизацией производства льносодержащих тканей;
- организацией высокоэффективного производства с использованием льняного сырья нетканых материалов, в том числе медицинского назначения;
- организацией производства изолирующих материалов на основе отходов переработки льна;
- организацией на основе льняного масла производства новых видов продукции для использования в фармацевтике, парфюмерии, лакокрасочной и пищевой промышленности.

В целом по инновационному сценарию развития льняного комплекса предполагается повышение доли льняного комплекса в объеме ВВП к 2020 году в 2 и более раз.

Развитие льняного комплекса по инновационному сценарию является наиболее эффективным путем решения проблем, позволяет скоординировать в едином комплексе задачи перспективного характера, стимулировать привлечение частных инвестиций в производство и модернизацию перерабатывающих предприятий льняного комплекса, а также в наибольшей степени соответствует целевым показателям инновационного варианта социально-экономического развития Российской Федерации.

Концепция ФЦП предусматривает срок реализации федеральной целевой программы «Развитие льняного комплекса России на период до 2020 года» осуществить в два этапа.

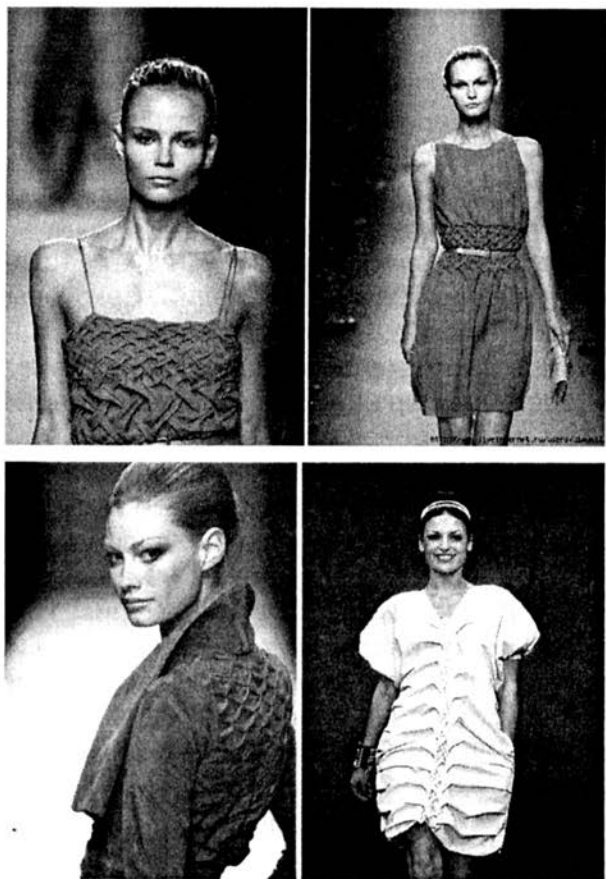

На первом этапе (2013-2015 годы) реализации программы планируется выполнение быстрореализуемых инновационных проектов, базирующихся на уже имеющейся научно-технической базе, достижение стабильности и финансовой устойчивости в развитии льняного комплекса к 2015 году, сохранение действующих мер государственной поддержки.

На втором этапе (2016-2020 годы) будут осуществлены планы по техническому перевооружению и модернизации производства, масштабная реализация проектов с привлечением средств отечественных и иностранных инвесторов. Возможно большое внедрение ресурсосберегающих и энергоэффективных технологий, нанотехнологий, малоотходных и безотходных технологических процессов, а также создание конкурентоспособных производственных систем, развитие межтерриториальной и межотраслевой кооперации. В этот период предполагается повышение конкурентоспособности российских товаров, закрепление за отечественными производителями сегментов на внутреннем рынке и усиление их позиций на зарубежных².

Изделия из льняных тканей в большой степени соответствуют направлению «эко-тренд». Понятие «эко-тренд» появилось сравнительно недавно и подразумевает долгосрочную тенденцию, сформировавшуюся на совокупности научных направлений, изучающих проблему взаимоотношений человеческого общества со средой его обитания, определяющую развитие моды.

К принципам эко-тренда относят два генеральных направления – экологизацию производства (принцип, определяющий ориентацию на использование природных и переработанных ресурсов, стандарты их выращивания и процесса переработки как на этапе получения волокна, так и в процессах производства изделий) и экологизацию потребления (принцип, направленный на решение проблемы чрезмерного потребления, ориентирующий на создание вещей, которые послужат инструментом для выражения индивидуальности, а не заставляющих покупателей каждый сезон их менять).

Примеры декорирования одежды в технике «буфы».

Изделия из льняных тканей, благодаря своим уникальным природным свойствам, максимально полно соответствуют направлению эко-тренда.

При всех экологически благоприятных свойствах льна и технологии его возделывания в этой области постоянно ведутся научные исследования, направленные на полное исключение каких-либо воздействий на окружающую среду как в процессе возделывания, так и в дальнейших технологических процессах производства волокна и льняных тканей. В частности, водяная мочка стеблей была полностью вытеснена технологией по-

лучения тресты методом расстила. В ткацком производстве переходят на применение безвредных технологий, не использующих хлор при отбелке.

Возрождение интереса потребителей к данному материалу возможно благодаря расширению ассортимента изделий с улучшенными потребительскими свойствами, как функциональными, так и эстетическими.

Улучшение эстетических свойств следует вести в направлении декорирования швейных изделий. Некоторые приемы декорирования являются распространенными, а некоторые стали возможны благодаря новейшим технологиям. Сегодня дизайнеры все чаще обращаются к забытым традициям, ручным методам декорирования и создания фактуры. Модные коллекции 2014-2015 годов в полной мере отражают эту тенденцию, выводя на передний план ручные технологии или их имитацию, например, декорирование изделий неподвижными объемными отделочными элементами, например, буфами, защипами, декоративным выстегиванием (рис. 1). Еще одним из перспективных направлений в декорировании изделий из льняных тканей является использование техники печати. Все чаще можно встретить дизайнерские изделия с авторскими рисунками, напечатанными методом сублимации или шелкографии. В крупных дизайнерских домах в коллекциях используют ткани с индивидуальным дизайном.

Примечания:

¹Материалы Регионального экспертно-аналитического центра «Перспектива». Интернет ресурс: <http://rea-centre.ru/analit/index.php>.

²Концепция федеральной целевой программы «Развитие льняного комплекса в России на период до 2020 года». - Москва, 2012 г. - С.18.

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

М.М.ГУСЕВА

*зав. сектором сохранения, изучения
и демонстрации традиционных ремёсел
музея-заповедника «Кижь»*

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЁСЛА В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КИЖИ»

Музеи под открытым небом архитектурно-этнографического профиля сохраняют и демонстрируют уникальные памятники прошлого и этнографические коллекции, занимаются изучением разных форм нематериального наследия – это «устные традиции, исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами»¹.

В конце XIX века многие археологи, историки, этнографы, прогрессивно мыслящая русская интеллигенция, любители старины стали всё чаще говорить о важности серьёзного изучения русского народного творчества и сохранения культурного наследия; «предметы, относящиеся к бытовой народной жизни, с каждым годом всё быстрее и быстрее исчезали

из употребления, уступая место предметам новейшего происхождения и формы»², и было очевидно, что в течение нескольких десятилетий они исчезнут окончательно. Большая роль по сохранению памятников отводилась музеям. В 70-80-е гг. XIX века частные коллекционеры стали собирать коллекции по искусству, во многих городах образовывались губернские музеи, которые комплектовали фонды по различным профилям.

Сотрудники музеев занимаются не только сохранением фондовых коллекций, но и собирательством, изучением, реставрацией, возрождением и передачей традиционных культурных ценностей. Непосредственное общение с подлинными носителями и хранителями этих культурных ценностей из различных по этническому составу мест проживания народа даёт возможность проникать в глубины народной памяти и создавать вещественные доказательства подлинного человеческого таланта. Большая экспедиционная работа музейщиков позволяет фиксировать традиционную народную культуру в её естественной исторической среде.

*Демонстрация традиционных сельхозработ.
Молотьба ржи.
Олег Скобелев и Борис Москин.*

К сожалению, с каждым десятилетием мы теряем подлинных носителей знаний в области устного народного творчества и в технологиях традиционных ремесленных занятий. Поэтому необходимость включения в музейное собрание не только движимых и недвижимых материальных памятников, но

и наиболее уязвимой части культурного наследия – производственный, бытовой и культурный опыт людей, выраженный в действиях и представлениях, зафиксированный в устойчивых формах (традициях), в музеях возникла уже давно.

Стремление сохранить в музее ремесла, художественные навыки, традиции впервые было реализовано в конце XIX века в музее Скансен на окраине Стокгольма. В течение XX века музеи-«скансены» получили широкое распространение во всем мире. Россия к началу XXI века имела около 20 музеев под открытым небом, главным образом, деревянного зодчества³. Почти в каждом музее подобного типа проводится работа по сохранению и демонстрации фольклорного наследия, традиционных ремесленных технологий и трудовых процессов, благодаря чему осуществляется реконструкция исторической среды прошлого.

Музей-заповедник «Кижы» проводит работу по изучению, сохранению и демонстрации нематериальной культуры различных народов, населявших Олонецкую губернию: это русские Пудожья, Заонежья, Поморья, карелы – ливвики, людики и собственно карелы, вепсы. Экспозиция музея объединяет большое количество памятников материальной культуры – это архитектурные памятники, храмовые объекты, крестьянские дома и хозяйственные постройки, наполненные другими материальными экспонатами, бытовыми предметами.

Ещё в 80-е годы XX века возникла необходимость продемонстрировать процесс создания этих давно забытых в деревенской жизни предметов, показать принцип действия некоторых этнографических экспонатов, музеефицировать и включить в музейную среду показ традиционных ремёсел и трудовых крестьянских занятий. Тогда одним из ярких проявлений народной традиции стали ярмарки ремёсел на острове Кижы. Мастера-ремесленники не только с Карелии, но и с других республик Советского Союза делились умениями и навыками своего ремесла, которые были основаны на изучении традиционных крестьянских ремёсел и воспроизводимы по старинным технологиям. В процессе общения с мастерами, владеющими искусством ремесла, приходит осознание величия выстроенного столетиями крестьянского мира с его ценностями, генетически передаваемыми из поколения в поколение и сохраняемыми в менталитете каждого народа. Приходит понимание, почему крестьяне строили величественные церкви и часовни, богато

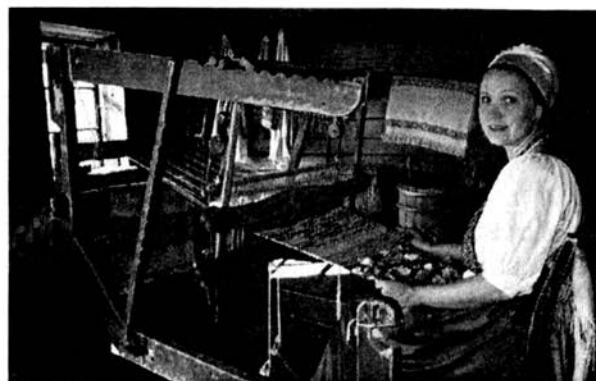

украшенные дома-хоромы, и это невольно вызывает гордость за наших предков, имеющих столь богатую культуру.

Идея включения в музейное собрание объектов нематериальной культуры в музее-заповеднике «Кижы» была проработана начальником отдела истории и этнографии С.В. Воробьевой, имеющей богатый опыт экспедиционной работы по изучению крестьянского бытового уклада жизни, фольклора и традиционных ремёсел. Боль за исчезновение из повседневной жизни деревни многих трудовых занятий и навыков помогла Светлане Васильевне освоить старинные технологии по созданию аутентичного народного костюма, головных уборов и украшений и убедить дирекцию музея

Демонстрация плотницкого ремесла — изготовление лемеха. Плотник Евгений Борисов.

Процесс изготовления половиков в летней избе дома крестьянина Ошевнева. Мастерница Марина Гусева.

в необходимости создать музейную программу изучения, сохранения и демонстрации традиционных ремесленных технологий и трудовых процессов под названием «Ожившая экспозиция».

Основные задачи введения в обиход предложенной программы сводились к следующему:

– посредством показа отдельных занятий раскрыть особенности бытового, семейного уклада олонецких крестьян конца XIX – начала XX вв.;

– представить посетителям особенности сезонных занятий крестьян;

– показать некоторые виды домашних ремесленных занятий крестьян;

– познакомить посетителей с основными техническими приемами отдельных ремесел;

– продемонстрировать принцип действия отдельных этнографических предметов, входящих в экспозицию крестьянских домов⁴.

С 1994 года в экспозиционных домах острова Кижы «ожили» такие традиционные занятия, как ткачество на ткацком стане, ткачество поясов, вышивка, изготовление деревянной игрушки и посуды, стали звучать колокольные звоны,

Демонстрация изготовления деревянной игрушки у дома крестьянина Елизарова. Мастер Дмитрий Москин.

составляющие особую звуковую атмосферу острова. Мастера в традиционных костюмах представляют старинные ремесленные технологии в интерьерах крестьянских домов и в крестьянских усадьбах, создавая тем самым своеобразную этнографическую реконструкцию быта крестьян XIX – начала XX веков.

Посетители музея могут не только окунуться в атмосферу жизни крестьянской семьи, но и понять принцип действия многих таких простых, но сегодня почти забытых предметов домашнего деревенского быта, как прялка, ткацкий стан,

сетевязка и т.п. Проходя мимо полей и огородов, они могут увидеть сезонные занятия крестьян: распахивание земли, жатву, сенокос, поливку огородов, молотьбу зерновых и другие сельскохозяйственные работы.

Экспозиция музея-заповедника «Кижы» открыта для посетителей только в период летнего сезона, это не позволяет создать наиболее приближенную к традиционной жизни атмосферу и продемонстрировать ремесленные технологии в обычное для них время (осень – зима). Свою роль сыграли условия хранения недвижимых памятников музея: дома находятся в законсервированном виде, где искусственно воссозданы традиционные интерьеры⁵, пожарная безопасность не даёт возможности продемонстрировать трудовые процессы, связанные с топкой печи, или создать атмосферу зимней избы, освещённой с помощью лучины. При движении экскурсионного потока в домах и на усадьбах домов воссоздаются «естественные», бытовые, этнографические сцены. Показ народных ремесел в их естественной среде – крестьянском доме, усадьбе, попытка воссоздания живой картины крестьянской жизни так или иначе оставляет в памяти посетителей музея образ ушедшего времени.

Каждый мастер изготавливает традиционное изделие, которое является репликой или реконструкцией подлинной старинной вещи. Это может быть народный костюм для участницы фольклорной группы, половики для украшения экспозиции горницы крестьянского дома, или копия фондового полотенца, которое впоследствии занимает своё место в экспозиции музея. Рассказ мастера о своем ремесле дополняет демонстрацию процесса и позволяет посетителям музея более подробно узнать об этой стороне крестьянской жизни, тем более, многие интересуются именно технологическими приемами традиционных ремесел, о которых может рассказать только профессиональный мастер.

В 2013 году в музее была открыта новая экспозиция в доме-памятнике крестьянки Берёзкиной с возможностью демонстрации таких бытовых процессов, как топка печи и приготовление пищи. Посетителей зимнего острова не так

много, но каждый из них рад настоящему погружению в атмосферу тёплой крестьянской избы с запахом вкусной еды.

В течение 10 лет осуществления полюбившейся посетителям музея программы «Ожившая экспозиция» С.В. Воробьёва продолжала разрабатывать идею создания сектора традиционных крестьянских ремёсел, заключающейся не только в демонстрации ремёсел, но и в изучении и воссоздании изделия – реплики для экспозиции музея на постоянной основе. С 2005 года дирекция дала добро на создание сектора сохранения, изучения и демонстрации традиционных ремёсел, в составе которого согласно штатному расписанию стали работать

3 мастерицы, владеющие знаниями и умениями по нескольким ремёслам. План работы сектора включает изготовление изделий – копий (реплик) для пополнения экспозиции музея, рекомендованных хранителями музея для различных этнографических выставок, рекомендуемых научными сотрудниками музея – авторами выставок. Сотрудники сектора получили возможность более глубоко изучать историю и технологические особенности того или иного ремесла; вести исследовательскую работу по различным темам, в них сочетаются теоретические исследования и практическое освоение новых ремесленных технологий; сохранять и восстанавливать эти технологии с целью повторения старых, поврежденных временем вещей, «тем самым сохранив их форму, древний рисунок узора, особенности изготовления с помощью старинных инструментов»⁶.

Демонстрация изготовления бисерных женских украшений в зале дома крестьянина Ошевнева. Мастерница Анастасия Яскеляйнен.

Многие воссозданные «новоделы» мастеров «Ожившей экспозиции» и сектора ремёсел стали объектами основного (5 предметов) и вспомогательного (105 предметов) фондов музея. Фиксация знаний о традиционных ремёслах и промыслах осуществляется различными современными способами на различные носители: бумагу, кино- и фотоплёнку, электронные носители. На сайте музея в разделе «Традиционные ремёсла крестьян Олонецкой губернии рубежа XIX - XX веков» посетители могут ознакомиться с видеокаталогом традиционных ремёсел (из 24 трудовых крестьянских занятий на 21 странице представлен 21 видеосюжет), хозяйства (13 страниц) и плотницкого мастерства (1 страница – видеосюжет по демонстрации изготовления лемеха). За 21 год работы программы «Ожившая экспозиция» в ней приняли участие более 95 мастеров. Каждый сезон в основной экспозиции музея работают от 15 до 20 ремесленников, которые показывают различные виды ремёсел. За 10 лет работы сектора ремёсел 9 специалистов демонстрационно-выставочной работы изготовили более чем 100 предметов декоративно-прикладного искусства, самыми значительными из которых являются карельские шерстяные одеяла, вышитые полотенца разных уездов Олонецкой губернии, крестьянская народная одежда всех этнических групп Олонецкой губернии, городские костюмы начала XX века, головные уборы и бисерные украшения, прялки и различная деревянная утварь, которые представлены не только в экспозиции и на выставках музея, но и являются одеждой мастеров сектора ремёсел, и «Ожившей экспозиции», и участников музейного фольклорно-этнографического ансамбля и используются в различных интерактивных программах музея.

Хочется надеяться, что в современных музеях России помимо созерцания объектов материального культурного наследия непременно будет осуществляться «включение в жизнь таких компонентов культурного наследия, как ритуалы, обычаи, обряды, устное народное творчество, ремесла и их технология, которые способствуют более глубокому и широкоаспектному пониманию процессов культурного развития общества»⁷, и музеи наряду с образовательными учреждениями будут фор-

мировать патриотические, гражданские качества личности и воспитывать духовность и нравственность молодого поколения⁸.

Примечания:

¹Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая в Париже 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Статья 2 - Определения. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml

²Стасов В. Русский народный орнамент. Выпуск 1. Шитьё. ткани, кружева. - СПб., 1872. - С. 3.

³Н.А. Чусова. Из опыта демонстрации нематериального наследия в музее-заповеднике Кижии//Актуальные проблемы развития музеев-заповедников.//Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. - Петрозаводск, 2006. - С.205.

⁴Н.А. Чусова. Из опыта демонстрации нематериального наследия в музее-заповеднике Кижии//Актуальные проблемы развития музеев-заповедников.//Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. - Петрозаводск, 2006. - С.206.

⁵Н.А. Чусова. Из опыта демонстрации нематериального наследия в музее-заповеднике Кижии//Актуальные проблемы развития музеев-заповедников.//Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. - Петрозаводск, 2006. - С.207.

⁶Н.А. Чусова. Из опыта демонстрации нематериального наследия в музее-заповеднике Кижии//Актуальные проблемы развития музеев-заповедников.//Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. - Петрозаводск, 2006. - С.207.

⁷И.М. Косова. Нематериальное культурное наследие в образовательной деятельности музея // Музей для всех. Сб.трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. - М., 2003 - Вып.4. - С. 30.

⁸Концепция программы «Сохранение нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2013 годы» (http://www.inesp.ru/download/14_06_07_Concept_FCP_2nd_redaction.pdf) -С.2

Л.А. БАТЮКОВА,

директор МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс»

М.В. РЕДЬКИНА,

зав. отделом по национальной культуре

МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс»

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ И РУССКИЕ УСАДЬБЫ

на Волжском туристическом маршруте

Туризм играет важную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости и повышение благосостояния населения страны, в том числе выступает катализатором социально-экономического развития малых и средних городов Российской Федерации.

Туризм для малых городов является одним из способов восстановления исторического наследия – памятников истории и культуры, традиционных промышленных производств и ремесел, народных обычаев, духовности и самобытности.

В русле изучения архитектуры малых городов Поволжья период конца XIX – начала XX вв. представляет собой важную веху в истории России: он знаменует начало модернизационных процессов, которые затронули все сферы культуры и искусства, в том числе архитектуру. Прежде всего, это время характеризуется значительным увеличением объемов строительства, что позволило сформировать целостный архитектурный облик российских городов и поселений. Социально-историческим и культурным феноменом данного периода справедливо признана массовая застройка, представленная, в основном, жилыми домами. Однако в крупных городах такая застройка в настоящее время почти полностью утрачена; ее фрагменты сохраняются лишь в средних и малых городах.

Одной из особенностей малых городов и сельских поселений является наличие боярских, помещичьих и городских усадеб. На территории Республики Марий Эл расположен малый город – Козьмодемьянск. Это удивительный старинный купеческий город с уникальными памятниками деревянного зодчества, которые придают ему неповторимый облик. Козьмодемьянск представлял собой в XIX веке крупный торгово-промышленный город, центр судостроения, пароходства, поволжской хлебной торговли, а также разнообразных художественных промыслов, в том числе корабельной и домовой резьбы. Козьмодемьянск с 1781 года являлся уездным городом Казанского наместничества, он был известен как крупнейший в России (второй после Архангельска) центр лесной торговли и лесосплава. На сегодняшний день на территории г. Козьмодемьянска находится более 160 памятников архитектуры и истории федерального, регионального и местного значения, представляющих интерес для туристов.

Козьмодемьянск – это речные ворота Республики Марий Эл на Волжском туристическом маршруте. Город ежегодно посещают около 100 тысяч туристов. Ежегодно совершается 200 судозаходов. Козьмодемьянск выгодно отличается от других городов Республики Марий Эл не только географическим положением. Город с населением в 22

Козьмодемьянск. Вид с горы.

тысячи человек имеет 4 музея, объединенных в единый комплекс. Художественно-исторический музей располагается в здании, которое является памятником истории и архитектуры регионального значения (усадебный дом купца Пономарева). Музей обладает великолепной коллекцией живопис-

ных полотен известных русских художников: Айвазовского, Маковского, Поленова, братьев Коровиных, Грабаря, Фешина и многих других. В музеях имеется также коллекция старинного фарфора, документальный фонд и фонд редких книг. Музей купеческого быта рассказывает

о быте купцов города Козьмодемьянска (Дом купца Шишюкина). Музей сатиры и юмора им. Остапа Бендера располагается в здании усадьбы городского типа купца Бычкова.

И наконец, наша гордость – Этнографический музей под открытым небом. Он представляет собой небольшую деревню, в которой представлены культура и быт малочисленного народа горных мари. Время неумолимо отдаляет нас от прошлого, оно уносит с собой предметы давних лет — постройки, утварь, орудия труда, средства передвижения. Остро встают проблемы сохранения памятников старины. Вот почему и создаются архитектурно-этнографические музеи под открытым небом.

В городе Козьмодемьянске Республики Марий Эл Этнографический музей под открытым небом открыл свои двери в 1983 году. Одной из первых причин возникновения музея стало строительство Чебоксарской ГЭС: селения, деревни, пашни и луга – всё уходило под воду.

«В целях сохранения в памяти старинных технологий, орудий труда и быта, применяемых в дореволюционном и довоенном

крестьянском хозяйстве Марийского Поволжья, и наглядного показа современному земледельцу, собрание уполномоченных районного Совета колхозов от 2 сентября 1977 года постановило создать районный музей земледельца силами и средствами колхозов, совхозов и предприятий района в городе Козьмодемьянске» (Выписка из постановления от 2 сентября 1977 года № 258).

27 февраля 1979 года решением исполнительного комитета Горномарийского районного Совета народных депутатов началось строительство музея при поддержке первого секретаря райкома КПСС В.И.Романова. В создании музея принимали участие строительные организации, предприятия, учреждения, города, колхозы и совхозы района.

В России, как в стране многонациональной, несущей в себе множество ярких и самобытных культур разных народностей, музеи под открытым небом подчинены идее популяризации и сохранения традиций и обычаев разных народов. К их числу можно отнести и наш Этнографический музей под открытым небом им. В.И. Романова. Козьмодемьянский этнографический музей – единственный музей в Республике Марий Эл, представляющий традиционную культуру народов Поволжья. Он стал основным хранилищем памятников зодчества, предметов быта, труда и культуры земледельцев и кустарей горномарийской стороны. Экспонаты, находящиеся на территории музея, аутентичны, относятся к XVIII -XIX векам. Они были перевезены из населенных пунктов, находящихся на затопляемых территориях в результате запуска Чебоксарской

ГЭС. Ожившие экспонаты помогают глубже познать историю, внушают гордость за славные дела предков. Создатели музея стремились воссоздать оригинальные детали архитектуры и быта горномарийского населения.

Марийцы подразделяются на три этнографические группы: горные, луговые, восточные. Горные марийцы (кырыкмары) живут на правом берегу Волги в пределах современного Горномарийского района Республики Марий Эл. Эта этнографическая группа складывалась в течение IX-XVI вв. Большое влияние оказали этнокультурные традиции чувашей и русских, события, связанные с присоединением Марийского края к России. Горных мари объединяет общность территории, культуры, языка, социально-экономической истории, менталитета, ярко выраженное этническое самосознание. По данным переписи 2002 г., в Республике Марий Эл проживали 33,4 тыс. горных марийцев. Из трех этнографических групп народа мари горные являются самыми малочисленными (луговые – 294,3 тыс. человек, восточные – 166,7 тыс. человек).

По богатству коллекции Этнографический музей относится к числу крупнейших музеев страны. В настоящее время музей занимает 6 га земли, на этой территории находится более 8 тысяч экспонатов. В их число входит несколько хозяйственных и жилых помещений – это Крестьянская изба, Летняя кухня, Курная изба, Лачуга, Амбар, Баня «по-черному», Ветряная мельница, Кузница, Пожарный сарай. Привлекает внимание посетителей построенная от южных ворот до Курной избы торцевая дорога. В старину дороги в нашем районе, в основном, были грунтовые, а на трактах сооружались «торцовки», особенно в низменных и болотистых местах. Пройдя по «торцовке» несколько минут, вы окажетесь у марийской усадьбы.

В конце XIX – начале XX веков планировка строений в марийской деревне мало отличалась от расположения построек в русской деревне. Усадьба марийца, в передней части которой располагались жилая изба и хозяйственные постройки, большей частью имела форму прямоугольника. Попав во двор через двустворчатые ворота с калитками, вы увидите жилой дом,

состоящий из двух четырехстенников, разделенных сенями, т.е. жилище типа «изба+сени+клеть».

Много было в крестьянском быту и плетеных вещей. Плетением в крае стали заниматься во 2-й половине XIX века. Кустари со своими изделиями принимали участие в целом ряде выставок, а именно: на 16-й Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.; на Международной выставке в г. Казани в 1909 г.; на 2-й Всероссийской кустарной выставке в г. Петербурге в 1913 г.

Музеи под открытым небом – это музеи особого типа. Они отличаются от обычных музеев тем, что основной экспозиционный материал здесь составляют предметы, которые не могут быть расположены внутри помещений, а выставляются непосредственно на открытом воздухе. В результате все объекты музея сильно подвержены влиянию погодных условий. Поэтому некоторые постройки из-за плохого технического состояния невозможно экспонировать. В такой ситуации сейчас находится уникальный экспонат «Смолокурня». Наряду с лесными промыслами большое место имела своеобразная «лесная химия», а именно сухая перегонка дров, смолочурение с одновременным производством скипидара и древесного угля, а также дегтекурение. Эти промыслы являлись характерными для марийского края и имели широкое распространение в лесных районах.

Постепенно мелкие смолочурные установки исчезли. Во всей Республике Марий Эл нет ни одной подобной хозяйственной постройки, чем и обуславливается важность и уникальность музейного экспоната «Смолокурня». Поэтому было принято решение создать проект по реставрации этого экспоната и направить заявку на участие в федеральной целевой программе «Культура России (2012 – 2018 годы)» на 2016 год.

Важнейшей особенностью Этнографического музея под открытым небом им. В.И. Романова является то, что в рамках его деятельности будут созданы условия для сохранения и популяризации национальной культуры народа мари, что даст возможность многим поколениям знакомиться с традициями, бытом и промыслами одного из народов Поволжья.

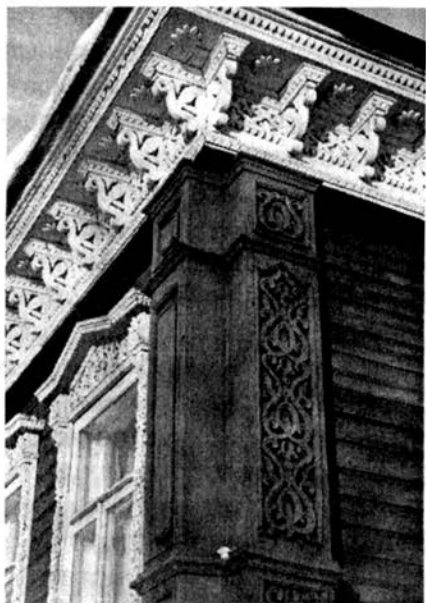
Музейный комплекс обладает большим туристическим потенциалом. Во-первых, имеет в своем составе гостиничное хозяйство – 54 номера и 91 койко-место, что позволяет принимать туристов не только с теплоходов, но и организовывать многодневные туры. Во-вторых, туристические маршруты проходят по исторической части города, где гармонично сочетаются как дома купцов, великолепно украшенные кружевной резьбой, так и родовые усадьбы. Это поистине духовная территория, на которой собраны и запечатлены самые различные события жизни наших предков. Многие городские усадьбы были построены по оригинальным проектам (усадьбы купчихи Замятниной, Сатарова, Пономарева, Бычкова, Торсуева).

В настоящее время характер существующей застройки довольно разнообразен: от хорошо сохранившихся исторических зданий до частной застройки с очень высокой степенью износа. В последнее время возведены несколько новых зданий. Ряд территорий после износа пустуют. Являясь неповторимой территорией, историческая часть города Козьмодемьянска требует к себе повышенного внимания. Это обусловлено тем, что она практически единственная в республике, где еще возможно сохранить и воссоздать довольно большой участок городской среды, которая будет иметь культурно-историческую ценность.

Развитие туризма и сохранение культурного наследия невозможно без частных инвестиций, развития малого и

среднего предпринимательства, а также активной позиции власти и органов местного самоуправления. Ярким примером взаимодействия власти и бизнеса является восстановление памят-

ников истории и архитектуры и адаптация их в туристическую инфраструктуру с использованием под выставочные залы, кафе национальной кухни, музей, сувенирные лавки.

Чтобы повысить интерес к Козьмодемьянску как к туристическому центру, необходимо также придать новизну и самим традиционным экскурсионным программам и музеям. Это и изменение мест экспозиции, изменение времени работы музеев, приобретение автотранспорта для туристов, введение интерактивов, дополнительных функций, возможностей, спецэффектов, изменение восприятия через внешние атрибуты. Для этого у нас были разработаны несколько туристических маршрутов. Это анимационные, театрализованные, интерактивные программы, а именно: «На Горномарийской стороне», «Купеческая свадьба», «В поисках прошлого». Это и переодевания в традиционные национальные костюмы, катание на лошадях, дегустация национальных блюд, исполнение песен и танцев, участие в играх и обрядах. Турист непосредственно может ощутить причастность к культуре своего и других народов.

В заключение хотелось бы отметить, что в архитектуре Козьмодемьянска деревянные жилые дома и усадьбы конца XIX – начала XX в. составляют одну из самых ярких страниц. Однако сегодня количество таких домов неуклонно сокращается, а состояние сохранившихся оставляет желать лучшего. Настоящее и будущее исторической застройки – тема отдельная, притом довольно болезненная. На наших глазах безвозвратно исчезает, уходит в небытие эта хрупкая красота. Между тем именно деревянная застройка и купеческие усадьбы во многом определяют своеобразие, присущее российской архитектуре и русским историческим малым городам; не случайно именно она вызывает наибольший интерес у иностранных ученых - архитекторов и искусствоведов, а также неизменно сохраняет привлекательность для туристов.

Идея проекта «Малые города России и русские усадьбы на Волжском туристическом маршруте» заключается в привлечении внимания к туристским ресурсам и потенциалу малых городов и русских усадеб. Актуальность темы подтверждается экономическими и социальными выгодами, связанными с ускоренным инновационным развитием туризма как одной из важнейших составляющих развития регионов Российской Федерации, и носит социальный характер – современные люди приходят к пониманию того, что значит для них история своего рода. Строительство «семейного гнезда» – первый шаг на пути к восстановлению прежней роли родовой усадьбы, сохранению и уважению истории своих предков.

С.М. ГУСЕВА,

зав. научным отделом

Костромского музея-заповедника «Костромская слобода»

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА СОВЕГУ

Экспедиция охватывала ограниченную территорию, называемую «Совега» (по названию местной реки). Это небольшой регион, примыкающий к Вологодской области, который долгое время был оторван от Солигалича по причине бездорожья. Электричество появилось здесь только в 1960-е годы. Местные традиции сильно отличаются от тех, которые бытовали в примыкающей зоне Солигаличского района.

Были обследованы два основных куста деревень, сохранившихся к началу 2000-х годов. Это два основных куста, которые имеют отличия в самосознании жителей, в говорах, особенностях быта.

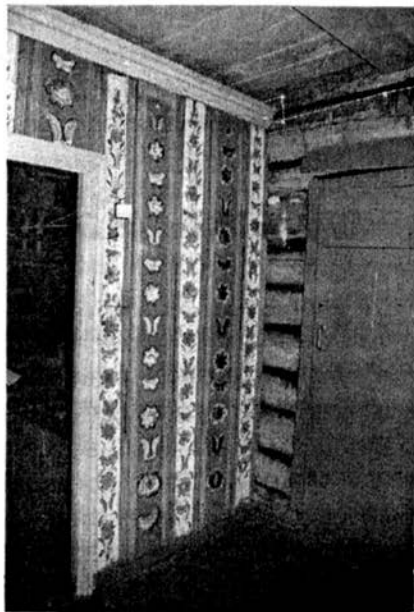
Такие деревни, как Малое и Большое Токарёво, Букино и другие, издавна имеют такие особенности в говоре, как употребление буквы «ч» вместо «ц». Например, «овча» (овца), «курича» (курица), «кажечча» (кажется) и т.д. Местное население и те, кто живут вокруг, называют местное население «бурами». У современного населения этих деревень эта особенность почти не сохранилась, хотя прослеживается в некоторых словах.

Село Великово, деревни Прокошево, Макарово, Соболево и прочие зовутся здесь «волостными», так как считалось, что люди здесь были более грамотными, просвещёнными (по мнению местных жителей). В говоре жителей обеих зон сохранился ряд особенностей произношения некоторых слов: «пошѣв» (пошёл), «пив» (пил), «нидия» (неделя) и другие. Сохранилось много интересных, самобытных слов и выражений, например: «басили» (украшались), «кокоряга» (козлы для распилки дров), «тонышки» (пирожки), «народ свой чатый» (свой, свойский) и прочие.

В этой местности до сих пор бытуют старинные имена: Енава, Фелица, Анфиноген, Алистарх и другие.

Хорошо сохранилась удивительно живучая и до сих пор применяемая древняя традиция использования прозвищ, которые давались ещё во времена пра-пра-предков и даются сейчас по именам родителей либо их прозвищам. Такими прозвищами пользуются сейчас в обиходе, некоторые добавляются в документы. Интересны варианты легенды о происхождении местных жителей от пришедших сюда разинцев.

Интерьер избы на Совеге.

На Совеге очень интересны старые жилые и хозяйственные постройки (храмовых зданий встретить не удалось – не сохранилось). Ещё раньше с Совеги в музей деревянного зодчества были вывезены ветряные мельницы и замечательная «круглая часовня». Часто можно увидеть бани по-чёрному с печью каменной, старые амбары, некоторые из которых переделаны на бани, овины в очень ветхом состоянии. Любопытны традиционные жилые дома и их типы: дом брусом с летней и зимней избой (в центре двор); дом с летней избой и зимницей с навесом (д. Германов Починок, д. Большое Токарёво); дом с крытым взвозом со стороны зимницы, взвоз под навесом (с. Великово); так называемый дом «на две стопы» – две избы рядом с промежутком между ними (д. Соболево, д. Большое Токарёво и др.); руины дома с волоковым окном напротив печи, видимо, с топкой по-чёрному (д. Соболево); дом «глаголем» (д. Малое Токарёво). Часто можно встретить одноэтажные жилые дома на высоком подклете с прирубом, а также двухэтажные дома с элементами различных особенностей и традиций.

В нескольких домах обнаружены расписные доски переборки. Например, в доме С.А. Морозовой из д. Большое Токарёво (в отличном состоянии), перенесённые из старого дома. По словам местных жителей, в здешних местах были распространены расписные интерьеры, мотивы росписей которых – растительный орнамент и сюжетные сценки (одна из досочек была найдена нами в заборе палисадника в д. Германов починок).

Достопримечательностью Совети является школьный краеведческий музей в с. Великово, где собран хороший материал по истории и этнографии местного края. Инициатор и главный специалист музея – учитель Серафима Ивановна Морозова 1928 года рождения. В музее хранится не только информационный материал, но и множество различных бытовых вещей.

На Совете сохранилась своеобразная традиция пения частушек и песен под гармонь и «под язык», самобытный цикл частушек «Советанка», воспоминания о том, как плясали «пешком», то есть медленно, плавно перебирая ногами и тихонько притоптывая без дробей и удали, и пение «долевых» (медленных) песен, которые пелись по-старому, «тоненько». Интересны мужские частушки, хулиганские частушки «под драку».

Получены интересные сведения по теме «Традиционная пища», а также об особенностях общения жителей между собой, о бытовых традициях, о воспоминаниях о старинной жизни и т.д.

Неотвратимый процесс ухода из жизни старожилов края, носителей традиционной культуры идёт катастрофически быстро. Одновременно с этим очень быстро, прямо на глазах, разрушаются традиционные постройки, памятники народной архитектуры. Уходит в небытие самобытная, богатая, накопленная веками народная культура. Сохранившиеся фрагменты информации и материальной культуры имеют большое значение для изучения местного края (в последующие годы мы побывали в здешних местах ещё 2 раза, но, к сожалению, ни один намеченный памятник не был вывезен в музей либо сохранён на месте; материалы экспедиций со временем будут подготовлены к публикации).

(Солигаличский район, сентябрь 2000 года).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. **А.И. МИТИН**, директор Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»..... 3

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

А.П. ПАВЛОВ, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории РАН;
С.А. УТКИН, старший научный сотрудник Костромского музея-заповедника «Костромская слобода».
СЕЛО ХОЛМ ГАЛИЧСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВВ. 9

О.В. СМУРОВА, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного технологического университета.
КОНТЕКСТ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕСТЬЯНИНА ЧУХЛОМСКОГО УЕЗДА МАРТЬЯНА САЗОНОВА..... 22

С.А. ПИЛЯК, заместитель директора Костромского музея-заповедника «Костромская слобода».
ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ ВАРНАВИНСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 39

А.В. СЕМЕНОВА, старший научный сотрудник КГИАХМЗ.
ДЕРЕВЯННАЯ КУЛЬТОВАЯ СКУЛЬПТУРА В СОБРАНИИ ФОТОМАТЕРИАЛОВ МУЗЕЯ 67

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

М.С. ЧЕРКАСОВА, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.
БРАК И СЕМЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ 77

С.В.РЯБИНЦЕВ, кандидат исторических наук,
заместитель генерального директора
по учету и хранению КГИАХМЗ.
ОСОБЕННОСТИ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБРЯДОВ
В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ
ГУБЕРНИЙ. Кон. XIX – нач. XX вв. 100

Л.В. МОСКАЛЁВА, главный хранитель фондов Костромского
музея-заповедника «Костромская слобода».
НАРОДНАЯ ВЫШИВКА СОЛИГАЛИЧСКОГО
И ЧУХЛОМСКОГО УЕЗДОВ КОСТРОМСКОЙ
ГУБЕРНИИ. XIX – I-я треть XX вв. 108

С.Д. МАСАЛЕВА, старший научный сотрудник
Костромского музея-заповедника «Костромская слобода».
ЖЕНСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ РУБАХА
НЕРЕХТСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.
XIX – нач. XX вв. 138

М.Л. ПОГОРЕЛОВА, Е.А ДВОРЕЦКАЯ, доценты
кафедры дизайна, технологии, материаловедения КГТУ.
ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЬНЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ 150

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

М.М. ГУСЕВА, зав. сектором сохранения,
изучения и демонстрации традиционных ремёсел
музея-заповедника «Кижы».
ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЁСЛА
В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КИЖИ» 161

Л.А. БАТЮКОВА, директор Козьмодемьянского
музейного комплекса.
М.В. РЕДЬКИНА, зав. отделом
по национальной культуре.
МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ И РУССКИЕ УСАДЬБЫ 170

С.М. ГУСЕВА, зав. научным отделом
Костромского музея-заповедника «Костромская слобода»
ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА СОВЕГУ 179

Научное издание

СОХРАНЯЯ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
Научный сборник,
посвященный 55-летию
Костромского музея деревянного зодчества

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор **О.В. Смурова**
Отв. редактор **Т.Г. Гончарова**

Фото из архивов Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижі», Козьмодемьянского музейного комплекса и личных архивов авторов.

Сдано в набор 10.11.2015 г.

Подписано в печать 02. 12. 2015 г.

Формат бумаги: 60 x 90/16. Усл. печ.л.: 13,5.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж: 150 экз. Заказ № 2511.

Отпечатано: ГП «Областная типография им. М. Горького»

156961 Кострома, ул. Петра Щербины, 2.

Костромской
архитектурно-этнографический
и ландшафтный музей-заповедник
«Костромская слобода»
156961, г. Кострома,
ул. Просвещения, 1б.

Тел. (4942)37-38-72

Тел./ факс:

(4942) 37-25-73

muzeizapovednik@yandex.ru

Сайт: <http://kostrsloboda.ru>